

Фил Бейкер

Абсент

Книга известного английского культуролога Фила Бейкера рассказывает удивительную историю абсента от времен Древней Греции и Рима до наших дней. Запрещенный в XIX веке сначала в Швейцарии, а затем и во Франции, где он пережил свою золотую эпоху (с ним связаны имена А. де Мюссе, Ш. Бодлера, П. Верлена, А. Рембо, А. Тулуз-Лотрека, В. Ван Гога и других знаменитых поэтов и художников), этот алкогольный напиток был объявлен едва ли не главной причиной всеобщего упадка нравов. Что такое абсент и чем он выделяется среди прочих напитков? Почему вызывал такой ужас и обладал такой притягательностью? Об этом и о многом другом читатель узнает из этой увлекательной и познавательной книги, многие главы которой читаются как детектив.

Пролог

ТРИ ГРОБА ПОУТРУ

В августе 1905 года по передовицам европейских газет прокатилась весть об одной мерзкой трагедии. Тридцатилетний Жан Ланфре, швейцарский крестьянин французского происхождения, выпил два стакана абсента, достал из шкафа старую армейскую винтовку и выстрелил в голову своей беременной жене. Когда на шум в комнату вошла его четырехлетняя дочь Роз, он застрелил и ее. Потом он пошел в соседнюю комнату и убил свою вторую двухлетнюю дочь Бланш, которая лежала в детской кроватке. После этого он попытался застрелиться, но неудачно и, пошатываясь, вышел во двор, где упал и заснул, сжимая в руках мертвое тело Бланш.

На следующее утро, уже при полицейских, Ланфре показали тела его жены и детей. Их положили (какой-то ужасный и живописный штрих в духе Диккенса!) в три гроба, один другого меньше. Должно быть, это было отрезвляющее зрелище.

Общественная реакция на дело Ланфре была необычайно бурной, причем сосредоточилась она на одной-единственной детали. Возмущало не то, что Ланфре был горьким пьяницей и перед убийствами выпил не только два стакана абсента до работы (то есть задолго до трагедии), но еще и по рюмке мятного ликера и коньяка, шесть стаканов вина за обедом, стакан вина перед уходом с работы, чашку кофе с бренди, литр вина уже дома и еще один кофе с коньяком. Все это не имело значения, как и то, что он вообще выпивал в день до пяти литров вина. Каждый знал, что виноват *именно абсент*. Через несколько недель жители окрестных городов и деревень подали властям петицию. 82 450 человек требовали запретить абсент в Швейцарии; на следующий год так и сделали. Никакой другой напиток, даже джин в Лондоне времен Хогарта, не имел такой дурной славы.

Глава первая

ЧТО ТАКОЕ АБСЕНТ?

Ты говоришь, что пристрастился к абсенту, — знаешь ли ты, что это значит?

Мария Корелли, «Польнь»

Что такое абсент? Один из самых крепких алкогольных напитков, причем на психику действует вдобавок содержащаяся в нем польнь. Вокруг *идеи* абсента сложилась особая мифология. У самого этого слова есть какой-то странный отзвук. Так и кажется, что это не алкогольный напиток, а что-то вроде амаранта, неувядающего цветка, символизирующего бессмертие, или непентеса — успокоительного снадобья, которое делают из хищных растений.

Как мы увидим, когда упоминают абсент, особенно в англоязычном мире, прежде всего приходит мысль о зле — не о *грехе*, но все же о чем-то недобром. Нельзя сказать, что абсент не обладает подспудной прелестью греха. Но все-таки он для этого слишком крепок. Везде, особенно во Франции, он часто связан с чем-то более низким и болезненным, связан не столько с грехом, сколько с *пороком*.

Родился он в Швейцарии в конце XVIII века, как тоник, аперитив, а в середине XIX стал прочно ассоциироваться с французской колониальной армией в Алжире. Рюмка абсента стала уважаемой и почти повсеместной буржуазной привычкой в пышные времена Второй империи, но к концу ее абсент приобрел два особых и опасных значения. Его стали связывать с поэтами, художниками, вообще с богемой, а кроме того — с пьянством рабочего класса, особенно после ужасов 1870-1871 годов, когда вслед за франко-прусской войной последовали восстание и разгром Парижской коммуны. Положение ухудшилось в 80-е годы, когда неурожаи винограда привели к тому, что абсент стал дешевле вина. В конце концов, эти два смысла соединились на том перекрестке, где богема встречается с притоном, знаменуя один и тот же конец и для рабочих, и для художников. Абсент — уже не «зеленая фея», а «зеленая ведьма», «королева ядов» — вызывает общественный ужас и нравственную панику. К этой поре он устойчиво связан с безумием, и во Франции его именуют «омнибусом в Шарантон», то есть в сумасшедший дом. «Если абсент не запретить, — писал один из его противников, — наша страна быстро превратится в огромную палату, обитую войлоком, где одна половина французов наденет смирительные рубашки на другую».

Во Франции абсент был запрещен в 1915 году. Когда задумались над национальной проблемой алкоголизма и неготовностью французской армии к Первой мировой войне, он стал козлом отпущения. Однако он сохранился в Испании и Восточной Европе, а сегодня, после нового «*fin-de-siecle*», вернулся, вместе со всеми своими старыми обертонами. Каждый из трех авторов, писавших в последнее время об абсенте, связывает с ним целый ряд смыслов: Реджину Нейдельсон он наводит на мысль о «пленительном упадке» и «истории, богатой сексуальными и наркотическими коннотациями»; пишет она и о том, что как социальное явление он был «кокаином XIX века». Для Барнаби Конрада история абсента — это история «убийств, безумия и отчаяния»; он считает, что в XIX веке абсент «символизировал анархию, намеренный отказ от нормальной жизни и ее обязательств». Согласно Дорис Ланье, абсент «ассоциировался с вдохновением, со свободой и стал символом французского декаданса»; само это слово вызывает у нее «мысли о наркотической интриге, эйфории, эротизме и декадентской чувственности».

В дополнение ко всему этому абсент всегда будет ассоциироваться со старым *fin-de-siecle*, 90-ми годами Оскара Уайльда и Эрнеста Доусона в «Café Royal», а также с такими французскими символистами, предшественниками английского декаданса, как Верлен и Рембо. В Лондоне до недавнего возрождения абсента отношение к нему всегда было связано

с Парижем, в частности — как пишет где-то Алистер Кроули — с «представлением среднего кокни о парижском разврате». Это отношение к Франции и ко всему французскому сохранилось в Англии вплоть до 60-70-х годов XX века. Так, Лу Рид сравнивает песню группы «Velvet Underground» «Some Kinda Love» с «грязным французским романом!», а Патти Смит предстает на обложке журнала для болельщиков «Уайт Стаф» с дешевым и вульгарным изданием романа «Порочность» монмартрского писателя Франсиса Карко* [*Карко («автор», как написано на обложке, «ТОЛЬКО ЖЕНЩИНЫ и ПОРОЧНОСТИ») был достаточно известным французским писателем, пока «Библиотека Беркли за 35 центов» не наложила на него лапу. Он — лауреат «Большого приза за роман» Французской Академии и член Академии Гонкуров. — Примеч. авт.*].

Порочность, несомненно, ключевой мотив романа «Полынь» (1890), где Мария Корелли обличает абсент. Эта книга так высокопарна, что рядом с ней «Призрак оперы» кажется «Гордостью и предубеждением». Рассказывается в ней о Гастоне Бове, порядочном и умном человеке, который после роковой встречи с абсентом совершенно деградировал, погубив и себя и окружающих. «Дайте мне быть безумным!» — кричит Бове:

*...безумным безумием абсента, самым диким, самым роскошным безумием в мире! Vive la folie!
Vive l'amour! Vive l'animalisme! Vive le Diable!* [Да здравствует безумие! Да здравствует любовь!
Да здравствует скотство! Да здравствует дьявол! (франц.).]*

Вскоре становится ясно, что кроме пристрастия к абсенту у Гастона есть еще один неприличный недостаток. Он — француз.

Болезненная мрачность современной французской души хорошо известна и признана всеми, даже самими французами; откровенный атеизм, жестокость, легкомыслие и вопиющая безнравственность французской мысли не подлежат сомнению. Если преступление поражает своей хладнокровной жестокостью, его чаще всего совершают в Париже или где-нибудь неподалеку; если появляется откровенно непристойная книга или картина, автор или художник, в девяти случаях из десяти, оказывается французом.

<...> Несомненно, уровень моральной ответственности и высокие чувства у современных парижан стремительно падают по многим причинам; но я без колебаний скажу, что одна из этих причин — безудержная абсентомания, охватившая все классы общества, от богатых до бедных. Всем известно, что в Париже мужчины отводят особые часы этому роковому пристрастию так же благоговейно, как мусульмане выделяют время для молитвы... Воздействие абсента на человеческий мозг ужасно и неизлечимо, и ни один романтик не сможет преувеличить жуткую реальность этого зла.

Кроме того, надо помнить, что во многих французских кафе и ресторанах, недавно открывшихся в Лондоне, абсент всегда можно купить по обычной для Франции низкой цене. Французские привычки, французская мода, французские книги, французские картины имеют особую привлекательность для англичан, и кто сможет поручиться, что модные во Франции наркотики не войдут у нас в моду?

После того как Бове был представлен «зеленоглазой фее» своим другом Жессоне, сумасшедшим художником, он бросился в пучину самоуничтожения. Мелодраматически ужасное падение приводит его в парижский морг и на кладбище Пер-Лашез. «Ты говоришь, что пристрастился к абсенту, — говорит отец Гастона, — знаешь ли ты, что это значит?»

— Наверное, да, — ответил я равнодушно. — В конце концов, это — смерть.

— О, если бы только смерть! — воскликнул он с горячностью... — Это самые отвратительные преступления, это грубость, жестокость, апатия, чувственность, одержимость! Понимаешь ли ты, какую судьбу себе уготовил?..

Гастон, в конце концов, становится настоящим мистером Хайдом, «крадущимся, шаркающим зверем, полуобезьяной, получеловеком, чей вид настолько отвратителен, чье

тело так трясется в бреду, чьи глаза так кровожадны, что, если бы вы случайно столкнулись с ним днем, вы бы, наверное, невольно вскрикнули от ужаса».

Но вы меня не увидите — мы не друзья с дневным светом. В своей ненависти к солнцу я стал подобен летучей мыши или сове!... Ночью я живу; ночью я выползаю на улицы вместе с другими мерзостями Парижа и одним своим присутствием добавляю нечистоты к нравственным ядам воздуха!

Легко посмеяться над Марией Корелли, но, возможно, она заслуживает и невольного уважения. Абсент у нее — что-то такое, что семейка Адамс* [*«Семейка Адамс» («Addams Family») — американская черная комедия с элементами фильма ужасов. - Примеч. пер.*] могла бы пить на Рождество; злой рок в бутылке.

У истории абсента есть несколько отрезвляющих лейтмотивов: зависимость, разорение, смерть. Его эстетический заряд, скорее горький, чем сладкий, не столько прекрасен, сколько возвышен в том смысле этого слова, который Эдмунд Берк использовал в своем протогоготическом эссе «Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного». Возвышенное вызывает и благоговение и что-то вроде ужаса. В одном из интернетовских сайтов, упоминая «Старый дом абсента» в Новом Орлеане, автор пишет, что мраморная стойка «вся изъедена оспинами, говорят — оттого, что на нее все время проливали абсент. Невольно подумаете, какой вред причиняет абсент человеческому телу, *если он разъедает даже прочный камень»* (курсив мой. — Ф.Б.). Возможно, стойку повредила капающая вода, но здесь ярко выражен ужас перед абсентом; люди хотят, чтобы он был страшным, ведь страшное доставляет особое наслаждение.

Ричард Клайн считал, что сигареты возвышенны. Им свойственна, писал он, «красота, которая никогда не считалась чисто положительной, но всегда связывалась с отвращением, грехом и смертью». Ссылаясь на Канта, Клайн определяет возвышенное как эстетическую категорию, подразумевающую негативный опыт, шок, опасность, напоминание о смерти, созерцание бездны. Если бы сигареты были полезны, говорит Клайн, они не были бы возвышенны, но

...они возвышенны и отметают все доводы здоровья и пользы. Предостерегая заядлых курильщиков или новичков об опасности, мы еще ближе подводим их к краю пропасти, где, как путешественников в Швейцарских Альпах, их может ужасать утонченная высота близкой смерти, открывающаяся сквозь крохотный ужас каждой затяжки. Сигареты дурны, тем они и хороши — не добры, не прекрасны, а возвышенны.

Если следовать этим доводам, абсент — еще возвышеннее.

Итак, история абсента являет нам удовольствие, смешанное с ужасом. Оно похоже на чувство, о котором говорит Томас де Квинси, рассуждая о «мрачно-возвышенном». По его мнению, возвышенным может быть не только большое (горы или бури), но и маленькое, из-за своих ассоциаций, например — бритва, которой кого-то убили, или пузырек с ядом...

Но хватит говорить о гибели и тьме. Пора вызвать первого свидетеля защиты.

Алистер Кроули (1875-1947) так успешно присвоил наследие оккультного возрождения конца девятнадцатого века, что в двадцатом веке его имя стало практически синонимом магии. Ему нравилось, что его называли Зверем из бездны, как апокалиптическое чудовище, а когда газеты лорда Бивербрука начали бранить его в 1930-х годах, он прославился как «самый плохой человек в мире». Сомерсет Моэм знал его в Париже, сделал прототипом Оливера Хаддо в романе «Чародей» и вынес ему самый лаконичный из всех приговоров: «Шарлатан, но не только».

В Париже Кроули вечно сидел в баре ресторана «Белый Кот» на Rue d'Odessa* [*Улица Одессы, Одесская улица (франц.). — Примеч. пер.*] (где Моэм с ним и познакомился). В те дни «Перно» было маркой абсента, а не анисовой водки, которой ему пришлось стать после

того, как абсент запретили. Кроули очень любил разыгрывать знакомых, и, когда его старый друг Виктор Нойбург приехал к нему в Париж, Зверь из бездны не удержался и дал ему совет:

Его предостерегали, чтобы он не брал в рот абсента, и мы сказали ему, что это правильно, но (добавили мы) и другие напитки в Париже очень опасны, особенно для такого милого молодого человека. Есть только один надежный, легкий и безвредный напиток, который можно пить сколько хочешь, без малейшего риска, и заказать его просто — крикни только: «Гарсон! Мне — перно!»

Этот совет привел к разным несчастьям. Сам Кроули пил абсент не в Париже, а главным образом в Новом Орлеане, где написал эссе «Зеленая богиня»:

Что делает абсент особым культом? Если им злоупотребляют, действует он совсем не так, как другие стимуляторы. Даже в падении и деградации он остается собой; его жертвы обретают неповторимый и жуткий ореол и, в своем странном аду, извращенно гордятся тем, что они не такие, как все.

Но нельзя оценивать что-то только по злоупотреблениям. Мы же не проклинаям море, где бывают кораблекрушения, и не запрещаем лесорубам использовать топоры из сочувствия к Карлу I или Людовику XVI. С абсентом связаны не только особые пороки и опасности, но и милости и добродетели, которых не даст никакой другой напиток.

Например:

Так и кажется, будто первый изобретатель абсента действительно был волшебником, настойчиво искавшим сочетание священных зелий, которое бы очищало, укрепляло и одаряло благоуханием человеческую душу.

Несомненно, если пить абсент правильно, добиться этого нетрудно. От одной порции дыхание становится свободней, дух — легче, сердце — горячее, а душа и разум лучше выполняют те великие задачи, для которых они, возможно, и созданы Творцом. Даже пища в присутствии абсента теряет свою грубость, становится манной небесной и совершает таинство питания, не вредя телу.

В одном особенно интересном отрывке Кроули говорит об абсенте и художественном отстранении. Красота есть во всем, пишет он, если смотреть с должной отстраненностью. Секрет в том, чтобы отделить ту часть себя, которая «существует» и воспринимает, от другой части, которая действует и страдает во внешнем мире. «Собственно, — добавляет Кроули, — это и есть творчество». Абсент, на его взгляд, помогает все это сделать.

В одном месте Кроули поднимает и без того возвышенный тон своего эссе, цитируя стихи по-французски. «Знаете ли вы французский сонет "La Legende de l'Absinthe?"* [«*Легенда об абсенте*» (франц.).]» — спрашивает он. Было бы удивительно, если бы читатели ответили: «Да», так как Кроули сам его и сочинил. Опубликовал он его в прогерманской газете «The International» (Нью-Йорк, октябрь 1917 года), подписавшись прозвищем известной звезды Мулен Руж, которую рисовал Тулуз-Лотрек, — «Прожорливая Жанна» (Jeanne La Goulue).

*Аполлон, оплакавший Гиацинта,
Не хотел уступить победу смерти.
Он ведал таинства превращений,
Святую алхимию совершенства,
А потому стал терзать и мучить
Благие дары прекрасной Флоры,
Пока изломанные созданья,
Дыша и светясь золотистым светом,
Не дали первой капли абсента.
Во тьме погребов и в сверкании залов,
Собравшись вместе и поодиночке,*

*Пейте это любовное зелье!
В этом напитке — дивные чары,
Бледный опал прекращает муку,
Дарит красы сокровенную тайну,
Пленяет сердце, возносит душу.*

Алистер Кроули* [*Здесь и далее, если нет особых указаний
стихи в переводе Н.Т.*]

Абсент когда-то можно было найти везде, где была французская культура, - не только в Париже и Новом Орлеане, но и во французских колониях, особенно во французской Кохинхине (Вьетнаме). В своих «Признаниях» Кроули рассказывает о случае в Хайфоне, который кажется ему «восхитительно колониальным». На углу одной из главных улиц решили снести большое здание, но француза, командовавшего работами, нигде не могли найти. Наконец один из его подчиненных обнаружил его в питейном заведении, где тот буквально упился абсентом. Тем не менее француз все еще мог говорить и, с огрызком карандаша, на мраморной плите столика стал подсчитывать, сколько понадобится взрывчатки. Однако он неправильно поставил запятую в десятичной дроби, и заряд динамита взорвал не только здание на углу, но и весь квартал. Виноват, конечно, абсент. Кроули вовремя напоминает нам, что «этот напиток не слишком полезен в том климате».

Алистер Кроули защищал абсент. Это неудивительно, ведь он был самым плохим человеком в мире. За более непредвзятым суждением мы обратимся к Джорджу Сентсбери (1845-1933), который был некогда известным английским критиком. Откровенно ориентируясь на удовольствие как главный критерий литературной оценки, он был мастером того критического стиля, который можно сравнить с дегустацией вин. «Социальная миссия английской критики» его не привлекала, совесть — не мучила, и ему представлялось, что самое высокое, райское блаженство — читать Бодлера, пока маленькие дети чистят каминные трубы. Джордж Оруэлл упоминает Сентсбери в «Дороге к причалу Виган Пир», двусмысленно восхищаясь его политическими убеждениями. «Нужно много храбрости, — говорит он, — чтобы открыто быть *таким* подлецом».

Похожий на мандарина бородатый старик в очках, Сентсбери славился огромной эрудицией, странными, но блестящими суждениями (Пруст, например, напоминал ему Томаса де Квинси) и феноменально запутанным синтаксисом. Для потомства сохранился такой его отрывок: «Никто, кроме них, не сделал и не мог бы сделать ничего подобного, но было много такого, чего — могли они это сделать или нет, никто из них не совершил».

Сентсбери так хорошо разбирался в винах и других напитках, что в гедонистические 20-е годы в его честь назвали общество, которое существует по сей день («Saintsbury Society»). Перед смертью он особенно настаивал, чтобы никто и никогда не писал его биографии. Что он скрывал? Этого мы не знаем. Но в отрывке из главы о ликерах его известной «Книги погребя» он пишет об абсенте:

...Прежде, чем завершить эту короткую главу, я хотел бы сказать несколько слов о самом злом, как думают многие, напитке этого племени — «зеленой музе», воде Звезды Полынь, из-за которой погибли многие. Это *Absinthia taetra*, заслуживающая, по всеобщему мнению, много худшего эпитета, чем тот, который употребил величайший из римских поэтов* [*Лукреций, «О природе вещей», Книга IV, Пролог. Лукреций пишет, что полынь горькая.*]. Я полагаю (хотя со мной это не случилось), что абсент причинил много вреда. Его главный элемент слишком силен, если не слишком ядовит, чтобы позволить ему неразборчиво и мощно воздействовать на человеческое тело. Я думаю, он всегда был слишком крепким, и никто, кроме сумасшедших, которыми, как считается, он нас и делает, и тех, кому сумасшествие предначертано, не станет пить его в чистом виде <...>

Человек, пьющий неразбавленный абсент, заслужил свою судьбу, какой бы она ни была. Вкус сгущен до омерзения, спирт жжет, «как факельная процессия», — словом, только сверхъестественно сильная или обреченная роком голова не будет после этого болеть.

И еще по одной причине лучше пить абсент разбавленным: иначе вы потеряете почти наркотическую прелесть особого ритуала — «все церемонии и весь этикет правильного питья, пленительные для человека со вкусом». Позднее мы подробнее расскажем о различных способах приготовления абсента, однако метод Сентсбери описан с особой любовью.

Поставьте рюмку с ликером в стакан с самым плоским дном, какой только сможете найти, и осторожно наливайте в абсент воду (или прикажите, чтобы налили) так, чтобы смесь переливалась через край в стакан. Темный изумрудный цвет чистого ликера, нежно клубясь, сначала превращается в то, что было бы цветом звездного смарагда [старое название изумруда], если бы Всемогуший пожелал завершить квартет звездных камней...

Здесь мы должны ненадолго прервать странного старика. Он собирается сказать, что смотреть, как чистый абсент становится мутным, *очень приятно*, но, прежде чем добраться до этого, делает отступление о своей любви к драгоценностям и редкости «звездных драгоценностей».

Звездных камней, говорит он в своей сладострастной сноске,

...пока лишь три — сапфир (встречается он довольно часто), рубин (пореже) и топаз, которого я никогда не видел, а старый синьор Джулиано, одаривший меня по своей доброте множеством хороших бесед в обмен на очень скромные покупки, видел, по его словам, только раза два. Но обычный изумруд в форме кабошона очень точно являет одну из стадий разбавления абсента.

Ну, что ж. Ему нравится, как абсент превращается сначала в изумруд,

потом в опал, который, по ходу дела, исчезает; и когда в рюмке нет ничего, кроме чистой воды, а напиток готов, и запах его, и вкус даруют нам поразительное сочетание — они и освежают, и улаживают. Что говорить, это очень приятно. Как к многим приятным вещам, тут нетрудно пристраститься. Сам я никогда не пил больше рюмки в день.

Это занятное свидетельство отмечает несколько особых свойств, с каждым из которых мы еще встретимся, — крепость абсента, его дурную славу, его связь с ритуалом и нерасторжимый союз с эстетизмом.

Корелли — против абсента, Кроули — за него, Сентсбери изящно, даже изысканно уравновешен. Но для каждого из них, живших в золотую пору этого напитка, он уже был каким-то мифическим веществом.

Рассуждая о самой идее «совершенного напитка», Ролан Барт полагает, что он должен быть «богат разнообразнейшими метонимиями», то есть символическими заменами вроде «часть вместо целого» или «вершина айсберга», по которым узнаешь, почему мы чего-то хотим. Люди, приверженные Шотландии, могут пить шотландский виски; те, кто верит в пресуществление, могут пить кровь Христову; а пьющим вино радостно думать о винограде, солнечном свете, доброй почве и многом другом. Когда Ките хочет вина в «Оде к соловью», он ищет в нем вкуса «Флоры и зелени сельской / пляски, французской песни, лиц загорелых. / О, полный сосуд жаркого юга!». Немного похоже на рекламу.

Абсент — промышленный продукт, такой же синтетический, как зелье доктора Джекилла, и какие бы метонимии здесь ни играли, они родом не из деревенского ландшафта, а из городской культуры. На первый план выходят эстетство, декаданс и богемная жизнь, вместе с идеей Парижа XIX века и Лондона 90-х годов. Как говорит реклама марки абсента

«Хилл», не принося извинений тому, кого называли некогда Принцем: «Сегодня у нас будет вечеринка, как в 1889-м!»

Глава вторая

ДЕВЯНОСТЫЕ ГОДЫ XIX ВЕКА

Абсент всегда будет ассоциироваться с *fin-de-siecle*, декадансом 90-х годов XIX века, десятилетием абсента. Неподражаемый комический персонаж Макса Бирбома Енох Сомс — автор двух стихотворных сборничков «Отрицания» и «Грибы» — вряд ли мог бы пить что-нибудь другое. Впервые мы встречаем Сомса в «Cafe Royal», «в роскоши позолоты и алого бархата, среди смотрящихся друг в друга зеркал и стройных кариатид, где табачный дым вечно поднимается к расписанному языческому потолку». Бирбом и художник Уильям Ротенстайн приглашают его присесть и выпить:

И он заказал абсент. «*Je te tiens toujours fidele*», — сказал он Ротенстайну, — «а *la sorciere glauque*»*[Я навсегда верен серо-зеленой колдунье (франц.)].

— Это вам вредно, — сухо сказал Ротенстайн.

— Мне ничто не вредит, — ответил Сомс. «*Dans ce monde il n'y a ni de bien ni de mal*»*[В этом мире нет ни добра, ни зла (франц.)].

— Ни добра, ни зла? Что вы имеете в виду?

— Я объяснил это в предисловии к «Отрицаниям».

— Отрицаниям?

— Да. Я их вам подарил.

— Ах да, конечно! А объяснили вы, к примеру, что на свете нет ни хорошей ни плохой грамматики?

— Н-нет... — сказал Сомс. — Конечно, в искусстве есть добро и зло, в искусстве — но не в жизни. — Он скручивал сигарету.

У него были слабые белые руки, довольно грязные, а пальцы — желтые от никотина. — В жизни есть иллюзии добра и зла, но, — голос его ослаб до бормотания, в котором едва слышались слова «*vieux jeu*»*[Старомодно (франц.)] и «*гососо*»*[Рококо (франц.)].

Сомс не просто плохой поэт, но и сатанист, поклонник дьявола или что-то в этом роде.

— Не то чтобы поклонник, — определил он, потягивая свой абсент. — Тут дело скорее в доверии и поддержке.

Бездарный, отчаявшийся позер, Сомс продает душу дьяволу за обещание посмертной славы. Но он и так уже был на дороге в ад. Ведь он пил абсент.

Девяностые годы XIX века были странным десятилетием, которое часто считают концом старой викторианской респектабельности и пристойности, началом модерна. Это было время «фантастической усталости и скуки, фантастического предвкушения новых сил». Правила Уайльд и Бердсли, но среди непомерной роскоши крайняя нищета была распространена среди богемы гораздо больше, чем во времена романтиков или высокого викторианства.

Возник интерес к урбанистическим темам и городской нищете, вызванный, с одной стороны, мрачными условиями лондонской жизни, а с другой — влиянием таких французских писателей, как Бодлер. Гомосексуализм вышел было на первый план как особо отмеченная тенденция внутри эстетизма, но снова ушел в подполье после суда над Уайльдом в 1895 году. Люди чувствовали, что они живут в эпоху кризиса и упадка, и ощущение это обостряла привычка мыслить столетиями. «Конец века» — всегда странное время, будь то 1590-е годы с темным и болезненным духом тогдашней драмы или 1790-е годы с их

революцией и гильотиной. Писатели, хорошо знающие античную культуру, сравнивали последнее десятилетие XIX века с упадком и гибелью Римской империи и декадансом Петрония. Оккультизм и католическая церковь собирали жатву. Царили пессимизм и отчаяние, в особенности у самого типичного поэта девяностых Эрнеста Доусона, не говоря уже о Енохе Сомсе. Питер Экройд изящно и блистательно определяет писателей той поры:

...проклятые поэты и писатели, составляющие поколение девяностых, которые принесли пьянящий аромат тепличных цветов из странной оранжереи *fin-de-siecle*. Ричард Ле Гальен со Суинберном, Доусоном и Саймонсом — лишь часть странных певцов похоти и безнадежности.

Однажды ночью, в 1890 году, поэт Лайонел Джонсон предложил эссеисту и второстепенному поэту Ле Гальену выпить абсента. Ле Гальен вспоминает, что они шли из кабака (тот уже закрылся), и Джонсон пригласил его к себе, в Холборн, в «Грейз Инн» выпить по последней. Вспоминая это в 1925 году, Ле Гальен пишет, что предупреждение, сделанное Джонсоном, когда они поднимались по лестнице, все еще вызывает у него улыбку, «очень уж оно типично для 1890-х»: «Я надеюсь, вы пьете абсент, — сказал Джонсон, — у меня ведь больше ничего нет».

Я только слышал, что абсент — таинственно-изысканный и даже сатанинский напиток, что-то вроде чемерицы или мандрагоры. Я ни разу его не пробовал, да и после он не стал моим любимым напитком. Но в 90-е, говоря о нем, кичились своей безнадежной порочностью, намекая на сатанизм и крайнюю растленность.

Эти важнейшие ассоциации и коннотации тут же вступили в игру: «Разве Поль Верлен не пил его все время в Париже? А Оскар Уайльд и его близкие друзья, судя по туманным намекам, услаждались им каждый вечер в "Café Royal"».

Поэтому я смотрел со сладким трепетом, как клубится абсент в наших стаканах. Вдвоем с Лайонелом Джонсоном я впервые пил его глубокой ночью, в учено-строгой комнате, с красивой дароносицей на каминной полке и серебряным распятием на стене.

(Роскошно украшенная дароносица — часть католической церковной утвари, вроде реликвария, где хранится для поклонения пресуществленная гостия.) Джонсон был одним из основателей и членов Клуба стихотворцев, группы поэтов, которая встречалась в кафе «Старый чеширский сыр» на Флит-стрит. Туда входили Ле Гальен, Доусон, Артур Саймоне и У.Б. Йейтс, большой поклонник Джонсона. Джонсон был типичен для *fin-de-siecle*, но настоящим декадантом его назвать нельзя, как показывает его резкое эссе о декадансе «Образованный фавн» (опубликовано в «Антиякобинце», 1891).

Во-первых, пишет он, настоящий декадент должен быть строго одет (совершенно как Уильям Бэрроуз в его «деловом костюме», или Т.С. Элиот; Обри Бердсли одевался, как сотрудник страховой компании, где он какое-то время и работал). Далее, по Джонсону, декадент должен быть нервным и циничным, любить католические ритуалы и, самое главное, преклоняться перед красотой, даже если у жизни есть жесткие, ужасные стороны, скажем — пристрастие к абсенту.

Наш герой должен культивировать обнадеживающую строгость привычек, даже быть чуть-чуть денди. Он чужд блуждающих взглядов, тщательно продуманного беспорядка, величественного безумия его предшественника, «апостола культуры». Итак, аккуратный вид, внутри же — католическое сочувствие ко всему, что существует, «а значит» — страдает ради искусства. Что до искусства, оно связано не столько с чувством, сколько с нервами... Бодлер очень нервный... Верлен трогательно-чувствителен. В этом все дело — тонко ощущать боль, изысканно впадать в тоску, изысканно поклоняться страданию. Здесь в дело вступает нежное попечительство католицизма — длинные белые свечи на алтаре, аскетически-прекрасный молодой священник, позолоченная дароносица, тонкое благоухание ладана...

Чтобы исполнять роль правильно, необходим легкий привкус цинизма — исповедание материалистических догм, объединенное (ведь последовательность запрещена!) с мрачной болтовней о «воле к жизни»... Общий итог — жизнь омерзительна, но красота блаженна. А красота... о, красота! — это все прекрасное. Не слишком ли это очевидно, спросите вы? В том и заключается очарование, показывающее, как вы просты, как католически-невинны. Да, невинны. Красота всегда непорочна, что бы там ни говорили. Конечно, есть на свете «ужасы» — боль, дикий взор любителя абсента, бледные лица «невротических» грешников; но все это — у наших парижских друзей, такой-то «группы», которая встречается в таком-то кафе.

Джонсон стал католиком в том самом году, в каком написал это эссе; в нем была несомненная строгость. Однажды он сказал Йейтсу, что люди, отрицающие вечную гибель, должны бы понять, как они невыразимо вульгарны.

Напряженную чувствительность Джонсона в том, что касается веры и монархии (на самом деле он был сторонником Стюартов), можно почувствовать в двух его самых известных стихах, «Темный ангел» и «У статуи короля Карла на Черинг-Кросс». Он постепенно спился после того, как врач (сейчас мы сказали бы — с почти преступной халатностью) посоветовал ему выпивать, чтобы избавиться от бессонницы. Йейтс описывает его падение в своих «Автобиографиях». Ле Гальен, возможно, уже предчувствовал тогда, в «Грейз Инн», что абсент «слишком свирепое зелье» для такого тонкого человека. Но Джонсон пил, «потому что, особенно в форме его любимого абсента, алкоголь на какое-то время стимулировал и прояснял его разум и воображение». Позднее у него развилась мания преследования, ему казалось, что за ним следят. Близкий друг Эрнеста Доусона, он вечно сидел в кабаках на Флит-стрит и умер в 1902 году, после того, как упал там с высокого табурета.

Коллега Джонсона по Клубу стихотворцев Артур Саймоне сыграл ключевую роль в формировании образа 90-х годов XIX века. Он редактировал влиятельный журнал «Савой» и был автором работ о Бодлере, Уолтере Пейтере и Оскаре Уайльде. Его главный труд, книга «Символистское движение в литературе» (1899), сделавший современную ему французскую поэзию более известной в Англии, считался в свое время чуть ли не манифестом. Раньше он опубликовал эссе о «Декадентском движении». Собственные его стихи — квинтэссенция духа 90-х годов, импрессионистские наброски «низких» урбанистических тем — театров и кафе, сомнительных актрис, проституток, дешевых пансионеров, нищих углов, которые сочетаются с совсем уж непоэтическими, как тогда считалось, деталями, например — сигаретами и газовыми фонарями. Однако есть у него и тяжелый цветистый эстетизм, и более причудливые черты, например, — освещенные газом улицы в стихотворении «Лондон»:

*...вспыхнет огонь недобрый,
И люди, деревья ходящие, смутно мелькают во свете,
Ненатуральных плодов...*

В сборнике 1892 года «Силуэты» есть стихотворение «Пьющий абсент»:

*Я отстраняю мягко видимый мир,
Слышу вдали и вблизи неясный рев,
Странный далекий голос в моих ушах.
Может быть, мой? Ну, что же, мои слова,
Падают странно сквозь день, словно во сне.
Тусклый солнечный свет мне снится. Зато,
Ясным взглядом любви я вижу людей,
Быстро идущих куда-то своим путем.
Мир очень красив. Минуты и дни*

*Связаны танцем чистого забытья.
Я примирен и с Богом и с людьми.
Сыпься же, тихий песок в стеклянных часах.
Я безмятежен и не слежу за тем,
Как равнодушно ты усыпляешь меня.*

Эти стихи дополняют более ранние и более порочные стихи Саймонса «Куритель опиума», которые начинаются «за здравие» («Я увлечен, мне хорошо тонуть...»), а кончаются «за упокой» — в мансарде, кишашей крысами.

Саймонса считали пьяницей и наркоманом, но он мало пил и едва пробовал гашиш. Хэвелок Эллис считает, что Саймоне пил абсент только один раз, с самим Эллисом в парижском кафе. Возможно, он немного недооценивал Саймонса, но у того, конечно, не было наркотической зависимости. Вероятно, заботясь о своей репутации, Саймоне написал в своей книге «Лондон» с подзаголовком «Книга перспектив»:

Мне всегда были любопытны ощущения, в первую очередь те, которые, кажется, ведут в «искусственный рай», доступный не всем. Я не сразу понял, что «искусственный рай» — в твоей душе, среди твоих собственных мечтаний... Тайна всего, что опьяняет, зачаровывала меня, а напиток, никогда меня лично не привлекавший и, в сущности, не принесший мне никаких удовольствий, побуждал меня снова и снова наблюдать за его силой, воздействием и изменениями.

С такими друзьями, как Доусон и Джонсон, у него наверняка было много возможностей наблюдать за воздействием абсента. Хотя у него и не было «зависимости», в 1907 году он не избежал тяжелого нервного срыва. Тем не менее он прожил намного дольше, чем его употреблявшие абсент товарищи. Он пережил Доусона, Джонсона и Уайльда почти на полвека и умер в далеком 1945 году.

Судьбы эстетизма, декаданса и «Искусства ради искусства» поднимались и падали и вместе с судьбой Оскара Уайльда, который прославился около 1880 года и страшно рухнул в 1895 году. Он был учеником Уолтера Пейтера книга которого «Ренессанс в своем Заклучении» содержала манифест нигилистического эстетизма. «Это моя золотая книга, — говорил Уайльд, — я никуда без нее не езжу. Вот он, подлинный цветок декаданса; последняя труба должна была прозвучать, как только она была написана». Сам Уайльд написал другое великое произведение английского декаданса — «Портрет Дориана Грея». Тлеющее раздражение разгорелось открытым огнем в 1895 году, когда его признали виновным в мужеложстве и отправили в тюрьму. После освобождения, в 1897 году, он переехал во Францию.

Французский литератор Марсель Швоб был знаком с Уайльдом и оставил злобно искаженный портрет этого эстета в 1891 году: тот был «высоким человеком, с большим одутловатым лицом, багряным румянцем, ироническим взглядом, плохими, торчащими зубами, порочным, каким-то детским ртом, словно на губах его — молоко и он не прочь пососать еще. За едой — а ел он мало — он постоянно курил египетские сигареты, припахивающие опиумом». Чтобы завершить эту неаппетитную картину, Швоб пишет, что Уайльд пил «ужасно много абсента, который дарил ему его видения и похоти».

На самом деле в те годы Уайльд не так уж увлекался абсентом. Пил он тем больше, чем тяжелее ему жилось, и в конце концов пристрастился. Однажды он сказал критику Бернарду Беренсону: «Он ничего не говорит мне» и признался Артуру Мейкену, который сам любил выпить* [*Во втором издании его книги «Иероглифы» на фронтисписе, по словам автора, была его фотография. «Я кажусь на ней мрачным, праведным и строгим, — пишет он. — На самом деле она выражает мои чувства во время позирования».*

«Господи! — говорил я себе. — Почему я должен тратить время на фотографию в Бэрнс-Корт, когда в блаженный воскресный день мог бы пить абсент...?»: «Я никак не

мог привыкнуть к абсенту, но он так подходит к моему стилю». В конце концов, он все же привык к нему и после своего низвержения, в Дьеппе, говорил: «У абсента — чудесный цвет, зеленый. Стакан абсента очень поэтичен. Какая разница между ним и закатом?»

По словам своего биографа, Ричарда Элмана, Уайльд выработал «романтические идеи» об абсенте. Вот как он описывал действие абсента Ада Леверсон по прозвищу «Сфинкс»:

— После первого стакана ты видишь вещи такими, какими тебе хочется, чтобы они были. После второго ты видишь их такими, какими они и не были. Наконец ты видишь их такими, какие они на самом деле, и это очень страшно.

— Что вы хотите этим сказать? — спросила Ада Леверсон.

— Они теряют связи. Возьмем, к примеру, цилиндр! Ты думаешь, что видишь его, как он есть. Но это не так, ведь ты объединяешь его с другими вещами и идеями. Если бы мы ни когда не слышали о цилиндрах, а потом неожиданно увидели цилиндр отдельно, мы бы испугались или рассмеялись. Так действует абсент, и потому он приводит к безумию.

Это жуткое отстранение обладает всеми признаками настоящей наркомании. Уайльд продолжает, быть может, менее убедительно:

— Три ночи напролет я пил абсент, и мне казалось, что у меня исключительно ясный разум. Пришел официант и стал сбрызгивать водой опилки на полу. Тут же появились и быстро выросли чудесные цветы — тюльпаны, лилии и розы, истинный сад. «Неужели вы их не видите?» — спросил я. «*Mais non, monsieur, il n'y a rien*»* [*Нет, месье, здесь ничего нет (франц.)*].

Видеть все таким, как оно есть, по словам Уайльда, помогает тюрьма. Эта мысль отрезвляет.

Уайльд любил украшать беседу, цитируя себя самого, и несколько иначе описал воздействие абсента Джону Фозергиллу, который позже, в 30-е годы, прославился как «джентльмен-кабатчик». В молодости он был знаком с Уайльдом, и тот рассказал ему — «своим великолепным протяжным тоном» — о трех стадиях питья. На этот раз

...первая стадия — как обычное питье, во второй ты начинаешь видеть чудовищные и жестокие вещи, но, если не сдашься, ты войдешь в третью и увидишь то, что *хочешь* видеть, всякие чудеса. Как-то, очень поздно, я пил один в «Cafe Royal», и только я дошел до третьей фазы, как официант в зеленом фартуке начал ставить стулья на столы. «Пора идти домой, сэр», — сказал он мне, принес лейку и стал поливать пол. «Мы закрываемся, сэр. Вы уж простите, но вам придется уйти».

«Вы поливаете цветы?» — спросил я, но он ничего не ответил.

«Какие цветы вы любите?» — спросил я снова.

«Простите, сэр, вам правда пора идти, — твердо сказал он. — Мы закрываемся».

«Я уверен, что вы любите тюльпаны», — сказал я, встал и направился к выходу, чувствуя, как тяжелые головки тюльпанов бьют меня по ногам.

Последние дни Уайльда были мрачными. Воспаление уха, вероятно следствие сифилиса, становилось все тяжелее. Операция не помогла, и, скорее всего, умер Уайльд от менингита. Неудивительно, что в эти дни он много думал о смерти и писал Фрэнку Харрису: «Морг ждет меня. Я хожу туда и смотрю на свою цинковую постель». Элман замечает, что Уайльд действительно побывал в парижском морге.

Через несколько недель после операции Уайльд встал и с трудом добрался до кафе. Там он выпил абсента и медленно пошел обратно, достаточно соображая, чтобы сказать известные слова некоей Клэр де Пратц: «Мои обои и я бьемся не на жизнь, а на смерть. Кому-то из нас придется уйти». Его друг Робби Росс заметил: «Ты убьешь себя, Оскар. Ведь врач говорил, что абсент для тебя — яд». «А для чего же мне жить?» — спросил Уайльд. Это было тяжелое время, но не один Уайльд блистал остроумием. «Мне снилось, что я ужинаю с мертвецами», — сказал он Реджи Тернеру. «Дорогой Оскар, — сказал Реджи, — ты, наверное, был душой компании».

В эпилоге к биографии Уайльда Элман пишет, что в последние дни «постоянные страдания» сдерживали, но не уничтожали бренди и абсент. «Менее известная острота Уайльда направлена против модной в девятнадцатом веке идеи, что все, от бифштекса до морского воздуха, может "опьянять"». «Я открыл, — сказал Уайльд, — что, если пьешь достаточно, уж точно опьянишься». Ястребы кружили над Уайльдом еще до суда. В последние два десятилетия XIX века англичане декадентства не любили. Заметим, что, когда в английских стихах того времени упоминается абсент, он, — за достойным исключением Доусона и Саймонса, — обычно связан с Францией, или с порочностью, или с ними обеими. Чтобы лучше понять образ абсента, сложившийся в общественном мнении того периода, нам придется погрузиться в пучину плохой поэзии.

Связь с Францией вполне понятна, именно ее мы находим у Гилберта в песенке «Булонь», где есть бессмертные строки: «Можно посидеть в кафе с неприличными людьми». Мало того:

*Подражая французам, затянитесь потуже
И напейтесь абсента опять,
И потом на бильярде посильнее наярьте,
Пока можете как-то играть.*

Все это вроде бы справедливо. Роберт Уильяме Бьюкенен бьет больнее. Некоторые пишут, что Бьюкенена «не очень много читают в наши дни». И заслуженно. Но в свое время он был плодовитым стихоплетом и защитником моральных устоев. Если его вообще сейчас помнят, то за обличение упадка и порока, особенно за нападения на Суинберна («нечистый», «извращенный», «чувственный») и на прерафаэлитов, которых он бранил в эссе 1871 года «Плотская поэзия». Словом, осуждал он многих и в стихотворении «Мятежники» («The Stormy Ones») поместил на корабль всех неугодных ему писателей и поэтов — Байрона, Мюссе, Гейне и других. Все эти «властелины мятежа и мрака» оказываются на корабле дураков:

*Высоко на мачте их флаг —
Белый череп, злобный костяк, —
И красуется их девиз:
«Ешь и пей, гуляй, веселись!»*

*Суэта, суэта — наши дни,
Что ж, скорей абсента хлебни.
Бог? Да что вы, какая тоска!
Мне скорее геенна близка.*

Генриха Гейне, немецкого романтика, жившего и умершего в Париже, очень осуждали в викторианской Англии. Когда дети Чарльза Кингсли, автора «Водных Малюток», спросили его, кто такой Гейне, он счел, что должен ответить: «Плохой человек, мои дорогие, очень плохой». Этот ответ казался Джорджу Сентсбери одним из критериев твердолобого викторианского морализма. Бьюкенен написал и стихи специально о Гейне, где тот представлен каким-то распутным карликом:

*В городе абсента и безверья,
Где Энциклопедия — как дома,
Феи, тролли и лесные звери
Окружили немощного гнома.*

Гном, в конце концов, умирает, и его хоронят на Монмартрском кладбище, где, по мнению Бьюкенена, ему и место. Там, где он спит, «и во тьме, и в лунном свете / нечисть чужеземная кишит».

Менее фольклорные мотивы Бьюкенен вводит, когда бранит порочные французские романы, которые плодятся, как гадюки, распространяя уныние и усталость:

*Как зовется настроенье безутешного сомненья,
Что обносками прикрыто?
Еппи* [Уныние, скука, тоска (франц.)]. Вот змей, ползучий
Средь дурных романов кучи,
Злобой и развратом дышит,
Слова доброго не слышит.
Породил их бес печати,
Вот уж кто пришелся кстати,
Чтоб любителям абсента
Не остаться без презента.*

Обличал «порочные романы» и Ф. Гарольд Уильяме (Ф.У.Д. Уорд, 1843-1922) в своих «Признаниях поэта» 1894 года. Он тоже был плодовитым штамповщиком моралистических виршей, и трудно сказать, у кого они хуже — у него или у Бьюкенена. В стихотворении «Триумф зла» бес Гониобомбукс радуется, что многие поэты и писатели на самом деле — его марионетки и пишут «бесовскими перьями». Он знает, что эпоха в целом идет с ним в ногу:

*И притоны абсента, и французский роман —
Обнаженный, порочный, бесстыжий —
Это храмы, где царствует грязный обман.
Да, пожалуй, не спустишься ниже.*

После Бьюкенена, Уильямса и Гониобомбукса приятно обратиться к Роберту Хиченсу, автору блестящей антидекадентской сатиры «Зеленая гвоздика», опубликованной анонимно в 1894 году. Оскар Уайльд велел некоторым своим друзьям вдеть в петлицу зеленые гвоздики на премьеру «Веера леди Уиндермир» (1892). Была такая гвоздика и у одного из персонажей, и публике казалось, что перед ней — какое-то загадочное тайное братство. Эти крашенные гвоздики можно было купить в «Королевском Пассаже». Поскольку в природе их нет, они воплощали декадентский культ искусственности и стали эмблемой эстетизма.

Если у «Зеленой гвоздики» есть недостаток, он — в том, что сатира слишком тонка и часто слишком приближается к тому, что должна бы пародировать. Лишь иногда шутки просто смешны; например, кое-кто из действующих лиц *тайно пьет питательный напиток* («Он чувствует себя таким порочным!»).

Хиченс входил в круг Уайльда; в его романе есть мистер Амаринт (Уайльд) и его друг «Реджи» (Бози, лорд Альфред Дуглас). Эллман пишет, что налет вымысла в романе слишком тонок, он кажется скорее документальным повествованием, чем пародией:

— А кто ввел в моду зеленую гвоздику?
— Мистер Амаринт. Он называет ее ядовитым цветком изысканной жизни. Сам он вдел ее в петлицу, потому что она так хорошо сочетается с цветом абсента.

Желто-зеленый цвет абсента, действительно, очень подходит 90-м годам XIX века, когда зеленое и желтое считались «изысканными». В комической опере «Терпение» (1881) У.Ш. Гилберт уже высмеивал «желто-зеленого», томного молодого человека. Зеленое и желтое у Уайльда — это цвета нарочито, вызывающе эстетизированного Лондона из

«Симфонии в желтом», где омнибус кажется желтой бабочкой, а зеленоватая Темза — посохом из нефрита.

Даже во времена расцвета — правда, в Англии, а не во Франции — абсент окружала аура немного нелепого эстетизма, которая так и просилась в пародию. Абсент упоминается у Хиченса, когда Реджи хвастается своей раздвоенностью между высшим добром и высшим злом и, объясняя это, изящно перескакивает с абсента на географию души:

Когда я хороший, у меня такое настроение; когда я, как говорится, плохой, это тоже настроение. Я никогда не знаю, каким я буду в ту или иную минуту. Иногда мне нравится сидеть дома после ужина и читать «Сон Геронтия». Я люблю чечевицу и холодную воду. Иногда должен пить абсент и всю ночь напролет веселиться со шлюхами. Мне нужна музыка и подходящие к ней грехи. Бывает, я хочу бедности, убожества, грязи... У души есть свой Уэст-Энд и свой Уайтчепел.

«Зеленая гвоздика» положила конец дружбе между Уайльдом и Хиченсом, Уайльда особенно оскорбляли слухи, что он сам это написал. Хиченс, возможно, повредил Уайльду больше, чем хотел. Маркиз Квинсбери — отец Бози, злой гений Уайльда — не смеялся, прочитав описание отношений Амаринта и Реджи.

Беда Уайльда потащила за собой и «Желтую книгу». Этот известный журнал выпускался Джоном Лэйном в издательстве «Бодли Хед» на Виго-стрит, но после ареста в 1895 году общественные настроения повернулись против эстетизма и декаданса. Толпа атаковала издательство и перебила все окна, Обри Бердсли непристойно переименовал его название. Джон Лэйн сорвался и уволил Бердсли. Уайльда арестовали 5 апреля, а Бердсли потерял место художественного редактора 11-го. Преемником «Желтой книги» стал журнал «Савой», издававшийся Артуром Саймонсом. Обложка по рисунку Бердсли изображала херувима, мочащегося на «Желтую книгу».

В 1895 году Саймоне, Бердсли и Доусон поехали в Дьепп. В августе художник Чарльз Кондер писал Уильяму

Ротенстайну, что в город приехал Артур Саймоне, снял номер в том же отеле и «только что написал стихотворение о том, что море у Дьеппа — совсем как абсент. Оригинально, *n'est-ce pas?*».

Гнетущая атмосфера Лондона была одной из причин этого бегства декадентов и эстетов, хотя даже в Дьеппе Бердсли не чувствовал себя в полной безопасности. «Во Франции нет такого жандарма, — сетовал он, — который не носил бы с собой моей фотографии или модели моего пениса».

Среди английских любителей абсента в Дьеппе одной из главных знаменитостей был издатель Леонард Смайзерс, игравший большую роль в литературном мире 90-х годов. Ротенстайн вспоминал его как «странное и немислимое существо», а Саймоне называл его «мой циничный издатель с его дьявольским моноклем». Историю его жизни сильно исказили враги, и он запомнился как порочный и непристойный издатель низкого пошиба. Но о нем можно сказать не только это.

Смайзерс гордился, что издавал то, «что все остальные боятся тронуть». Он поддерживал декадентов после суда над Уайльдом и основал журнал «Савой», где правили Саймоне и Бердсли. Назвали его в честь отеля, которому в то время было всего шесть лет. Отель этот сулил электрическое освещение и «изысканную мебель»; именно там, по слухам, развратничал Уайльд. Журнал был флагманом Смайзерса, но и другие его дела впечатляют. Он опубликовал «Балладу Реддингской тюрьмы» (первоначально изданную анонимно, как стихи заключенного С.З.) и «Как важно быть серьезным». Издавал он и Макса Бирбома, Бердсли, Саймонса, Доусона, а также многие более любопытные и сомнительные вещи, скажем — книги Алистера Кроули «Белые пятна (литературные останки Джорджа Арчибальда Бишопы, неврастеника Второй империи)», и то, что просто невозможно отнести к какой-либо категории, например — мемуары Леонарда, парикмахера Марии Антуанетты,

или «Одиночество» — бессвязные мысли сумасшедшей женщины с лесбийскими и религиозными наклонностями.

Что же касается более темной стороны Смайзерса и его порочной репутации, которая вынуждала многих, например — Йейтса, избегать его, самое его дело зиждилось на нелегальном, тайном мире викторианской порнографии — гигантской подпольной индустрии, в которой можно было найти почти все, от порнографических дагерротипов до книг, обтянутых человеческой кожей (такие книги Смайзерс иногда включал в свои антикварные каталоги, хотя у нас нет сведений о том, что он сам выпускал их). На пике своей карьеры Смайзерс держал магазины в Королевском Пассаже (№ 4 и 5), со стороны Олд-Бонд Стрит, там он продавал «континентальную литературу» и то, что у книготорговцев называлось «*curiosa*» и «*facetiae*»* [*«Курьезы» (лат.) — «занимательные случаи» (конечно, непристойные) и «фацетии» (лат.)*]. Уайльд писал, что Смайзерс издает очень маленькие тиражи, поскольку «привык выпускать книги, ограниченные тремя экземплярами, — для автора, для себя самого и для полиции».

Уайльду, видимо, нравился Смайзерс, он считал его «восхитительным собеседником и хорошим товарищем». Он так описал его Реджи Тернеру: «Лицо его гладко выбрито, как и подобает священнику, служащему у алтаря, где Бог — это литература, оно худошаво и бледно — не от поэзии, но от поэтов, которые, по его словам, разрушили его жизнь, требуя, чтобы он печатал их сочинения. Он любит первые издания, особенно - женщин; маленькие девочки — его страсть. Он — самый образованный эротоман в Европе». Так ли все было зловеще, как кажется современным ушам? Мы просто не знаем. Во всяком случае, Уайльда это, видимо, не шокировало. В довольно загадочном письме 1898 года к Робби Россу он пишет, что Смайзерс зашел к нему в Париже. «Он был прелестен и порочен, водился с чудищами под музыку, но мы прекрасно провели время, и он был очень мил».

Вероятно, Смайзерс был одним из тех, для кого абсент был таинством и знаком касты. Он писал Уайльду из Лондона, словно член особого клуба:

Со времени последнего письма к вам, я пренебрегал абсентом, пил виски с водой, но ясно увидел, что не прав, и вернулся к абсенту.

В конце письма Смайзерс добавил: «Привет от Доусона, он в данный момент изливает свои чувства по поводу поэмы». Речь идет о «Балладе Редингской тюрьмы», которую в то время издавал Смайзерс.

В свое время Уайльд написал Смайзерсу из Франции, чтобы тот положил цветы на могилу Доусона от его имени. Кончил Смайзерс тоже плохо. Жил он трудно; Ротенстайн, среди прочих, думал, что поздние ночи с абсентом в его обществе погубили здоровье Доусона и Бердсли. Смайзерс не только разорился, — подтвердив старую викторианскую максиму, что если ты действительно любишь искусство, ты умрешь в бедности, — но и перешел от абсента к хлородину (смеси хлороформа, морфина, эфира и этанола). Должно быть, его вынудили боли, у него было какое-то заболевание желудка, обострявшееся, в свою очередь, от питья и недоедания. В конце концов, он умер от этой болезни и цирроза печени. Один из его бывших авторов Рэнджер Галл узнал его в притоне на Оксфорд-стрит и дал ему немного денег. Через полгода Смайзерс умер, «в ужаснейших обстоятельствах» и, если верить некрологу, напоминал «нечто из русского романа». В 1907 году его жену и сына пригласили в дом неподалеку от Парсонс-Грин, в Фулеме, в день, когда Смайзерсу должно было исполниться сорок шесть лет. Из дома к тому времени вынесли абсолютно все; одно это, должно быть, поразило тех, кто привык к набитым вещами комнатам времен Виктории и Эдуарда. Кроме двух-трех плетеных корзин и пятидесяти пустых бутылок из-под хлородина, в доме не было ничего — кроме мертвого тела. Оно тоже было совершенно голым; пропал даже дьявольский монокль.

Глава третья

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ЭРНЕСТА ДОУСОНА

Несомненным представителем «трагического поколения» декадентов был Эрнест Доусон; стихи его очень полно и точно выражают дух девяностых. Его меланхолия и образ жизни, основанный на саморазрушительном пристрастии к абсенту, чрезмерно мифологизированы и романтизированы, что началось уже со статьи, опубликованной в журнале «Савой» в 1896 году. Артур Саймоне видел «что-то занятное в контрасте изысканно утонченных манер и несколько неопрятного вида»... «Если вокруг царил порядок, ему было не по себе, или, если хотите, он не был самим собой». И впрямь он испытывал «странную любовь к отвратительному, столь модную у нынешних декадентов, но в нем — совершенно искреннюю». Один из друзей как-то сказал Доусону, что после его смерти при вскрытии у него на сердце обнаружат надпись «Искусство для искусства», а его биограф, Джэд Адамс, писал, что «его преданность искусству была просто религиозной, и он принес ей в жертву свою жизнь».

Его меланхолический взгляд на мир связан с тоской по недостижимому идеалу и ощущением, что гибель неизбежна, а может — она уже свершилась. Основные темы его стихов — эротическое влечение, неразделенная или утраченная любовь, разлука в смерти. Под влиянием французских символистов и древнеримской литературы он писал и безжалостные стихи, но они не бывали вымученными, ему присуща какая-то музыкальная легкость. Критик того времени отмечал у него «почти болезненную грацию и утонченность, которую может передать лишь слово "gracile", придуманное Россетти, и декадентское уныние». Некоторые его фразы почти по-библейски просты и звучны; позднее они стали названиями фильмов и романов: «Унесенные ветром», «Чужак в чужой стране» (фильм американского режиссера Эдварда Блейка с Джеком Леммоном и Ли Ремик в главных ролях, 1962. — *Примеч. пер.*), «Дни вина и роз» (роман Роберта Хайнлайна, 1961. — *Примеч. пер.*). Если последняя фраза кажется нам радостной, вспомним контекст — «как коротки вы, дни вина и роз».

Доусон нравился почти всем, кто был с ним знаком. Одним из немногих исключений был Обри Бердсли. Леонард Смайзерс заказал Бердсли обложку для его «Стихов», и тот украсил ее вопросительным знаком. Позже он объяснял, что это значит: «зачем вообще писать эту книгу?». Бердсли был ехиден; ему не нравились ни Уайльд, ни Доусон. Если верить Фрэнку Харрису, Оскар Уайльд однажды сравнил его рисунки с абсентом: «Абсент крепче любого напитка и выявляет наше подсознательное "я". Как и ваши рисунки, Обри, он мучителен и жесток».

Вопреки своей репутации, Бердсли не любил декадентства и возмущался тем, что общественное мнение их связывало. Особенно презирал он Доусона за его саморазрушительную жизнь, возможно — потому, что сам, не по своей вине, умирал молодым, медленно проигрывая битву с туберкулезом.

Друг Доусона говорил, что тот очень изменился после того, как его родители покончили жизнь самоубийством. Скорее всего, это не так; отец мог умереть естественной смертью, хотя друзья и, возможно, родственники считали, что он самоубийца. Через полгода мать Доусона, которая всегда была психически неуравновешенна, действительно покончила с собой.

Отец Доусона владел убыточным доком в Восточном Лондоне — Бридж-доком, который позже был переименован в «Доусон-док» и который погубил семью сначала постоянными финансовыми бедами, а там и — разорением. Но это не было самым большим несчастьем в жизни Доусона. Он безнадежно влюбился в двенадцатилетнюю девочку по имени Аделаида, а по прозвищу — «Мисси», дочь владельца ресторана на Шервуд-стрит в Сохо. У Доусона были самые благородные намерения, он верно ждал («по-своему», как мы

увидим), чтобы этот образ чистоты повзрослел достаточно для замужества. Когда Аделаида повзрослела, она вышла замуж за официанта, а Доусон так и не оправился от удара.

Благоговейная любовь к девочкам — не просто личная причуда. Ее породил романтический культ ребенка, одна из самых абсурдных мод XIX века, в которой, видимо, было что-то оксфордское, — вспомним Льюиса Кэрролла. Никак нельзя путать эту страсть с педофилией в современном смысле; вся суть и состояла в полном отсутствии чувственности. Доусона глубоко шокировали газетные сообщения о мужчине, который сбежал со школьницей, тайно жил с ней в Гастингсе и наконец получил шесть месяцев тюрьмы. «Хуже всего то, — писал Доусон другу в сентябре 1891 года, — что это кажется грязной и мерзкой карикатурой — тьфу, какой смысл подыскивать фразы? Я думаю, ты понимаешь, о чем я... Эта гнусная история оставила какой-то липкий след на моих святыхнях». Культ маленькой девочки был распространен среди декадентов, и «Панч», вооружившись своим здравомыслящим юмором, нанес этому культу мощный удар, опубликовав в сентябре 1894 года стихи «К Дороти, моей четырехлетней возлюбленной».

Друзья Доусона считали его любовь к детям трогательным свидетельством чистоты сердца. Сам он писал о «культе ребенка», связывая его с пессимизмом и разочарованием эпохи. Ему самому был глубоко присущ пессимизм: он называл мир «обанкротившимся предприятием» (отблеск злосчастного дока), а жизнь «пьесой, которая должна была провалиться в день премьеры». Когда друг напомнил ему, что в мире есть еще книги, собаки и семилетние девочки, Доусон ответил, что, в конце концов, книги нагоняют тоску, собаки умирают, а девочки взрослеют. В довольно типичных для него стихах «Осадок» есть такие строки:

*Огонь погас, унес с собой тепло
(Таков конец всех песен на земле),
И от вина остался лишь осадок,
Полынно-горький, режущий, как боль.
Любовь, надежда, жизненные силы
Давно в краю утерянных вещей.*

Джэд Адамс цитирует воспоминания однокурсника Доусона по Оксфорду, который говорил, что его философский пессимизм во многом вызван чтением Шопенгауэра: «Он навсегда сохранил сложившееся тогда мнение о том, что природа и человечество большей частью отвратительны, и принимать во внимание стоит только тех писателей, которые осторожно или дерзко открывают эту истину». Конечно, никто никогда не считал, что у Доусона — здоровый дух в здоровом теле. Он писал другу, когда док разорился: «Я чувствую себя как протоплазма в эмбрионе пещерного человека. Если ты увидишь подержанный, просторный и достаточно дешевый гроб, пожалуйста, купи его и пришли сюда».

Одной из немногих вещей, которые никогда не надоедали Доусону, был алкоголь, особенно абсент. «Виски и пиво для дураков, абсент — для поэтов, — говорил он. — Абсент обладает колдовской силой, он может уничтожить или обновить прошлое, отменить или предсказать будущее». В письме к Артуру Муру в октябре 1890 года он спрашивает:

Как твое здоровье? Абсент, который я пил с девяти вечера до семи утра в пятницу, кажется, победил мою невралгию, хотя и с некоторым ущербом общему здоровью. Занятно смещается душа, когда его много выпьешь! Оживленный перекресток не можешь перейти. Как нереален для меня Лондон! Как это чудесно!

До семи утра? Ну и режим! Не только смятение, но и занятная нереальность переданы очень живо, как странности цилиндра у Оскара Уайльда.

В другой раз Доусон и Лайонел Джонсон поздно ночью кричали под окнами своего друга Виктора Плара на Грейт-Рассел стрит. Свет в окне быстро потух. Доусон написал Плару письмо с извинениями за то, что они «потревожили полночную тишину Грейт-Рассел стрит». «Прости меня, если это было на самом деле, а не в навеянном абсентом сне, — говорит он, — теперь я многое так вижу». Эту нереальность ночей, проведенных с Доусоном в барах, неплохо схватил Р. Герстон Хопкинс в своих мемуарах «Лондонский призрак»* [*Их можно найти целиком в конце этой книги.*].

Тетка Доусона Этель предпочитала его более рассудительного брата Роланда, а его самого воспринимала как персонаж из «Доктора Джекилла и мистера Хайда». На ее взгляд, Эрнест прекрасно писал (она имела в виду переводы, которыми он зарабатывал на жизнь), «а потом принимал эти жуткие наркотики, абсент и тому подобное... Странный он был человек — умный, но ужасно слабый, и просто сумасшедший, когда пил или принимал наркотики».

Доусон был невысоким и худощавым, очень вежливым и любезным, но, после того как он пристрастился к абсенту, он стал устраивать драки с караульными. Его арестовывали за пьянство и нарушение общественного порядка так часто, что судья приветствовал его словами: «А, вы снова здесь, мистер Доусон!» Артур Саймоне вспоминал:

Когда он был трезв, он был самым мягким, самым вежливым из всех людей, бескорыстным до слабости, восхитительным собеседником, словом — само обаяние. Напившись же, он почти буквально сходил с ума и, несомненно, совершенно терял ответственность. Он предавался бурным и безрассудным страстям, говорил дикие, неизвестные ему слова, и постоянно казалось, что он вот-вот совершит что-нибудь абсурдно жестокое.

Фрэнк Харрис описывает мрачную ночь, проведенную с Доусоном в Уэст-Энде: «Кошмар какой-то! Я так и слышу девушку, заунывно поющую бесконечную песню, видимо, считая ее живой и веселой; так и вижу женщину, которая, осклабясь беззубым ртом, с трудом перебирала старыми, худыми ногами; так и помню, как Доусон, безнадежно пьяный к концу ночи, визжит и ругается от злости».

Эти контрасты в духе «Джекилла и Хайда» распространились и на его личную жизнь. У.Б. Йейтс пишет о том, как преданно любил Доусон дочь ресторатора, с которой он каждую неделю целомудренно играл в карты. «Эта еженедельная игра, — говорит Йейтс, — заполняла огромную часть его эмоциональной жизни». И добавляет: «Когда он был трезв, он даже не смотрел на других женщин, но в опьянении вожделел к любой, какая попадется, к чистой или грязной». Именно это — основная тема его известных стихов «Динара». Первая строфа звучит так:

*Вчера, вчера, меж пьяными губами
Твоя упала тень! Средь бурных ласк
Ты душу мне овеяла дыханьем,
И опротивела мне злая похоть.
В отчаяньи я голову склонил,
Но я не изменял тебе, Цинара!
Я верен был — по-своему, конечно...*

Его постоянно преследует былая любовь, и он не может похоронить ее с проститутками, в распутстве:

*Я требую безумства и вина,
Но праздник кончится, фонарь погаснет,
И тень твоя является, Цинара...
А ночь принадлежит одной тебе.*

Йейтс пишет, что один из членов Клуба стихотворцев (возможно, Саймоне) увидел пьяного Доусона в дзеппском кафе с женщиной, которую высокомерно именуется «особенно вульгарной шлюхой» — видимо, слишком жуткой даже для Доусона. Тот схватил друга за рукав и возбужденно прошептал, что у них есть что-то общее. «Она пишет стихи! Совсем как Браунинг с женой!»

Абсент очень часто упоминается в письмах Доусона, рисующих ночную жизнь 90-х, от которой мурашки ползут по телу. Обычно Доусон и его друзья встречались в кабачке «Петух» на Шафтсбери-авеню. Те, кто приходил после шести, уже заставляли его там; он пил абсент и царапал стихи на клочке бумаги или на конверте. Около семи они уходили либо в театр, который Доусон не особенно любил, либо в ресторан на Шервуд-стрит, где Доусон влюбился в Аделаиду. Иногда бывало и потяжелее — скажем, в июле 1894 года, когда Доусон пил с актером Чарльзом Гудхартом. В то время Доусон и его друзья помогали больной девушке по имени Мэри, возможно — актрисе, которая приняла слишком большую дозу наркотиков и заболела «мозговой горячкой», а все они страшно перепугались.

Мы с Гуди встретились вечером. С ним был очаровательный человек — двадцатилетний любитель опиума, который сбежал со своей кузиной и теперь собирается на ней жениться. Встретились мы в семь, в «Петухе», и до девяти выпили по четыре абсента. Потом мы пошли и поели почек, потом каждый из нас выпил по два абсента в «Короне» на Черинг-Кросс-роуд, а там — еще по абсенту у Гуди в клубе. Значит, всего — по семь абсентов. Это сильно подействовало на нас, но не на любителя опиума. Он привез нас обратно в кебе в Темпл. Сегодня утром мы с Гудхартом явственно дергались. Мне нездоровится. Собственно, можно сказать, что наше горе мы достаточно утопили в вине и должны несколько дней ограничиться чем-нибудь, не крепче лимонада и стрихнина. Но все-таки мы ужасно переволновались. Жаль, что ты не знал Мэри получше. Она была необычайно очаровательной, пленяла не только мужчин, но и женщин. Мисси и ее мать она завоевала мгновенно, хотя мамаша не испытывала совершенно никакой симпатии к безупречным невестам, да и вообще к кому бы то ни было.

Но, должен сказать, я чертовски рад, что ее больше нет.

Пиши о своих новостях и прости мою бессвязность. Рука у меня отнялась, а в голове страшно шумит.

Иногда такого утра хватало, чтобы Доусон еще раз задумался о зеленом зелье. В феврале 1899 года он озаглавил письмо к Артуру Муру «Виски против абсента», а направил его как бы «в Верховный суд, Отдел крепких напитков»:

Вообще-то не стоит напиваться зеленой жидкостью. Длительностью воздействия она уступает старому доброму скотчу... я проснулся сегодня совсем разбитый, с горечью во рту... Насколько я понимаю, от абсента шлюха становится нежнее. Кроме того, он очень портит цвет лица... У меня никогда не было такого дебошного [sic] вида, как этим утром.

Обычно Доусон не так бранил абсент. Пили они с друзьями в «Cafe Royal», рядом с Пикадилли — пышном заведении, устроенном по образцу французских кафе Второй империи; там он всегда с нетерпением ждал выпивки. «Да пошлют мне боги стакан абсента! Доброе старое "Cafe Royal", — писал он Артуру Муру. — Мы пойдем в "Cafe Royal", к абсенту, он может меня оживить... » Написано это за несколько месяцев до смерти. Еще позже он писал: «Я когда-нибудь направлю свой неровный маршрут к № 7 [в Линкольнз-Инн-Филдс, где жил Артур Мур], и мы выпьем абсента, как бы вреден он ни был».

Стихотворение в прозе Доусона об абсенте, «Absintha Taetra» («Ужасный абсент»), примечательно особенно сильной тревогой («тигриные глаза» грядущего); так и кажется, что человека преследуют и будущее, и прошлое. Абсент открывает искусственный рай, по крайней мере — ненадолго, и в этих стихах говорится не об обычном опьянении, а скорее о наркотическом. Но, как и у Саймонса в «Курильщике опиума», на самом деле ничего не меняется.

Вот эти стихи.

Absintha Taetra

Зеленый изменился в белый, изумруд — в опал, но все осталось таким же.

Ты дал воде нежно стекать в стакан, и, чем больше клубился зеленый, твой ум становился яснее.

Потом ты пил опаловый цвет.

Воспоминания и ужасы осаждали тебя. Прошлое гналось, как пантера, и сквозь черноту ты видел тигриные глаза грядущего.

Но ты пил опаловый цвет.

И темная ночь души, долина унижений, по которой ты шел, спотыкаясь, понемногу забылись. Ты видел голубые пейзажи еще не открытых стран, высокие горы, спокойное ласковое море. Былое изливало на тебя свое благоухание, настоящее протягивало руку, словно маленький ребенок, а будущее светило, как белая звезда. Но ничего не изменилось.

Ты пил опаловый цвет.

Ты знал темную ночь души, и даже в эти минуты лежал в долине унижения, а тигровая угроза грядущего пламенела в небе. И все же на какое-то время ты забылся.

Зеленый изменился в белый, изумруд в опал, но все — то же, все то же.

Такая жизнь совершенно разрушила его здоровье. Другой приятель Смайзерса, Винсент О'Салливан, автор «Домов греха», вспоминал о Доусоне:

Пренебрежение его своим внешним видом доходило до такой степени, которой я не встречал больше ни в ком из живых, даже у бродяг и бездельников... И главное, он не хотел это исправлять... Он считал, что тратить деньги на ванну, одежду, лекарства — все равно, что класть деньги на неправильный счет.

Это описание объясняет хоть как-то, почему брезгливый Обри Бердсли презирал Доусона. Артур Саймоне писал, что Доусон похож на Китса, но жизнь взыскала дань с его внешности. Когда Смайзерс напечатал «Голод» Кнута Гамсуна, на обложке был мрачный рисунок Уильяма Хортонна, и Оскар Уайльд говорил, что это — «ужасная карикатура на Эрнеста». Он писал Смайзерсу: «Рисунок на той обложке с каждым днем похож все больше. Теперь я прячу его». Отзвук «Дориана Грея»...

Доусон остался Уайльду верным другом после его падения, и встречался с ним время от времени во Франции. Ему самому было трудно, он страдал по Аделаиде, но у них с Уайльдом бывали и спокойные минуты. В письме к Реджи Тернеру из Берневаль-сюр-Мер Уайльд добавляет: «Эрнест выпил абсента под яблонями!» За день раньше он писал Альфреду Дугласу, дразня его по поводу дат на письмах: «Ты действительно знаешь, какое сегодня число? — спрашивает он и добавляет: — Я это знаю редко, а Доусон (он здесь) не знает вообще». Уайльд всегда защищал то, что

Доусон пьет. Когда кто-нибудь говорил: «Жаль, что он так пристрастился к абсенту», Уайльд пожимал плечами: «Если бы он не пил, он был бы кем-нибудь другим. Il faut accepter la personnalité comme elle est. Il ne faut jamais regretter qu'un poète est saoul, il faut regretter que les saouls ne soient toujours poètes»* [«Нужно принимать человека таким, какой он есть. Зачем жалеть, что поэт — пьяница? Лучше жалеть, что не все пьяницы — поэты» (франц.)].

Некоторые привычки Доусона, кажется, отразились на Уайльде. Доусон убедил его пойти в обыкновенный публичный дом, чтобы он приобрел «более здоровый вкус», но Уайльду там совсем не понравилось. «Похоже на холодную баранину, — тихо сказал он Доусону, когда вышел, а затем (громко, чтобы услышали поклонники, которые их сопровождали): — Расскажите это в Англии, восстановится моя репутация». Видимо, Уайльд подражал Доусону и в питье. Он пишет: «Почему ты так упорно и порочно чудесен?» и добавляет: «Сегодня утром я решил выпить Перно. Получилось прекрасно. В 8.30 я был мертв. Сейчас я жив, и все в порядке, только тебя нету».

Через несколько дней Уайльд написал Доусону записку, чтобы заманить его во Францию: «Дорогой Эрнест, приезжай немедленно. Мсье Мейер председательствует на утреннем приеме абсента, и ты нам нужен».

Доусон очень любил Францию, долго жил в Париже («единственном городе», как он его называл), хотя практически голодал там. Он писал Артуру Муру с улицы Сен-Жак, 214, о том, что у него и у Коннелла О'Риордана жизнь тяжелая: «Коннелл не курит и не пьет, чтобы два раза в день поесть, а я затягиваю пояс, чтобы не отказывать себе в сигаретах и абсенте. Что до женщин... мы не смеем и смотреть на них». В письме к О'Риордану, который к тому времени благополучно возвратился в Лондон, Доусон подробно описывает несколько дней своей жизни. Накануне ему удалось бесплатно поужинать у виконта де Лотрека (не художника, хотя Доусон был знаком и с ним), где он курил гашиш и участвовал в спиритическом сеансе. «Мы получили послание от Сатаны, — сообщает Доусон, — но ничего мало-мальски важного он не сказал».

Теперь, выпив абсента в кафе «D'Harcourt» и купив на последние деньги табака и папиросной бумаги, Доусон пришел домой («chez moi»), где есть хлеб, кусок сыра бри и полбутылки вина. На письме, сверху, он рисует свой стол, нумеруя предметы и приписывая, как они «действуют на творчество». Назавтра пришлось купить булочку вместо марки, а на третий день он продолжает: «Сегодня утром я получил письмо и 1 фунт стерлингов, чуть не заплакал от благодарности, вышел, выпил абсента, а потом и позавтракал».

В сентябре 1891 года Доусон принял католичество в бромптонской церкви и в Лондоне обычно опускал в абсент распятие, прежде чем выпить. В Париже он посещал красивую церковь Нотр-Дам де Виктуар, которую до этого «знал только по чудесному роману Гюисманса»* [*En Route («В пути»*; 1895)]; «Меня чрезвычайно поразила какая-то волна благочестия, которая накатывает на всю многочисленную паству». Джэд Адамс рассказывает, что, когда он был в Дьеппе, Доусон проводил часы в боковом приделе церкви, благоговейно стоя на коленях перед изображением святой Вильгефортис, которую во Франции зовут Ливрада. Дочь языческого короля, она приняла христианство и дала обет безбрачия. Когда отец захотел выдать ее замуж за короля Сицилии, она стала молить Бога о помощи и добилась своего — у нее выросла борода, и король отказался взять ее в жены, а вот отец приказал распять ее. Именно этой бородатой мученице и молился Доусон, очевидно, тронутый ее историей. Как пишет Адамс: «Вы всегда могли рассчитывать на то, что Доусон окажется за пределом обычного».

Кроме простого алкоголизма, в пьянстве Доусона есть и метонимическая «часть вместо целого». Когда он пил абсент в Лондоне, он пил Париж, а когда он макал в абсент распятие, он пил свою веру.

Конечно, его физическое и душевное здоровье стало разрушаться. В 1899 году он жил в отеле «Saint Malo» на Rue D'Odessa и пил много, главным образом — в Латинском квартале и в открытых всю ночь кабаках для рыночных рабочих у Большого Рынка. Вместе с художником Чарльзом Кондером он поехал в Ла-Рош-Гюйон, чтобы отвлечься от тяжелой парижской рутины, но к этому времени у него были явные симптомы одержимости абсентом. Кондер написал Уильяму Ротенстайну, что «утром случился припадок, после которого сознание у него смутное и очень необычные галлюцинации. Я оставил его там, так как он отказался ехать в Париж».

Доусон вернулся в Париж позднее, и там его друг Роберт Шерард нашел его, когда он «упал лицом на стол, липкий от абсента». Нервы у него были абсолютно расстроены, и он сказал Шерарду, что боится возвращаться в свой номер. Его стала пугать статуэтка на камине. «Я лежу, не сплю и смотрю на нее, — сказал он. — Однажды ночью она сойдет с полки и задушит меня».

Шерард тоже был пьяницей и к тому же дуэлянтом. Доусон говорил, что он «очаровательный, но самый угрюмый и раздражительный человек на свете. Беседа с ним — неразбавленный купорос». Шерард мог бранить евреев и стрелять в потолок. Тем не менее именно он и его жена приняли Доусона к себе и ухаживали за ним. В их доме, который на светский манер называли «коттеджем», хотя это был самый обычный дом в захудалом пригороде Кэтфорд на юго-востоке от Лондона, а первый этаж занимала другая семья, Доусон и умер. Он любил вспоминать свое парижское прошлое и как-то сказал Шерарду, что литературная жизнь ему не удалась. В будущем, сказал Доусон, надо заняться чем-нибудь другим. Его мучил кашель, и Шерард достал ему немного настойки рвотного корня. Кашель продолжался, Шерард поехал за врачом. Пока его не было, Доусон сказал его жене: «Вы — ангел небесный, да благословит вас Господь». Шерард вернулся, и, пока он помогал другу сесть, чтобы было легче дышать, и вытирал ему лоб, голова Доусона упала. Ему было тридцать два года.

Уайльд написал из Парижа Леонарду Смайзерсу, который сам к этому времени разорился, и попросил его положить от его имени цветы на могилу Доусона. В этом письме — знаменитая эпитафия Доусону: «Бедный раненый человек, такой прекрасный, трагически воспроизвел всю трагическую поэзию, как в символе, или как в пьесе. Надеюсь, на его могилу положат лавровый венок, и руту, и мирт, потому что он знал любовь». В столетнюю годовщину его смерти «Общество 1890-х годов» положило венок из руты, розмарина и мирта на его надгробие, а потом члены «Погибельного клуба» полили могилу абсентом.

Бездомный, беззубый, иногда безумный, Доусон дожил до 1900 года. Он вряд ли мог умереть в более подходящий год. Йейтс вспоминал, как резко девяностые пришли к концу:

Потом в 1900 году все спустились с ходулей, и больше никто не пил абсент с черным кофе, никто не сходил с ума, никто не кончал самоубийством, никто не становился католиком, а если это и бывало, я о том забыл.

Насчет абсента он ошибался.

Глава четвертая

А В ЭТО ВРЕМЯ ВО ФРАНЦИИ...

Гастон Бове — обреченный любитель абсента из романа Марии Корелли «Полынь» — человек с литературными устремлениями: он даже написал небольшой очерк об Альфреде де Мюссе. Тот одним из первых крупных французских поэтов стал жертвой абсента, но позднее в XIX веке эта зависимость становится чуть ли не профессиональным заболеванием литераторов. Стихи у Мюссе — меланхолические, они часто посвящены утраченной любви. Его первая опубликованная книга — вольный перевод Томаса де Квинси («Исповедь англичанина, любителя опиума»), полный его собственных отступлений и даже «улучшений» оригинала; например, Мюссе вновь соединяет де Квинси с Анной, потерянной им девочкой-проституткой, в сентиментально счастливой развязке, как будто оригинал показался ему невыносимо печальным.

Мюссе пил несколько лет в «Cafe Procure» и «Cafe de la Regence» на углу улицы Сент-Оноре и площади Пале-Руаяль. В журнале братьев Гонкур было напечатано такое сообщение из вторых рук:

Доктор Мартен вчера сказал мне, что часто видел, как Мюссе пьет в «Cafe de la Regence» абсент, напомиравший густой суп. Потом официант обычно подает ему руку и доводит или, скорее, почти доносит его до коляски, которая ждет у дверей.

То, что Мюссе пил абсент, все знали. Почти через шестьдесят лет после его смерти, незадолго до запрета, Альфред Жиро, французский политик родом из округа Понтарлье, где абсент производился, старался его защитить (у него, кстати сказать, был вложен капитал в производство). Нелепо ставить под угрозу столь успешную отрасль французской промышленности, говорил Жиро. Противники абсента полагают, что люди звереют от него, но сам он пьет абсент каждый день, а разве он похож на бешеную собаку? Наконец, в отчаянии, Жиро привел последний довод: абсент вдохновлял Альфреда де Мюссе, разве можно его запретить?

При жизни Мюссе стал членом Французской Академии, но редко приходил на заседания. Когда кто-то заметил, что его почти никогда нет, Вильман, Секретарь Академии, не смог удержаться от горького каламбура, играя на сходстве слов «absinthe» и «absent»* [...Отсутствует (франц.)].

Другой поэт того времени, Эдмон Бужуа, посвятил Мюссе стихи о тонкой зеленой грани между измождением и вдохновением.

*Тоскуя и мечась, в нечистой тесноте
Кафе парижского, пишу я и мечтаю
О синих отблесках утраченного рая,
В зеленовато-серой темноте.*

*Душа моя возносится в края
Надежды пламенной, и нежный аромат
Напоминает мне: абсент и вправду свят,
Краса его владычица моя.
Но горе мне! Как слабосилен я...
Ведь сразу после первого стакана
Я заказал второй, тоску тая.*

*И высохли истоки бытия,
А в немогущей душе открылась рана.
Незыблемый закон нарушил я.*

Более молодой современник Мюссе, Шарль Бодлер, автор «Цветов зла», считался — особенно по другую сторону Ла-Манша — воплощением порока. На самом деле он был сложнее. Кристофер Ишервуд попытался определить некоторые противоречия его натуры: Бодлер — верующий богохульник, неряшливый денди, революционер, презиравший массы, моралист, очарованный злом, и философ любви, который стеснялся женщин. В своих «Дневниках» Бодлер пишет: «Совсем еще ребенком, я питал в своем сердце два противоречивых чувства — ужас перед жизнью и восторг перед нею. Вот они, признаки невротического бездельника!»* [Русский перевод Е.В. Баевской в кн.: Бодлер Ш. Цветы зла. Стихотворения в прозе. Дневники М.: Высшая школа, 1993. С. 309.]

Бодлер гениально исследовал новые ощущения, вызванные городской жизнью, ранним модерном и тем, что мы теперь называем психозом и неврозом. Он распространил сферу искусства и поэзии на прежде запрещенные предметы, находя в них новую странную

красоту. Был он и приверженцем дендизма, особого отношения к жизни, даже философии, а не только стиля в одежде. Его не трогала идея «прогресса», он ненавидел банальность современной жизни и верил в первородный грех. В конце жизни он стал бояться безумия, пытался бросить пьянство и наркотики и начал молиться с новой силой не только Богу, но и Эдгару Алану По (которого он боготворил и переводил на французский), как молятся святому о заступничестве.

Ишервуд пишет: «Париж научил его порокам — абсенту и опиуму и экстравагантному дендизму его молодости, который втянул его в неоплатные долги». Бодлер, как и Мюссе, перевел «Исповедь» Де Квинси и сам бесподобно рассказал о гашише, опиуме и алкоголе в «Искусственном рае» и в эссе «Сравнение вина и гашиша как средств умножения личности». В книге Жюля Берто «Бульвар» есть такая сцена: Бодлер торопливо входит в «Cafe de Madrid», садится за столик, отодвигает графин с водой, говоря при этом: «Вид воды мне противен», а затем, «невозмутимо и отрешенно», выпивает два или три абсента.

Бодлер не писал специально об абсенте, а всякий крепкий напиток называл «вином». Возьмем его известное стихотворение в прозе «Пейте!» («Envirez-vous» — «напивайтесь», «опьяняйтесь»).

Пьяным надо быть всегда. Это — главное, нет, единственное. Чтобы не чувствовать ужасного ига времени, которое сокрушает плечи и пригибает вас к земле, надо опьяняться без устали. Чем же? Вином, поэзией, добродетелью, чем угодно, лишь бы опьяняться.

И если на ступенях дворца, на зеленой траве оврага или в угрюмом одиночестве комнаты вы почувствуете, очнувшись, что опьянение слабеет или исчезло, спросите у ветра, у волны, у звезды, у птицы, у часов — у всего, что летит и бежит, плачет и стонет, катится, поет, говорит наконец: «Который час?» И ветер, волна, звезда, птица, часы ответят вам: «Пора опьяняться! Чтобы нас не поработило время, пейте, пейте всегда! Опьяняйтесь вином! Вином, поэзией, добродетелью, чем угодно».

Стихи — не только о вине, хотя многие, от Рембо до Доусона и Гарри Кросби, позднее вели себя так, словно речь шла лишь об этом. Вино для Бодлера — символ, почти как в персидской мистической поэзии, а настоящая тема — та маниакальная напряженность, то вдохновение, которые побеждают время. Возможно, самая близкая параллель — мысль Уолтера Пейтера в «Заключении» к его книге «Ре-

нессанс» о том, что надо «всегда гореть сильным, ярким, как драгоценный камень, пламенем, сохранять в себе этот экстаз. Тогда жизнь удалась».

Из стихов Бодлера о «вине» ближе всего к поэзии абсента у других поэтов того времени «Отрава» из «Цветов зла», где так отчетливо звучат ноты зеленого цвета, яда, забвения и смерти. Вот строки из «Отравы»:

*Вино любой кабак, как пышный зал дворцовый,
Украшит множеством чудес.
Колонн и портиков возникнет стройный лес
Из золота струи багровой —
Так солнце осенью глядит из тьмы небес.
[...]
И все ж сильней всего отравя глаз зеленых,
Твоих отравя глаз...
Но чудо страшное, уже на грани смерти,
Таит твоя слюна,
Когда от губ твоих моя душа пьяна,
И в сладострастной круговерти
К реке забвения летит она*.*

*[Перевод В. Левика.]

Бодлера, в сущности, волнует только то, что алкоголь и наркотики лишь символизируют, на что они намекают, он пишет в «Приглашении к путешествию»: «Всякий человек носит в себе известную дозу природного опиума». Наркотики, алкоголь и сифилис сделали свое дело, Бодлер умер в сорок шесть лет, а незадолго до смерти его разбил удар. Его взяли к себе монахини, но вскоре выгнали за богохульства и непристойную брань.

Бодлер очень много дал поэтам девяностых. Он находил свой материал в протомодернистской грязи Парижа, и поэтому роскошно-тяжеловесный сонет Юджина Ли-Гамильтона — не только о нем, но и о Париже. Эти стихи из сборника 1894 года «Сонеты бескрылых часов», само название которого навевает образ времени, обремененного бодлеровской епни, но оживленного золотом, цветком, травами, и «великолепным блеском разложения».

*Парижские трущобы старых дней,
Нечистые, порочные постели,
Запятнанные кровью еле-еле,
Быть может — с плахи, может быть — с полей.
Здесь золото случайно обронили,
Цветок тропический, полынь, тимьян
Иль просто баночку из-под румян,
Хранящую неясный запах гнили.
Когда же поутру придут в движенье
Парижский люд и ясный небосвод,
Зловонную трясину обольет
Великолепным блеском разложения.*

Еще больше значил абсент для жизни и творчества Поля Верлена. Именно его пристрастие сделало из абсента богемный культ, хотя самого Верлена абсент губил и телесно, и душевно. Многие считают, что он страдал чем-то вроде раздвоения личности. С одной стороны, он писал утонченные стихи — намеренно неясные, изысканно богатые подобиями, порождающие в нас быстролетную смену чувств, а с другой — вел поистине ужасную жизнь, насквозь пропитанную абсентом. Несколько раз он нападал на жену, и даже пытался ее поджечь. Он стрелял в Рембо из револьвера и ранил его; кидался с ножом на свою престарелую мать, требуя у нее денег. Позднее Верлен жалел об ушедших годах и обвинял абсент в своих безумных поступках.

Абсент долго был сознательной частью его личности. Как-то Метерлинк видел такую сцену на гентском вокзале:

Брюссельский поезд остановился на полупустом вокзале. В вагоне третьего класса со стуком открылось окно, показался старый поэт, похожий на фавна. «А я его пью с сахаром!» — крикнул он. Очевидно, во время путешествий он всегда так кричал; этот военный клич или пароль означал, что он пил абсент с сахаром.

Верлен был единственным ребенком очень любящих родителей. Матери удалось произвести его на свет после нескольких выкидышей, и она держала нерожденные плоды в банках, что, наверное, было не очень весело. Как-то вечером Верлен с ней бурно поссорился и перебил все банки. Он был довольно уродлив и уже в юности с сожалением обнаружил, что не пользуется успехом у женщин. Один из его учителей впоследствии вспоминал, что его «отвратительная гримаса... напоминала лицо закоренелого преступника», а матери приятеля он напомнил «орангутана, сбежавшего из клетки».

Пристрастие Верлена к выпивке проявилось рано. В юности он часто бывал у Лемера в «Пассаже Шуазель», одной из магазинных галерей, и книгопродавец вспоминал позднее, что он никогда не уходил из лавки, «не задержавшись ненадолго в маленьком кафе... Там он

иногда выпивал несколько стаканов абсента, и очень часто [Франсуа] Коппе лишь с большим трудом удавалось его увести». Верлену это очень не нравилось. Другой друг юности, Эдмон Лепеллетье, однажды утром возвращался с Верленом после ночной попойки из Пре-Кателан через Булонский лес, и вдруг Верлен захотел вернуться, чтобы выпить еще. Лепеллетье попытался удержать его, но Верлен обезумел, выхватил шпагу из трости и погнался за ним.

Несколько последовавших друг за другом смертей — отца, любимой тети, обожаемой кухни — усилили его пьянство. «Я набросился на абсент, — писал он об этой поре. — Абсент днем и ночью». Женитьба вроде бы образумила его года на два, но семейного счастья уже не было, когда в 1871 году разразилась катастрофа, разрушившая брак: Верлен встретил Артюра Рембо, юного поэта, и до одержимости пленился им. С ним он провел несколько самых лучших и самых худших часов своей жизни. Уже после смерти Рембо, один сочувствующий журналист, оглядываясь в прошлое, напомнил Верлену о тех выстрелах, предположив, что Верлен испытал облегчение, когда понял, что только ранил Рембо. «Нет, — ответил Верлен, — я был разъярен тем, что потерял его, и был бы рад, если бы он умер... Да, он умел соблазнять, дьявол! Я вспомнил, как мы бродили по дорогам, одичав и опьянев от стихов, и эти дни вернулись ко мне, как прибой, благоухающий страшной радостью...»

В 1872 году Верлен и Рембо приехали в Лондон и сняли комнату на Хоуланд-стрит, недалеко от Тоттенхэм-Корт роуд (сейчас там административные здания. От дома XVIII века, на котором в 50-х годах XX установили памятную доску, ничего не сохранилось). Верлен писал Лепеллетье, что Лондон несколько отличается от Парижа: «"Мы выпивки не держим", — сказала служанка, к которой я обратился с коварной просьбой: "Мадемуазель, будьте добры, один абсент"». Но со временем Верлен открыл для себя Сохо и французское кафе на Лестер-сквер, а в следующий приезд он встретился с Эрнестом Доусоном и пошел с ним в «Корону».

В 1873 году Рембо порвал с Верленом. Тот выстрелил в него два или три раза и ранил его в запястье. Было это в Брюсселе, и Рембо, несмотря на рану, решил уехать в Париж, а Верлен и его многострадальная мать поехали провожать его на вокзал. Там Верлен, все еще вооруженный револьвером, снова разволновался, и Рембо пришлось позвать полицейского. Верлена арестовали и сначала обвинили в покушении на убийство, а потом обвинение смягчили до преступного посягательства. Его, возможно, оправдали бы, если бы не разоблачили их отношений с Рембо. Верлена отправили в тюрьму. Тюрьма пошла ему на пользу, по крайней мере, он стал меньше пить и поклялся никогда не притрагиваться к абсенту. Большую часть времени он провел в одиночке и вернулся к вере. После освобождения он еще раз встретился с бывшим другом. Тот подстрекал его к богохульству, да так, что, по словам Рембо, из девятина восьми ран Христа снова потекла кровь. Верлен набросился на Рембо, тот его ударил и оставил лежать без сознания. Наутро его нашли местные крестьяне.

Верлену пришлось поступить на работу в школу. Алкоголику и гомосексуалисту, возможно, не слишком подходит учительство, однако он преподавал хорошо. Учил он французскому на севере Англии и в Борнмуте; это был один из самых спокойных периодов его жизни. Дело пошло хуже, когда, вернувшись во Францию, он стал преподавать английский, на котором даже не умел толком говорить, в «Коллеж Нотр-Дам» в Ретеле. Он вступил в связь с одним из учеников, Люсьеном Летинуа, который, видимо, напомнил ему Рембо, и снова начал пить. Ему лучше удавалось преподавать по утрам. Один из учеников позднее вспоминал, что после утренних уроков, которые заканчивались в 10.30, Верлен незаметно уходил в маленький бар, где «выпивал столько абсента, что часто не мог вернуться в школу без посторонней помощи». Он очень подошел бы для курса моральной развращенности, и, в конце концов, директор его уволил. Именно тогда он написал Малларме о своей несчастной жизни («Мне отказано в любом счастье, кроме счастья в Боге...»), закончив письмо по-английски: «Пожалуйста, пиши иногда твоему благодарному [sic] и любящему ВЕРЛЕНУ». Перед ним стоял стакан абсента, когда он приписал в

постскриптуме: «Наскоро, о моих скитаниях, сейчас я в таверне... Все еще с сахаром. Мне очень худо. Прости за все ужасы...»

С той поры Верлен оставил надежды на приличную жизнь. Его посадили еще на месяц за то, что он угрожал ножом матери, хотя в суде она требовала его оправдать, потому что на самом деле, в душе он — хороший мальчик. Потом он полностью погрузился в жизнь кафе, став главной знаменитостью Латинского квартала. Его поэтическая репутация была прочной, настолько прочной, что полицейским приказали не беспокоить его, что бы он ни делал, но здоровье было подорвано. Он бывал похож на бродягу и выглядел гораздо старше своих лет. Страдал он диабетом, циррозом печени, сердечными заболеваниями, сифилисом, рожистым воспалением и язвами на ногах. Свидетель той поры, Луи Розэр, был шокирован его грязной бородой, замусоленным шарфом, пьянством и стаей прихлебателей. Его обычно сопровождал «секретарь», дурачок или шут, по прозвищу «Биби-Пюре». Этот бездомный чудаक носил цилиндр, строгий сюртук и большую бутоньерку. Свою непримечательную жизнь он увенчал на похоронах Верлена, укрыв у всех зонтики.

Английский писатель Эдмунд Госс оставил более приятный портрет, впервые опубликованный в журнале «Савой» в 1896 году под названием «Первый взгляд на Верлена». Госс приехал в Париж на три года раньше в поисках поэтов-символистов и рассказывает об этом так, словно разыскивал в джунглях редких бабочек. «Я узнал, что есть особые места, где этих поздних декадентов можно наблюдать в больших количествах, — пишет он, — и потому решил навестить эту зону с сачком для бабочек и посмотреть, сколько нежных существ с покрытыми пылью крылышками я смогу поймать, предполагая, конечно, что самый крупный экземпляр, великий бражник Поль Верлен, погружает свой хоботок в те же венчики абсента».

Охота привела Госса на бульвар Сан-Мишель, ничем не примечательный днем, но «сияющий и веселый ночью». «Хорошему энтомологу восточная часть этой улицы известна как главный, если не единственный ареал обитания вида *poeta symbolans*, который, однако, водится здесь в больших количествах». (Госс отмечает, что бары бульвара Сан-Мишель немного напоминают ему лондонские кофейни XVIII века, где «горячий шоколад и миндальный ликер, я полагаю, занимали место абсента».) После трех дней терпеливых поисков ему удалось встретить Верлена, который, по-видимому, был необычайно учтив. На бродягу он не походил; напротив, он был в новом темном костюме и новой белой рубашке, которой очень гордился, и позволил Госсу полюбоваться своими запонками. Тихо, с хрипотцой, говорил он о красотах Брюгге и, в частности, о прекрасном старом кружеве, а потом прочитал свои стихи «Лунный свет». Госс всегда находил Верлена в самой лучшей форме. Когда они встретились в Лондоне, Верлен был не менее учтив. Госс сказал ему, что он похож на китайского философа. «На китайца, если хотите, — ответил Верлен, — но уж точно не философа!»

Верлен потратил массу денег в кафе, особенно в «Cafe Francois I», где бельгийский художник Анри де Гру видел его в 1893 году: «Он вечно улыбался во все лицо хитрой улыбкой... Он был еще трезв, но перед ним стоял стакан великолепного зелья». Уже при жизни Верлена его образ стал мифологизироваться; к примеру, Берген Эпплгейт так описал его в книге «Песня абсентоного цвета»: «Он как будто, пошатываясь, вышел со страниц Петрония — неясное, нео-пределенное существо, наполовину зверь, наполовину человек, истинный сатир...»

1893 год. Полуподвальное кафе, площадь Сан-Мишель, Париж. Воздух провонял табачным дымом, смешанным с резким, кислым запахом абсента... Бледный, фиолетовый свет газовых рожков сливается с красноватым отблеском большой масляной лампы, висящей сверху, бросая в его стакан несколько сияющих лучей. Запавшие сверкающие глаза полувопросительно, полуиспытующе смотрят в зеленоватую опаловую жидкость. Это взгляд человека, не вполне уверенного, кто он — неподвижный взгляд лунатика, который станет удивленным в миг пробуждения. У него есть все основания сомневаться, ибо в этот дьявольский кубок он вылил всю свою юность, все состояние, весь талант, все счастье, всю жизнь.

Менее снисходительный портрет Верлена мы найдем в книге Макса Нордау «Вырождение». Нордау считал «вырождение» псевдоклинической болезнью, поразившей европейскую культуру, а Верлена — своим главным примером, не только из-за «монгольской физиономии»* [*Часто писали, что у Верлена китайские или монгольские скулы и глаза.*] и «безумной, необузданной похоти», или даже того, что он был «припадочным алкоголиком», но прежде всего из-за мистической неясности и намеренной «туманности» его стихов, часто не способных обозначить что-либо конкретное, с рифмой, определявшей направление мысли. «Еще один признак умственной слабости — сочетание абсолютно несвязанных существительных и прилагательных, которые намекают друг на друга через бессмысленные блуждания ассоциаций или через сходность звучания». Нордау считает это знаком того, что мы назвали бы шизоидным мышлением, хотя даже ему приходится признать, что «под рукой Верлена [это] часто приносит чрезвычайно красивые плоды», «Осеннюю песню» он даже хвалит за «волшебную печаль». Верлен знал о своей плохой репутации. Иногда он бросал вызов: «Меня давно считают полным чудовищем...Я не знаю известного человека без такого ореола — и наоборот». Иногда он занимал скорее оборонительную позицию: «Я погубил свою жизнь и прекрасно знаю, что всю вину возложат на меня. Могу ответить одно: я действительно родился под Сатурном...» В самые острые моменты раскаяния он обвинял во всем абсент, уже упомянутый в конце его стихотворения, адресованного Франсуа Коппе:

Moi, ma gloire n'est qu'une humble absinthe ephemere
Prise en catimini, crainte des trahisons,
Et, si je n'en bois pas plus, c'est pour des raisons*.

**[Моя слава — лишь жалкий эфемерный абсент, Выпитый тайно, со страхом предательства, И если я его больше не пью, у меня на это есть причины (букв. пер.)]*

В «Исповеди» 1895 года Верлен совершенно раскаивался в своей зависимости от абсента и дал незабываемый набросок более ранней манеры питья:

Да, целых три дня после похорон моей любимой кузины я жил пивом, и только пивом. Когда я вернулся в Париж, словно мне не хватало несчастий, мой начальник стал читать мне нотации из-за того, что я пропустил лишний день, и я сказал ему не соваться в чужие дела. Я запил; и, так как в Париже пиво плохое, снова обратился к абсенту. Пил я его вечером и ночью. Утром и днем я сидел в конторе, где моя вспышка не прибавила мне популярности. Кроме того, из уважения к матери и к начальнику, я должен был скрывать от них обоих мою прискорбную привычку.

Абсент! Как страшно думать о тех днях и о более недавнем времени, которое все еще слишком близко для моего достоинства и здоровья, особенно — достоинства, если подумать.

Один глоток отвратительной ведьмы (какой дурак назвал ее феей или зеленой музой?), один глоток все еще пленял меня, но затем мое пьянство привело к более тяжелым последствиям.

У меня был ключ от квартиры в Батиньоль, где я все еще жил с матерью после смерти отца, и я пользовался им, чтобы возвращаться, когда хочу. Я рассказывал матери всякие небылицы, и она им верила — или, возможно, что-то подозревала, но заставляла себя закрывать глаза. Увы! Теперь глаза ее навсегда закрыты. Где проводил я ночи? Порой не в слишком пристойных местах. Бродячие «красавицы» часто приковывали меня «цветочной цепью», или я час за часом проводил в ТОМ ДОМЕ С ДУРНОЙ СЛАВОЙ, который с таким мастерством описал [Катюль] Мендес; в должное время и в должном месте я обращусь к нему снова. Я ходил туда с друзьями, среди которых был искренне оплаканный мною Шарль Кро, и меня заглывали ночные таверны, где абсент лился, как Стикс <...>

Как-то ранним прекрасным утром (для меня оно было ужасным) я вернулся, как обычно, тайком в мою комнату, которую коридор отделял от комнаты моей матери, тихо разделся и лег в постель. Мне нужно было поспать час или два, хотя я этого не заслужил с филантропической точки зрения. В девять часов, когда я должен был уже собираться на службу и пить свой бульон или горячий шоколад, я еще крепко спал. Мать вошла, чтобы, как всегда, разбудить меня.

Она громко вскрикнула, как будто хотела рассмеяться, и сказала мне (я уже проснулся от шума):

— Ради бога, Поль, что ты делал? Конечно, опять напился?!

Слово «опять» ранило меня. «Почему "опять"?!», — сказал я с горечью. «Я никогда не напиваюсь, и вчера я был трезвее, чем обычно. Я ужинал со старым другом и его семьей и не пил ничего, кроме подкрашенной воды, а после десерта — кофе без коньяка. Вернулся я довольно поздно, этот друг живет далеко, и мирно отошел ко сну, как ты можешь заметить».

Мать ничего не сказала, но сняла с ручки окна зеркальце, перед которым я брился, и поднесла к моему лицу.

Я лег спать в цилиндре.

Историю эту я рассказываю с острым стыдом. Позднее мне придется рассказать много худших нелепостей, которыми я обязан злоупотреблению ужасным напитком. На этот источник безумия и преступлений, идиотизма и позора правительства должны бы наложить тяжелый налог, а то и вообще запретить его. Абсент!

Другим источником безумия, преступлений, идиотизма и позора был для Верлена Артюр Рембо. Этот гениальный, нервный подросток из Шарлевиля послал ему несколько стихотворений, и они так поразили Верлена, что он пригласил шестнадцатилетнего Рембо к себе, в Париж. Верлен и Шарль Кро поехали встречать гостя на вокзал, но они разминулись. Когда Верлен приехал с вокзала, юный гений успел произвести ужасное впечатление на жену Верлена, Матильду, и его тещу, мадам Мог де Флервиль. Глубоко застенчивый и провинциальный, Рембо не умел вести светскую беседу и восполнял это чрезвычайной грубостью. Тогда, как вспоминали, он накинулся на любимую собачку мадам де Флервиль. «Да они же *либералы!*» — говорил он.

Рембо испытал влияние Бодлера и сам баловался оккультизмом. Мысли Бодлера о снах произвели на него глубокое впечатление: «Величественные сны — дар, которым наделены не все люди. Через эти сны человек общается с тем темным сном, который его окружает». Рембо верил, что поэт должен быть мистическим провидцем, чем-то вроде медиума, и что поэзия и мысли просто приходят через нас, как сны. Мы не думаем, только наблюдаем, как рождаются наши мысли, и не говорим сами, что-то говорит через нас. Все это ведет напрямую к автоматизму и раннему сюрреализму. Индивидуальность и осознанный талант — пагубные иллюзии, как, собственно, и «эго». «Я, — сказал Рембо в своем известном изречении, — это другой». Он следовал самым крайним тенденциям, отраженным у Бодлера, без каких-либо ограничений, которые Бодлер на них накладывал. Для Рембо было недостаточно постоянно «опьяняться», как вроде бы советовал Бодлер. Он следовал по пути намеренного безумия: «Поэт должен сделать себя *провидцем*, долго, мучительно и обоснованно *выводя из равновесия* все свои чувства». Способности нужно раскрыть: «Их нужно пробудить! Наркотики, ароматы! Яды, которыми дышала Сивилла!» Вряд ли его могла удержать дурная слава абсента, скорее — наоборот.

Рембо иногда вел себя как одержимый. Например, он не просто завшивел, но ухитрился бросать вшей в проходивших мимо священников. Он провоцировал Верлена грубо обращаться с женой и, возможно, поставил себе целью разрушить их брак. Он мешал читать чужие стихи, приговаривая «*merde*»* [*Дерьмо (франц.)*]. (Примеч. пер.)] в конце каждой строки, а когда фотограф Каржа попытался ему помешать, выхватил шпагу из трости Верлена и кинулся на него. Однажды, когда они пили с Верленом и друзьями в «*Safe Rat Mort*»* [*Мертвая Крыса*]. *На посуде были изображены две крысы, дерущиеся на шпагах, и крысы-секунданты в цилиндрах.*], он попросил Верлена положить руки на стол, чтобы провести опыт, — и исполосовал ему руки ножом. В другой раз Рембо пил с Антуаном Кро. Когда тот, ненадолго отлучившись, вернулся к столику, он заметил, что его пиво неприятно пенится. Рембо добавил туда серной кислоты.

Жена Верлена Матильда очень страдала от безумной страсти ее мужа. Однажды, когда Верлен уехал с Рембо путешествовать, она нашла у него в столе несколько странных писем от Рембо. Она рассказала об этих письмах братьям Кро, и Антуан сказал, что, по его мнению, Верлен и, особенно, Рембо обезумели от абсента.

Биограф Рембо Энид Старки пишет, что обычно он проводил время в разных кафе на бульваре Сан-Мишель, где поддерживал более или менее постоянное опьянение. Нравилось ему и кафе «Академия» на улице Сан-Жак, о чем он писал своему другу Делаэ:

Parmerde*, 72 число, примерно Июнь

*[Несуществующее слово, образованное от «terde» — «дерьмо». Может быть междометием, вроде божбы, но здесь — по-видимому — как бы название места. (Примеч. пер.)]

Mon ami* [Мой друг (франц.)],

Здесь есть одно питейное заведение, которое мне нравится. Да здравствует Академия Абсомфа, несмотря на недоброжелательность официанта! Самое нежное, самое трепетное из одеяний — это опьянение, вызванное абсомфом, этим мудрецом из ледников! Если бы только, после, лечь в дерьмо!

Примерно в то же время он написал стихи «Комедия жажды», где говорит о намеренном самоуничтожении посредством алкоголя, ничуть не похожем на благодушное пьянство, которого искал Верлен. В стихах беседуют голоса, включая «Друзей» в третьей части:

*Идем! вдоль побережий
Вином залит простор!
Потоком биттер свежий,
Течет по склонам гор!
Туда — толпой бессонной, —
Где взнес абсент колонны!*

Поэт отвечает:

*Я: Стран этих чужд поэт.
Прочь опьяненья бред!
Милее мне, быть может,
В болоте гнить, где тины
И ветер не встревожит,
Качая ив вершины*.*

[Перевод М. Кудинова, в кн.: Рембо А. Пьяный корабль: Стихотворения. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. С. 202. (Примеч. пер.)]

Идея жажды часто встречается у Рембо, иногда — как метафора желания. Что касается метафорического опьянения, его самые известные стихи, вероятно, это «Пьяный корабль» о бегстве прочь, растворении в океане и, наконец, разочаровании.

*Вкусней, чем мальчику плоть яблока сырая,
вошла в еловый трюм зеленая вода,
меня от пятен вин и рвоты очищая
и унося мой руль и якорь навсегда.*

*И вольно с этих пор купался я в поэме
кишащих звездами лучисто-млечных вод,
где, очарованный и безучастный, время
от времени ко дну утопленник идет*.*

[Перевод В. Набокова, в кн.: Верлен П., Рембо А., Малларме С. Стихотворения, проза. М.: Рипол Классик, 1998. С. 369. (Примеч. пер.)]

Позднее Рембо вспоминал о своем писательстве с отвращением. В девятнадцать лет он так писал о своих более ранних взглядах и безумных поступках (стихотворение в прозе «Лето в аду»):

Я любил идиотские изображения, намалеванные над дверьми; декорации и занавесы бродячих комедиантов; вывески и лубочные картинки; вышедшую из моды литературу, церковную латынь, безграмотные эротические книжонки, романы времен наших бабушек, волшебные сказки, тонкие детские книжки, старинные оперы, вздорные куплеты, наивные ритмы... В любое волшебство я верил.

...
Я приучил себя к обыкновенной галлюцинации: на месте завода перед моими глазами откровенно возникала мечеть, школа барабанщиков, построенная ангелами, коляски на дорогах неба, салон в глубине озера, чудовища, тайны; название водевиля порождало ужасы в моем сознании.

...
Угроза нависла над моим здоровьем. Ужас овладел мной. Я погружался в сон, который длился по нескольку дней, и когда я просыпался, то снова видел печальные сны. Я созрел для кончины; по опасной дороге меня вела моя слабость к пределам мира и Киммерии, родине мрака и вихрей.

Рембо покончил с литературой в двадцать лет, обратился к науке и торговле, путешествовал по Африке, торговал кофе и оружием. Верлен старался популяризировать его творчество и перевозил его в своем исследовании «Les Poetes Maudits» («Проклятые поэты»). Ко времени смерти Рембо почти забыли. Он практически исчез, и многие думали, что он умер намного раньше. На смертном одре он видел необыкновенные видения: «аметистовые колонны, мраморных и деревянных ангелов, неопишимо прекрасные страны» — и описывал все это «с особым, пронзительным очарованием». Несмотря на то что он всегда ненавидел все церковное, он пережил странное и позднее обращение в католичество* [По крайней мере, так говорила его сестра. Не все с ней согласны.]. Рембо оказал огромное влияние на сюрреалистов, и Бретон хвалил его в «Манифесте сюрреализма» как «сюрреалиста в самой жизни и во многом ином».

Глава пятая

НЕВОЗНАГРАЖДЕННЫЙ ГЕНИЙ

Шарль Кро, поэт и изобретатель, по всей видимости, был гением в самом общепринятом смысле этого слова. В своей биографии Верлена Джоанна Ричардсон пишет, что в одиннадцать лет Кро уже был одаренным филологом и учил двух профессоров «Коллеж де Франс» ивриту и санскриту. Кро дождался своего двадцатипятилетия, прежде чем показать миру изобретенный им автоматический телеграф на Парижской Международной выставке 1867 года. Кроме того, он представил на рассмотрение Французской Академии наук основные принципы техники цветной фотографии, а также изобрел фонограф на восемь месяцев раньше Эдисона. В 1869 году он опубликовал эссе об общении с другими планетами. К этому времени он напечатал несколько стихотворений и встретил Нину де Кальяс, отношения с которой стали решающими в его жизни. Нина ушла от мужа, журналиста Эктора де Кальяса, пристрастившегося к абсенту, и возглавляла свой собственный интеллектуальный и богемный салон, где Верлен не только читал стихи, но

даже пел и играл в любительских комедиях. Именно здесь Кро в 1867 году познакомился с Верленом, и они стали друзьями.

Кро и Нина расстались в 1878 году. Он женился на другой, но его зависимость от абсента становилась все сильнее. Он стал завсегдатаем кафе «Черный кот», которое в 1881 году открыл неудачливый художник Теодор Сали. Тот хотел завести что-то вроде салона — он не только одел своих официантов в костюмы членов Французской Академии, но лично оскорблял каждого входившего клиента. Кро иногда выпивал в «Черном коте» до двадцати стаканов абсента в день. Там он и умер однажды ночью 1888 года, дописывая стихотворение. Нина опередила его, она сошла с ума и умерла в 1884 году.

Андре Бретон включил Кро в свою «Антологию черного юмора», а в биографической статье о нем напоминает нам, что он, кроме всего прочего, первым синтезировал рубины. У Кро не было ни денег, ни упорства для коммерческого развития своих изобретений, ему не удалось ничего на них заработать. Он жил и умер в бедности.

Однако у Кро было и несколько неожиданных поклонников. Американский иллюстратор Эдвард Гори любил его стихи и перевел некоторые из них на английский. Он проиллюстрировал стихотворение для детей «Сушеная селедка», в котором под нарочито бессмысленной поверхностью скрывается невыразимая мрачность. Это стихи ни о чем, история пустой белой стены, к которой человек прислоняет лестницу, вбивает в стену гвоздь, прикрепляет к гвоздю веревку, привязывает к веревке селедку, и та после этого вечно болтается на ветру. Это таинственно унылое произведение, как и некоторые работы самого Гори, Бретон считал подвигом — как-никак, поэт «пустил вхолостую мельницу стихотворного ритма».

Более циничная и язвительная сторона личности завоевала Кро место в романе «Наоборот» Жориса-Карла Гю-исманса, то была первая из «Желтых книг» (Лорд Генри Уоттон дает Дориану Грею книгу в желтом переплете, и Дориану она кажется «самой странной книгой, какую он когда-либо читал»). Герой Гюисманса, крайний декадент дез Эссент, хранит книгу Кро в своей необычной библиотеке и восхищается его сатирической новеллой «Наука любви», которая «еще могла удивить своим деланным безумием, чопорностью юмора, прохладно-шутливыми замечаниями». Появляется Кро и в романе Марии Корелли «Полынь», где она превозносит его как недооцененного гения и отмечает, что его ранняя смерть «окружена самыми грустными обстоятельствами страдания, бедности и одиночества». Она целиком приводит его стихотворение «L'Archet»* [*Смычок (франц.)*] и высказывается о его сборнике «Le Coffret de Santal»* [*Сандаловый ларец (франц.)*]. Более того, стихотворение «Lendemain»* [*Завтра (франц.)*], автора которого она не называет, вдохновившее Гастона Бове «сыграть роль в нескольких драмах» с абсентом и женщинами, на самом деле принадлежит Кро.

*С цветком и женщиной,
С абсентом и огнем
Мы поиграем,
Мысля об ином.*

*Абсент
Зеленым светом озарит,
А роза
Ароматом одарит.*

*Но месяцы сметут всю прелесть грез,
И мы с тобой расстанемся без слез.*

Рассыпятся и письма, и цветы,

*Останутся улады немоты,
Абсента, небосвода вдалеке
И судорог в немеющей руке.*

*Ну что же, значит — скоро умирать,
Нельзя с цветком и с женщиною спать.*

Самое удивительное в научных открытиях Кро — то, что они, по всей видимости, реальны, не в пример многим другим открытиям ученых, искавших вдохновения в абсенте. Шведский драматург Август Стриндберг, проживший в Париже много лет, занимался алхимией, все больше впадая в паранойю, запечатлевшаяся в «Аде» («Inferno») и «Оккультном дневнике».

«А не пойти ли нам всем и не стать ли богемными?.. — предложил он другу в 1904 году. — Я скучаю по Монпарнасу, мадам Шарлотте, Иде Молар, абсенту, жареному мерлану, белому вину, "Figaro" и "Closerie des Lilas"* [*Парижское кафе. (Примеч. пер.)*]. И все-таки...» Вообще же абсент ему скорее вредил. На несколько лет раньше он записал в дневнике: «Что до абсента, несколько раз этой осенью я пил его со Съестедтом, но результаты неутешительны». Он снова и снова описывает эти результаты, балансируя между паранойей и чутьем: «кафе наполнилось ужасными типами», на улице появились какие-то оборванные люди, «все в грязи, как будто они вылезли из канализации», и уставились на него. «Я никогда не видел таких субъектов в Париже и недоумевал, "реальны" они или это "проекция"». Однако «таких субъектов» он видел в Лондоне — отвратительные, грязные люди кишели «у входа на Лондонский Мост, где толпа поистине таинственна и зловеща».

Кроме алхимии Стриндберг занимался цветной фотографией, телескопией, «воздушным электричеством как движущей силой», «никелированием без никеля (превращение металлов)», «производством шелка из жидкости без участия шелкопряда» и многим другим. Позднее Делиус вспоминал время, когда он верил в научный гений Стриндберга, хотя плохо понимал его прозрения. Однажды Стриндберг показал Делиусу фотографию Верлена:

Поль Верлен тогда только что умер, и у Стриндберга была его довольно большая фотография на смертном одре. Однажды он показал мне ее и спросил, что я на ней вижу. Я вполне откровенно описал ее: Верлен лежит на спине, под стеганым одеялом, над которым видны только голова и борода, а сплюснутая подушка валяется на полу. Стриндберг спросил, вижу ли я огромное животное на животе у Верлена, и черта, пригнувшегося к полу?

Делиус не был уверен, искренен ли Стриндберг или просто старается напустить таинственность. «Однако, — добавляет он, — могу сказать, что в то время я безоговорочно верил в его научные открытия...»

Например, только что открыли рентгеновские лучи, и он однажды сказал мне по секрету за стаканом абсента в «Closerie des Lilas», что он сам открыл их на десять лет раньше.

Биограф Стриндберга, Майкл Мейер, приводит множество авторитетных мнений, доказывая, что психическое расстройство Стриндберга обострило или даже вызвало хроническая зависимость от абсента.

Бросая характерно-брезгливый взгляд на «идолов нынешней молодежи», Эдмон Гонкур быстро расправляется с тремя главными из них при помощи короткой злобной ремарки: «Бодлер, Вилье де Лиль-Адан, Верлен. Все считают их талантливыми, но это садист из богемы, алкоголик и жестокий мужеложец». Намного прежде, чем стать чьим-либо идолом,

Вилье де Лиль-Адан уже оставил яркое впечатление, появившись в редакции журнала, который издавали братья Гонкур. Появился он там сентябрьским вечером 1864 года:

Он был типичным представителем литературной богемы, неизвестным поэтом. Волосы, разделенные на прямой пробор, падали тонкими прядями ему на глаза, и он откидывал их жестом маньяка или провидца. У него был лихорадочный взгляд человека, страдающего галлюцинациями, лицо опиомана или онаниста и безумный, механический смех, то и дело появлявшийся и исчезающий. В общем, нечто нездоровое, вроде призрака... Так и кажется, что он произошел от тамплиеров через какого-то медиума.

Франсуа Фоска в своих записях о парижских кафе того времени пишет о погибших людях с Вилье де Лиль-Аданом во главе: «Многим пришлось пострадать за слабость к Зеленой Фее — Вилье де Лиль-Адану, Шарлю Кро, Глатиньи, художнику Андре Жилю и коммунару Вермешу, которого абсент довел до сумасшедшего дома...»

Узнав, что освобожден греческий престол, Вилье де Лиль-Адан немедленно объявил о своих притязаниях на него телеграммой в «Тайме». Его современникам это могло показаться именно той безумной затеей, на которую пустится человек, пьющий абсент, но он делал это всерьез. Он заручился поддержкой двоих родственников, один из которых был губернатором в Сибири, а другой — лордом Бекингемом, и даже пошел к императору, чтобы все обсудить. Пришел он туда загримированный, согнувшись вдвое, и увешанный иностранными медалями и орденами (он выглядел, пишет Гонкур, точно так, как и должен выглядеть старый, больной король Греции). Но из этой затеи ничего не вышло.

Вилье де Лиль-Адан особенно прославился своим романом «Аксель», который Йейтс, по его собственным словам, изучал, как «священное писание». О нем компетентно писал американский критик Эдмонд Уилсон, который воспринял его как ключевую точку в символистском отказе от повседневной реальности. Готический и вагнерианский роман, нагруженный розенкрейцеровским символизмом, рассказывает историю графа Акселя, который живет в древнем уединенном замке в глубинах Шварцвальда и занимается алхимией. Под замком, в склепе, спрятано огромное сокровище, но где оно, не знает и сам Аксель. Однако тайна открывается другому розенкрейцеру, молодой женщине, которая сбежала из монастыря, куда ее отправили родные. Она нажимает тайную кнопку на геральдическом черепе, и на плиты льется поток золота, бриллиантов и жемчуга.

Сначала она пытается застрелить Акселя, но они влюбляются друг в друга, и она предлагает поехать на сказочный Восток. Однако пышные образы Востока и их будущие приключения там Акселя не пленяют, он непреклонен: мечты о Востоке так прекрасны, говорит он, что глупо воплощать их. «Если бы ты только знала, какой грудой неприятных камней, какой бесплодной и знойной землей, какими мерзкими притонами окажутся страны, которые чаруют тебя благодаря воспоминаниям о том воображаемом Востоке, которые ты носишь в сердце!» В том же самом обличении внешнего мира и самой реальности Аксель произносит свою самую известную фразу: «Жить? — говорит он с отвращением. — За нас это сделают слуги».

Это была любимая фраза Лайонела Джонсона. В отличие от большинства писателей, склонных к аристократическому высокомерию, Вилье де Лиль-Адан действительно был графом. Он умер в полной нищете, за ним ухаживала неграмотная любовница. Им восхищались Малларме, Гю-исманс и Верлен, который включил его в список своих «проклятых поэтов», а Бретон позднее напечатал его в «Антологии черного юмора».

В «Манифесте сюрреализма» (1924) Бретон перечисляет некоторых выбранных им предшественников сюрреализма и говорит, *в чем именно*, по его мнению, их сюрреализм. Рембо, как мы видели, предварил сюрреалистов «в жизни и во многом ином», Джонатан Свифт — «в язвительности», маркиз де Сад — «в садизме», Бодлер — «в морали», а вот «Жарри — в абсенте».

Альфред Жарри (1873—1907) был странной фигурой. Его собственная жизнь — такое же его творение, как и пьесы, и, в конце концов, неотделима от них. Низкорослый, почти карлик, говоривший то отрывисто, то монотонно, носивший накидку и огромный цилиндр, который «выше его самого», Жарри мгновенно привлек внимание литературного Парижа. Он жил в глубине тупика, неподалеку от бульвара Пор-Руаяль, и винтовую лестницу, ведущую к его жилищу, украшали кровавые отпечатки ладоней. Его крохотная каморка была задрапирована черным бархатом, обвешана распятиями и кадилами и полна сов.

Жарри потреблял спирт, абсент и эфир в немыслимых количествах, главным образом — с магическими или шаманскими намерениями и катастрофическими результатами. Он недолго любил женщин, но близко дружил с мадам Рашильд, написавшей книгу о маркизе де Саде, и она живо рассказала, как он пьет:

Жарри начинал день двумя литрами белого вина, потом, между десятью часами утра и полуднем, с небольшими перерывами пил три стакана абсента, за обедом запивал рыбу или мясо красным или белым вином и не забывал об абсенте. За день он выпивал несколько чашек кофе с коньяком или ликерами, названия которых я не помню, а за ужином, после новых аперитивов, все еще мог выпить две бутылки любого вина, плохого или хорошего. При этом я никогда не видела его по-настоящему пьяным, кроме одного случая, когда я навела на него его собственный револьвер, и он мгновенно протрезвел.

Любимым напитком Жарри был, как известно, абсент, хотя позднее, когда у него стало плохо с деньгами, он обратился к эфиру, который даже хуже абсента. Ему нравилось называть абсент «l'herbe sainte»* [*«Святая трава» (франц.). Произносится «лэрб сэнт», слова немножко похожи. (Примеч. пер.)*]. Ко всякой другой воде он развивал в себе отвращение; тут он напоминает американского комика У.С. Филдса, который говорил: «Как вы можете это пить? Там совокуплялись рыбы!»

«Трезвенники, — говорил Жарри, — это несчастные люди, находящиеся во власти воды, опасного яда, столь едкого и всеразъедающего, что именно ее выбрали для мытья и стирки. Капля воды, добавленная в чистую жидкость, скажем — абсент, делает ее мутной».

Жарри никогда не находился во власти воды, которая, видимо, была с ним несовместима. Кто-то однажды ради шутки дал ему полный стакан, и, думая, что это прозрачная водка, Жарри залпом выпил ее. Он перекоксился, ему было плохо весь день.

По словам мадам Рашильд, Жарри стал жить в «том постоянном опьянении, в котором он словно бы все время дрожал». Жарри одолжил у нее ярко-желтые туфли на каблуках и надел их на похороны Малларме. По большей части он нравился людям — Оскар Уайльд сразу проникся к нему симпатией и называл его очень привлекательным. «Он совершенен как очень милый продажный мужчина». Однако он умел действовать людям на нервы. Очень бледный, но совсем не слабый, Жарри делал все сверх меры. Он был фанатичным велосипедистом и ездил наперегонки с поездами (очень дорогой гоночный велосипед, последнее слово техники того времени, «Super Laval 96», он купил в кредит в 1896 году и не успел выплатить деньги к своей смерти, в 1907 году). Он обожал огнестрельное оружие и ходил по Парижу ночью, пьяный, с двумя револьверами и карабином. Когда кто-нибудь на улице просил у него прикурить, он выхватывал револьвер и стрелял ему в лицо (получалось что-то вроде игры слов). Слава Богу, он никого не убил. Выезжая за город, он стрелял кузнечиков. Однажды он стрелял по мишеням, прикрепленным к стене сада. Соседка стала жаловаться, что он подвергает опасности жизнь ее детей, и он заверил ее, что, если подстрелит кого-нибудь, поможет ей сделать новых.

В главе «Ужин Аргонавта» в романе Андре Жида «Фальшивомонетчики» есть сцена, в которой Жарри, напившись в кафе абсента, стреляет в кого-то. Это было на самом деле, когда Жарри выстрелил в скульптора Маноло (по слухам, он стрелял на банкете и в некоего Кристиана Бека). Он промахнулся, скорее всего — нарочно. Как и Уайльд, Жид

симпатизировал Жарри и вспоминает его таким, каким он был в 1895 году: «Это была лучшая пора его жизни. Он был невыносимым человеком, я встречал его у Марсея Швоба, и всегда ему очень радовался, пока он не допил до белой горячки».

Кроме того, Жид говорит, что он был похож на «кобольда с пропитым лицом, одевался, как цирковой клоун, и играл фантастически напряженную и запутанную роль, не проявляя никаких человеческих черт». Ужасное, намеренное пьянство было, в сущности, попыткой разрушить различие между внешней и внутренней реальностью, а своими эскападами он хотел стереть границы между искусством и жизнью. Жарри стал отождествлять себя со своим чудовищным созданием, гротескным, комическим антигероем, играющим главную роль в пьесе «Король Убю».

Действие «Короля Убю» происходит «в Польше, то есть нигде». Декораций почти нет, только «пальмы у подножия кровати, стоящие так, чтобы слоники на книжных полках могли щипать их листья». Косвенно вдохновленный трагикомическим школьным учителем, Папаша Убю — грубый фарсовый персонаж, убийствами расчищающий путь к польскому трону. Он отравляет своих врагов щеткой для унитаза, которую носит, как скипетр, и устанавливает в стране террор и разврат. В конце концов его побеждают сын короля и царское войско, и он бежит во Францию, где грозит продолжить свое дело. Жарри поставил эту пьесу (в ней играли куклы) у себя в мансарде, еще в 1888 году. Премьера на театральной сцене состоялась в 1896 году, и декорации создал Тулуз-Лотрек.

Они были знакомы по «Revue blanche», анархистскому журналу, в котором Жарри мог появиться в женской блузке и розовом тюрбане. Оба низкорослые, просто карлики, оба — скандалисты и оба — приверженцы абсента, Жарри и Тулуз-Лотрек, по всей видимости, сразу нашли общий язык. Самый последний биограф Тулуз-Лотрека Дэвид Свитман пишет, что тому довелось умереть раньше Жарри, «но они разделили много выпивки и... хохота в обществе еще одного обреченного [Уайльд], прежде чем болезнь и Зеленая Фея забрали их обоих».

Свитман называет пьесу Жарри «грязной, непотребной, скандальной, абсурдной и просто абсолютно грубой». Актер, исполнявший роль Убю, выходил на сцену в костюме толстяка с какой-то загогулиной спереди и открывал спектакль единственным словом «Merdre!», образованным от «merde» («дерьмо»). Публика тут же приходила в бешенство, и начиналась битва «за» и «против». Беспорядок продолжался минут пятнадцать, прежде чем спектакль мог идти дальше.

В театре были Йейтс и Артур Саймоне. На Йейтса все это произвело очень неприятное впечатление. Он кричал, защищая пьесу, чтобы поддержать радикалов, но у него остался грязный осадок. Вместо интроспективной символистской эстетики, которую он любил, здесь было что-то грубое, «объективное», некая уродливая жизненность, которая впоследствии определила большую часть XX века и стала предвестием, даже началом тоталитаризма. Бретон позднее сказал, что пьесы о Папаше Убю предвосхитили «и фашизм, и сталинизм». Для Йейтса Убю был предвестником будущих несчастий: «После нас, — писал он, — грядет "дикий бог"».

Из «Убю» это никак не следует, но Жарри был очень образован. Он прекрасно знал античность, любил неоплатоников, геральдику и Томаса де Квинси. У него было больше общего с Йейтсом, чем тому казалось; его затронуло возрождение оккультизма во Франции XIX века, и он прекрасно разбирался в тайнах таро.

Он читал французских оккультистов, вроде Станисласа де Гуайта и Жозефена Пеладана, и именно в этом контексте пил абсент, сознательно культивируя галлюцинации. Он хотел не притупить чувства, но стать безумным, выйти за пределы разума.

Он стремился превратить свою жизнь в сон наяву. Оскар Уайльд уже писал, что надо объединить искусство и жизнь, но Жарри делал это с той интенсивностью, которая скорее стремилась в будущее, к сюрреализму, чем в прошлое, к Уайльду. Когда его силой уводили после эпизода с Маноло, он воскликнул: «А что, неплохо написано?» — «Можно сказать, —

говорит Бретон, — что после Жарри гораздо больше, чем после Уайльда, разделение между искусством и жизнью, которое долго считалось необходимым, осмеяли, оскорбили и отвергли в принципе». После Жарри биография неуклонно просачивается в литературу: «Автор разместился на полях текста... [и] никак невозможно освободить завершённое здание от рабского, который твердо решил установить на крыше чёрный флаг».

Жарри шел дальше простого слияния искусства и жизни, которое многие считают главным в авангардизме; он пытался соединить сон и бодрствование. В той же мере оккультист и эзотерик, что и авангардист, он продолжает, по словам Роджера Шаттака, традицию Жана Поля, Рембо и, особенно, Жерара де Нерваля, который говорил, что хочет «править своими снами». Позднее Бретон писал: «Я верю, что в будущем сон и реальность, которые кажутся столь взаимоисключающими, объединятся в некую абсолютную реальность, *сверхреальность*»* [*По-французски «сверхреальный» — «surrealiste».* (Примеч. ред.)]. Жарри старался выбрать кратчайший путь.

Взгляды его на эти вопросы видны из романа «Дни и ночи». Герой — любитель абсента, новобранец Сенгль, который дезертирует из французской армии. Жарри сам был призван на военную службу, но его демобилизовали по причине «преждевременного слабоумия». Дезертирство Сенгля — не только буквальное, но и метафорическое; это глубоко духовное бегство, он ушел «далеко», убежав в себя.

«Дни и ночи» — это реальность и сон. Жарри пишет, что Сенгль вслед за Лейбницем «верил в первую очередь, что существуют только галлюцинации, или только восприятия, и нет ни ночей, ни дней и жизнь непрерывна». Она непрерывна точно так же, как непрерывно и равно всему сущему сознание в «Тибетской книге мертвых», которая бы понравилась Жарри, если бы ее перевели до его смерти* [*Жарри пересказывал китайскую легенду, которую он нашел в книге XIII века, переведенной маркизом Эрве де Сен-Дени, востоковедом и автором книг о контроле над снами. Это легенда о народе, у которого головы улетали с наступлением ночи и возвращались на рассвете.*]

Сенгль гуляет по лесу со своим другом Валансом в таком «состоянии, как будто он принял гашиш», и ему мерещится, что душа отделилась у него от тела и летает по воздуху, как воздушный змей, прикрепленная лишь тонкой нитью. В той же главе Жарри упоминает об «астральном теле».]

До этого отрывка (в главе «Патафизика») мысли Сенгля принимают отчетливо магический — или психотический — оттенок. Он обнаруживает, что они могут контролировать внешний мир: «Сенгль проверил свое влияние на действия мелких предметов и решил, что имеет право принять подчинение мира». Напившись абсента и коньяка, он замечает, что может контролировать игральные кости, предсказывая сопернику, как они лягут, поскольку видит это заранее мысленным взором.

Внешняя жизнь Жарри проходила не гладко. Бедность прочно держала его. Он ловил для себя рыбу в Сене, частью — из чудачества (красил же он волосы в зеленый цвет), но частью — из нужды. Теперь он снимал тесную, мрачную комнату в доме 7 по улице Кассетт, которую называл «Великой Мастерской Облачений», потому что этажом ниже была мастерская, где шили церковные одеяния. На каминной полке у него стоял каменный фаллос, подарок Фелисьена Ропса, в лиловой бархатной шапочке. Потолок был таким низким, что сам Жарри задевал его головой, другим приходилось нагибаться. У кровати не было ножек — он говорил, что низкие кровати снова входят в моду, и писал, лежа на полу. По словам Шаттака: «Говорили, что там можно есть только камбалу».

Пьянство Жарри не убавлялось, скорее, оно даже усилилось, так как теперь он обратился к эфиру, когда не мог купить абсента. Кит Бомон цитирует его позднее прозаическое произведение, герой которого Эрбран совершенно разложился. Состояние его вполне похоже на состояние Жарри:

Он пил в одиночестве и методично, причем ему никогда не удавалось достичь опьянения, и у него не было ни малейшей надежды стать тем, кого в те дни было модно называть алкоголиком.

Дозы были слишком большими, и алкоголь скатывался по клеткам, как река, которая просачивается сквозь вечное и равнодушное песчаное дно...

Он пил самую сущность древа познания крепостью в 80 градусов... и чувствовал себя как дома в заново обретенном раю...

Вскоре он уже не знал темноты, для него тьмы уже не было, и, несомненно, как Адам до грехопадения... он видел без света...

А жил он почти без еды, нельзя же иметь все сразу, да и пить на пустой желудок полезнее.

То, что Эрбран «видит в темноте», говорит, скорее, не об остроте зрения, а о галлюцинациях. Возможно, это — то «зрение в темноте», которого можно добиться, плавая в закрытом резервуаре.

В конце концов Жарри серьезно заболел и был вынужден обратиться к «merdcins»* [*Слово «medecin» (врач) он старается уподобить слову «merde». (Примеч пер.)*]. Пить на пустой желудок вреднее, и здоровье Жарри было подорвано голодом. Часто говорят, что алкоголиков убивает не просто алкоголь, а образ жизни, который его сопровождает; так было и с Жарри. Он писал другу: «Поговаривают, будто... папаша Убю [то есть, конечно, сам Жарри] пьет, как лошадь. Признаюсь тебе как старому другу, что я в некотором роде разучился *есть*, и только этим болен».

Мадам Рашильд он писал: «Мы должны подправить легенду. Папаша Убю, как меня называют, умирает не оттого, что слишком много пил, но оттого, что не всегда много ел». Кроме того, Жарри рассказал приятельнице о характерной для него вере: мозг действует после смерти, разлагаясь, и сны эти и есть рай. Перед смертью он попросил, чтобы ему принесли зубочистку. Принести ее успели, он очень обрадовался и почти сразу умер.

Блестящая глава Шаттака о Жарри в книге «Годы пиршеств» удачно и точно озаглавлена «Смерть от галлюцинации». Жарри оставил после себя не только свое творчество, но и растущее наследие своих поклонников, членов «Училища Патафизики». «Общество друзей Альфреда Жарри» (Societe des Amis d'Alfred Jarry) публикует журнал в его честь под названием «L'Etoile-Absinthe» («Звезда Полынь»).

Как мы увидим из следующей главы, не каждый, кто пил абсент, провозглашен гением. В рассказе Альфонса Алле «Абсент» показано его воздействие на типичного для рубежа веков неудачливого сочинителя. Алле, друг Кро и Верлена, был чудаковатым юмористом, который отличился тем, что первым начал рисовать совершенно одноцветные картины. В те времена часто говорили, что современные художники не умеют рисовать, и Алле с приятелями — главным образом литераторами, а не художниками — образовали «Salon des Incoherents»* [*Салон непоследовательных (франц.)*], члены которого *действительно* рисовать не умели. Шедевры Алле включают белый прямоугольник «Малокровные девочки, идущие к первому причастию в снежной буре» (1883) и чисто-зеленый холст 1884 года «Сутенеры пьют абсент, лежа на траве».

Рассказ «Абсент» — ранняя разновидность «потока сознания». В нем описано, как человек напивается и как меняются ощущения несчастного писателя, который сидит на бульваре в «час абсента», а вокруг другие люди разыгрывают великую мистерию города.

«АБСЕНТ»

Пять часов.

Погода плохая. Серое небо... скучный, пронзительно-серый цвет.

О, хоть бы прошел короткий, резкий ливень, чтобы освободиться от глупых людей, кружащих вокруг, как ходячие штампы!.. Ну и погода...

Еще один плохой день, черт возьми. Да уж, не везет!

Статью не взяли. Так это вежливо...

«Очень понравилось... интересная идея... и написано мило... но не совсем в стиле нашего журнала...»

Стиль журнала? Журнальный *стиль*? Самый скучный журнал во всем Париже! Нет, во всей Франции.

Издатель занят, рассеян, он думает о чем-то.

«Где-то здесь ваша рукопись... да, роман мне понравился... интересная идея... и написано мило... но дела, знаете ли, идут неважно... портфель буквально набит... вы бы написали что-нибудь такое, ходкое... Все раскупят... слава... почетный список...»

Вежливо удалился, чувствуя себя идиотом.

«Может быть, позднее».

Ну и погодка! Полшестого.

Бульвары! Пойдем-ка туда. Там можно встретить друга или пару друзей. Как говорится, приятеля-другого. Приятеля? Да все ничтожества... Кому *можно верить* в Париже?

И почему сегодня все так *уродливы*?

Женщины плохо одеты. Мужчины — просто кретины.

«Официант! Один абсент и сахар!» Ах, хорошо смотреть, как тихо тает сахар на своем ситечке, когда по нему медленно стекает абсент. Вот так, говорят, капля долбит камень. Разница в том, что сахар мягче камня. Ну, все равно. Официант! один абсент, один камень!

Абсент на камешках, а не со льдинкой. Мило, мило, очень забавно. Если ты никуда не торопишься. Абсент и камень... Да, мило.

Сахар почти растаял. Он исчезает. Совсем как мы. Какой образ человечества! Кусок сахара...

Когда мы умрем, мы все пройдем той дорогой. Атом за атомом, молекула за молекулой. Растворимся, рассредоточимся, вернемся в Великое Запределье с любезного разрешения земляных червей и растительного царства.

Значит, все к лучшему. Виктор Гюго и наемный писака равны перед Великой Личинкой. Вот и хорошо.

Да уж, погода... Паршивый день. Редактор — идиот. Издатель — дальше некуда.

А вообще-то не знаю. Возможно, я не так талантлив, как пытаешься себя уверить.

Приятная штука — абсент. Не первый глоток, наверное. Позже, потом.

Приятная штука.

Шесть часов. Бульвары сейчас выглядят немного веселее. А женщины!

Тоже получше, чем час назад. И одеты красивей. Мужчины немного умнее, что ли...

Да, небо серое. Приятный перламутровый оттенок. Вполне, вполне... А какие полутона! Закат окрасил облака бледным медно-розовым светом. Очень красиво.

«Официант! Абсент и анис!»

Это не плохо, абсент с сахаром, но не могу же я торчать здесь целый день, пока он растает!

Полсдьмого. Женщины, женщины... Большой частью — хорошенькие. И такие странные.

Нет, скорее таинственные.

Откуда они? Куда идут? Ах, кто их знает?

Ни одна на меня не посмотрит, а я их всех так люблю!

Я смотрю на каждую, что проходит, ее черты горят в моем мозгу, я не забуду ее до смертного часа. Но вот она исчезает, и я совершенно не помню, какая она.

К счастью, за ней всегда идут еще получше.

Я бы их так любил, если бы они позволили! Нет, проходят мимо. Увижу я кого-нибудь снова?

Уличные торговцы продают все, что есть на свете. Газеты... целлюлоидные портсигары... милых игрушечных обезьянок — любого цвета, какой хотите...

Кто же все эти мужчины? Ясно. Обломки жизни. Непризнанные таланты. Ренегаты. Какие у них глубокие глаза...

О них надо написать. Великую книгу. Незабываемую книгу. Книгу, которую должен купить каждый — да, каждый!

О, эти женщины!

Почему никому из них не приходит в голову сесть рядом со мной... поцеловать меня нежно... приласкать... взять на руки, покачать, совсем как делала мама, когда я был маленьким?

«Официант! Абсент, без воды. И побольше!»

Глава шестая

С ДРЕВНОСТИ ДО ЗЕЛЕНОГО ЧАСА

Как и многие другие истории с плохим концом, история абсента начиналась хорошо. В древнем мире полынь (*artemisia absinthium*) была широко известна как одно из ценнейших медицинских растений. Папирус Эберса, египетский папирус XVI века до н.э., рекомендует полынь как стимулирующее, тонизирующее, антисептическое и глистогонное средство, а

также как лекарство от жара и менструальных болей. Пифагор полагал, что листья полыни, вымоченные в вине, облегчают роды, а Гиппократ рекомендовал ее от болей при менструации, а также от анемии и ревматизма. Гален советовал применять полынь от обмороков и общей слабости, а древнеримский естествоиспытатель Плиний верил, что она полезна для желудка, желчного пузыря и вообще пищеварения. Диоскорид же писал в своей книге «*De Materia Medico*», что полынь — хорошее средство от пьянства* [*Это может показаться иронией, но и здесь больше здравого смысла, чем кажется, как мы увидим из 11-й главы.*].

Апулей пишет, что это растение даровала кентавру Хирону богиня Артемида. Отсюда слово «*artemisia*» в его имени, а самое распространенное современное название полыни произошло от греческого слова «*apsinthion*» — негодное для питья, из-за горечи.

Парацельс, средневековый алхимик и врач, возродил египетский обычай применять полынь против горячки, особенно малярии, а в книге XVII века «Английский врач» Николаса Кульпепера содержится целый кладезь недостоверных сведений о полыни:

Полынь — трава Марса... горячая и сухая в третьей степени. Она радуется Марсовым местам, около кузниц и железных мастерских можно набрать целую повозку полыни. Она вылечивает проделки Венеры и распутного мальчишки. Она исцеляет своим сочувствием от холеры. Так как полынь — трава Марса, она сразу же исцеляет от укусов крыс и мышей. Грибы — под властью Сатурна, и если кто-нибудь ими отравится, Полынь, трава Марса, вылечит его, так как Марс усиливается в Козероге. Если кто укушен или ужален существом Марса, например осой, шершнем или скорпионом, Полынь... мгновенно исцелит вас.

Дальше — больше, Кульпепер сообщает, что полынь предотвращает пьянство и сифилис, освобождает девственниц от «коросты», излечивает стариков от уныния, хотя алчных людей делает вспыльчивыми.

Полынь всегда считалась хорошим средством против глистов для людей и животных. Она так же отгоняет моль, как и ее родственница камфара, и убивает насекомых. «Книга Св. Албания о соколиной охоте» XV века рекомендует применять сок полыни, чтобы вывести клещей с сокола: «Возьмите сок полыни, капните его туда, где эти клещи, и они умрут». В книге «Бережливость» Тассера (1580) есть такие познавательные стихи:

*Пол подмети, полынью покропив,
И блохи сгинут, ужас ощутив.*

Мало того:

*Полынь, отрада сердцу и уму,
Полезна господину своему.*

Полынь — не единственный инсектицид, который использовали для приготовления напитков. В 50-х годах XX века в США появился коктейль «Микки Слим» — джин с небольшой долей ДДТ. Считалось, что ДДТ придает коктейлю дополнительный «кайф», будоражит пьющего и бережит нервы, а это некоторым нравится. Такую логику и ее отношение к абсенту мы рассмотрим в этой главе.

Если речь идет о влиянии на психику, приятней, что полынь связывали с вещими снами. Когда-то верили, что в день Св. Луки можно увидеть «свою мечту», если выпить варево из уксуса, меда, полыни и других трав. Леди Уилкинсон пишет в своей книге 1858 года «Травы и дикие цветы»:

Это старое поверье связано с тем, что мертвые корни полыни, черные и твердые, долго не гниют под живым растением. Если положить «полынный уголь» под подушку влюбленного, считается, что он увидит во сне ту, кого любит.

Существует предание о том, что полынь «выросла в извивающемся следе змея, когда он покидал рай», а «Откровение» Иоанна Богослова повествует о том, что после того, как откроется седьмая печать, с неба упадет горькая звезда. «Имя сей звезде "полынь"; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки». В русском языке один из видов полыни называется «чернобыльник» или «чернобыль», что придает явные апокалиптические коннотации Чернобыльской ядерной катастрофе, а во французском переводе Библии звезда «полынь» называется просто «absinthe».

Самое горькое из известных нам растений, возможно, рута душистая, но полынь на втором месте, а разница очень мала благодаря химическому соединению под названием абсинтин ($C_{30}H_{40}O_6$), горечь которого определяется в соотношении 1:70 000. Плиний сообщает, что после древнеримских гонок на колесницах победителю давали напиток из полыни, чтобы напомнить о том, что даже в победе есть горечь. Благодаря своей горечи полынь метафорически связана в англоязычном мире с «горестями души», как пишет Оксфордский словарь английского языка.

Приведено в этом словаре и несколько цитат из литературных произведений, например — из книги 1612 года «Диалоги странника» Бенвенуто: «Пусть полынь и яд будут мне пищей». В трагедии Джона Уэбстера «Белый дьявол» времен короля Иакова I есть такой диалог между Викторией и «макиавеллем» Фламино, который участвовал в убийстве ее мужа, убил своего собственного брата и свел свою мать с ума:

Виктория: Ты пьян?

Фламино: Да, да, водой полынной. Ты сейчас Ее попробуешь...

Такие диалоги характерны для трагедий того времени. Они обычно заканчиваются жутким смехом, а подмостки покрыты мертвыми телами. Как говорит один из персонажей другой пьесы Джона Форда: «В этом смехе есть полынь».

До появления собственно абсента существовало несколько напитков из полыни. В эпоху Возрождения, а также в Древней Греции и Риме пили «абсинтит», или полынное вино, которое изготавливали, вымачивая листья полыни в вине, не давая ему бродить. Оно описывается в книге Морвинга 1559 года «Сокровище Бересклета» и в «Тезаурусе» Купера (1565). Желудочные боли лечили полынной водой, существовало и полынное пиво, называвшееся «purl».

Сэмюэль Пепис (Пипс) в своих «Дневниках» вспоминает, что пил его в лондонском публичном доме XVII века, а в XIX Роберт Саути пишет, что такое пиво подавали в оксфордском кабаке «Всех святых»: «Серебряные бокалы... называются там "бычьи глаза", и "бычий глаз" полыни — любимый местный напиток. Вы больше нигде не найдете пива с такой примесью».

Считается, что абсент, каким мы его знаем сегодня, возник лишь в конце XVIII века. Некоторые исследователи называют датой его возникновения 1792 год, история гласит, что его изобрел доктор Пьер Ординэр. Будучи монархистом, Ординэр бежал от Французской революции и поселился в швейцарской деревушке Куве. Здесь он, по преданию, нашел дикую полынь, создал свой особый рецепт, и его напиток быстро завоевал большую популярность в округе. Когда Ординэр умер, в 1821 году, этот необычайно крепкий алкогольный напиток уже называли «Зеленой Феей», и в тех местах он считался тонизирующим. Сейчас известно, что сестры Энрио уже делали абсент до приезда Ординэра, хотя некоторые утверждают, что это Ординэр открыл им свой рецепт.

Когда некий майор Дюбье попробовал этот напиток, он обнаружил, что тот лечит несварение желудка, улучшает аппетит и помогает при жаре и ознобе. Он так впечатлился, что купил у сестер Энрио рецепт и стал сам делать абсент. В 1797 году его дочь вышла

замуж за Анри-Луи Перно, и так началась династия этой марки. Вскоре Дюбье перенес производство из Швейцарии во Францию, чтобы сэкономить на экспортной пошлине. Он построил фабрику в Понтарлье, в провинции Жюра, граничащей со Швейцарией. По мере того как абсент становился все популярнее, ежедневное производство «Перно» увеличилось с 16 литров до 408, а потом и до 20 000. Появились конкуренты, и к тому времени, когда абсент запретили, в маленьком городке Понтарлье работало не менее двадцати пяти заводов.

Марки абсента сильно отличались по качеству. Самый лучший абсент дистиллировали, используя виноградный спирт, а более дешевые сорта изготавливались из промышленного спирта, в котором вымачивали листья полыни или просто добавляли экстракты. Самым распространенным рецептом был такой: сушеную полынь (*artemisia absinthium* или *grande absinthe*), анис и фенхель вымачивали целую ночь в спирте. Затем эту смесь кипятили для получения дистиллированного спирта в сочетании с парными дистиллированными терпеноидами из трав. Для улучшения вкуса иногда добавляли другие травы, например «*petite absinthe*» (*artemisia pontica*), иссоп аптечный и лимонную ароматическую добавку, после чего абсент фильтровался. Его могли дистиллировать дважды для большей мягкости и лучшего соединения элементов. Процессы производства и рецепты разных марок различались, но главным было то, что при производстве абсента не создается крепкий алкоголь, как в случае виски или бренди; спирт, полынь и другие травы просто соединяются вместе, хотя степень очистки — разная. Традиционный зеленый цвет обусловлен, или поначалу был обусловлен, хлорофиллом, который выцветает под воздействием света. Поэтому пришлось разливать абсент в бутылки из темно-зеленого стекла.

Фабрика Перно была образцом эффективности, гигиены и хороших промышленных традиций, и к 1896 году она производила невероятное количество абсента — 125 000 литров в день. Все шло гладко, пока в воскресенье 11 августа 1901 года в фабрику не ударила молния. На территории было так много алкоголя, что на тушение пожара ушло несколько дней; бутылки плавилась и взрывались. Все могло быть еще хуже, если бы один из рабочих не выпустил огромные резервуары горячего абсента в протекавшую по соседству реку Дуб, что придало ей запах абсента на целые мили. Барнаби Конрад рассказывает, что это происшествие принесло неожиданные плоды для геологии. Геолог Фурнье верил, что река Лу, протекавшая в тринадцати милях от Понтарлье, связана с рекой Дуб подземными каналами, и попытался это доказать, вливая флуоресцентные вещества в Дуб и следя за их движением, но тщетно. Однако, подойдя к реке Лу через три дня после взрыва на фабрике, Фурнье увидел, что вода приобрела знакомый молочный желто-зеленый цвет, и почувствовал запах алкогольных паров, напоминающий дыхание пьяницы.

Популярность абсента резко возросла во время французских колониальных войн в Северной Африке, которые начались в 1830 году и достигли пика в 1844 — 1847 годах. Французским военным выдавали определенное количество абсента для профилактики малярии, дизентерии и других болезней, а также для дезинфекции питьевой воды. Он оказался настолько эффективным, что прочно вошел во французскую армейскую жизнь от Мадагаскара до Индокитая. В то же время в войсках Северной Африки стали все чаще встречаться случаи параноидной шизофрении, называвшейся «*le cafard*». Среди французских колонистов и эмигрантов в Алжире тоже распространилась мода на абсент, и если арабы хотели приобрести его на черном рынке, им было достаточно украдкой подойти к французскому солдату и намекнуть на то, что верблюды страдают глистами.

Колониальные ассоциации очень устойчивы. Много лет спустя мсье Рикар, владевший крупным производством анисовой водки, ради рекламы проехал по Елисейским полям на верблюде. Когда французские военные из Африканского батальона вернулись во Францию, они привезли с собой и свое пристрастие к абсенту. Африканский батальон прославился во время чрезвычайно успешных войн, и стало благородным, даже эффектным пить абсент на парижских бульварах. Вскоре эта привычка перешла от военных к буржуазии. Так началась

золотая эра абсента, короткая пора, когда он еще не стал проблемой. Позднее, когда все, связанное с абсентом, резко изменилось, во Франции вспоминали это время с тоской.

Питье абсента было одной из определяющих черт парижской жизни во время Второй империи, правления Наполеона III, которое длилось с 1852 до франко-прусской войны 1870 года. После подавления революций 1848 года, буржуазия получила полную власть, на изменчивом фондовом рынке сколачивались и терялись огромные состояния. Это была золотая эра оперы, проституции в высших классах общества и беззащитного потребительства.

Респектабельный буржуазный обычай пить абсент стал практически повсеместным. Тогда считалось, что абсент улучшает аппетит перед ужином. Время между пятью и семью часами вечера называлось *«l'heure verte»*, «зеленым часом», и в эту пору запах абсента носился в предвечернем воздухе бульваров. Учитывая его крепость («Перно», пожалуй, самая уважаемая марка, содержала 60 процентов алкоголя или 120 градусов, то есть была почти в два раза крепче виски), питье абсента было и приятным ритуальным способом завершить день и перейти в вечернее настроение. Поначалу считали, что можно выпивать только одну порцию.

Строгий промежуток времени, отведенный для питья абсента, до некоторой степени защищал людей от злоупотребления. Можно было пить абсент перед ужином или даже выпить стакан перед обедом, но если бы кто-то пил всю ночь, это *«faux pas»** [*Промах, неприличный поступок (франц.)*] вызвало бы презрительное удивление официантов. И все-таки риск был с самого начала и увеличивался по мере того, как люди стали приобретать вкус к напитку. Писатель и критик Альфонс Доде обвинял абсент в распространении алкоголизма и писал другу Эрнеста Доусона Роберту Шерарду: «До этих войн [Алжирских] мы были очень трезвым народом». Сам Шерард отмечает, что более или менее респектабельному любителю абсента было стыдно слишком много пить на людях, и он вскоре научился переходить из одного кафе в другое:

Он выпивает первый абсент в одном кафе, второй — где-нибудь еще, а десятый или двенадцатый в десятом или двенадцатом кафе. Я знаю одного очень знаменитого музыканта, который обычно начинал пить в «*Cafe Neapolitain*», а заканчивал на Северном вокзале...

Шерард сообщает, что некоторые марки абсента содержали 90 процентов чистого спирта, в три раза больше, чем бренди.

Кроме того, это коварный напиток, и привычка к нему быстро овладевает своей жертвой, которая рано или поздно отказывается от попыток обуздать свою страсть... У людей, которые никогда в своей жизни не пробовали абсента, привычные результаты злоупотребления — хриплый гортанный голос, блуждающий, тусклый взгляд, холодные и влажные руки... Горькие настойки, и даже, как полагают некоторые, безобидный вермут, если их некоторое время употреблять в чрезмерных количествах, приведут к эпилепсии, параличу и смерти. Абсент выполняет свою работу быстрее.

Алкоголики всегда высоко ценили абсент, но вскоре он начал привлекать более широкий круг новообращенных, и его меняющийся образ стал оказывать особое воздействие на три новые группы: представителей богемы, женщин и, наконец, рабочий класс.

Английский писатель Х. П. Хью ярко живописует Зеленый час на Монмартре. Он, собственно, длится больше одного часа и, переходя в сумрачный мир богемы, может затянуться на всю ночь.

Когда наступает вечер, можно с изумлением увидеть, как полосы света постепенно выползают наружу по мере того, как улицы загораются одна за другой, и весь город выстраивается у ваших ног в огненные линии. Вращаются красные мельничные крылья Мулен-Руж, прожектор Эйфелевой башни касается Сакре-Кер и белит тысячелетнюю церковь Святого Петра. Когда тихие

жители холма идут спать, просыпается другой Монмартр. Этот полуночный Монмартр — странный этюд в серых тонах, происходящее и происшедшее, происшедшее и происходящее. Художники, полные надежд, поэты, способные остро ощущать только какую-нибудь девицу, а бок о бок с ними — тревожные лица неопятных женщин и мужчин с усталыми, бегающими глазами.

Воздух пропитан тяжелым, тошнотворным запахом. «Час абсента» на бульварах начинается примерно в полшестого и так же смутно заканчивается к половине восьмого, но на холме он не кончается никогда. Дело не в том, что это — прибежище пьяниц в каком-либо смысле, просто мертвенно-опаловый напиток длится дольше, чем любой другой, а цель Монмартра — как можно дольше задержаться на террасе кафе, наблюдая, как мир проходит мимо. Проведя час в действительно типичном, облюбованном представителями богемы месте, получаешь гуманитарное образование. Здесь нет беспечного веселья Латинского квартала, зато вы найдете мрачную насмешку над смертью и гибелью.

Между богемой и абсентом, самым мощным и, казалось бы, самым интеллектуальным напитком, почти сразу же родилось сильное влечение. У богемы всегда была мрачная и напряженная сторона, она была не кругом, а, скорее, стадией карьеры — порой безвестности начинающих писателей и художников, которые могли в один прекрасный день оказаться среди членов Французской Академии, а могли закончить дни в сумасшедшем доме, благотворительном приюте или морге. Для многих представителей богемы эта стадия продолжалась всю жизнь или вплоть до какого-нибудь происшествия. После того как Анри Мюрже, автор «Сцен из жизни богемы», умер в 1861 году в возрасте 39 лет, один из братьев Гонкур написал в их журнале:

Эта смерть поразила меня как смерть богемы, смерть от разложения. В ней соединились вся жизнь Мюрже и весь мир, который он изображал: оргии ночной работы, время бедности, за которым следовало время пиршеств, запущенный сифилис, взлеты и падения бездомности, ужины вместо обедов, стаканы абсента, приносящие утешение после ломбарда, словом — все, что выматывает человека, сжигает и в конце концов убивает...

Абсент, несомненно, был профессиональным напитком интеллектуалов и начинающих художников и поэтов. Флобер говорил о литературной жизни того времени:

Быть драматургом — не искусство, а профессиональный трюк, и я сумел ухватить его у одного из тех, кто им владеет. Вот он. Прежде всего выпейте несколько стаканов абсента в «Café du Cirque». Затем говорите о любой пьесе: «Неплохо, но нужно сократить», или «Игры, игры не хватает».

Самое главное, говорит Флобер, ни в коем случае не сочинять самому: «Как только вы напишете пьесу... вам конец».

Дает Флобер и приятную светскую формулу парижских клише об абсенте в своем «Лексиконе прописных истин»:

АБСЕНТ: Чрезвычайно сильный яд. Один стакан и вы мертвы. Журналисты пьют его, когда пишут свои статьи. Он убил больше солдат, чем бедуины. От него погибнет французская армия.

Несомненно, некоторые журналисты действительно пили его, когда писали статьи.

Абсент называли «Зеленой (или Зеленоглазой) музой». Считалось, что он гений для бездарностей, но гибель для истинного гения. Множество французских карикатур той поры обыгрывают клише «абсент как источник вдохновения» (как часто случается с карикатурами XIX века, смешных — очень мало). «Поразительно! — гласит подпись под одной из них. — Я выпил уже четыре абсента, но еще не написал ни катрена... Гарсон! Абсент!» Другая карикатура изображает славного монмартрского поэта «Вер-де-Гри»* [*Зелено-серого (франц.)*], который приходит в кафе с маленькой картонной рамкой в поиске прекрасных наитий. Он ставит рамку перед стаканом абсента и наливает в абсент воду, веря, что перед ним бурлит Ниагарский водопад. Другой сатирический рисунок рассказывает грустную

историю «Декадента», который ходит в кафе лишь для того, чтобы изучать нравы для книги, которую пишет уже десять лет. К сожалению, ему не удается выпить пятнадцать стаканов абсента и остаться трезвым, а потому на следующий день он абсолютно ничего не помнит, и приходится ходить в кафе каждый вечер. Самый грустный карикатурный образ — растрепанный художник, у которого на седьмом стакане абсента кончились деньги, а он знает, что вдохновение приходит после восьмого.

Глава седьмая

ПЕРЕД ЗАПРЕТОМ

Среди других, обычно мрачных, описаний божественной жизни в журналах братьев Гонкур есть особенно неприятные рассказы о злоупотреблении абсентом. Леон Доде рассказал Гонкурам о своей любовнице Мари Риэ, по прозвищу «Chien Vert» («Зеленая собака»), которая стала прототипом Сафо в одноименном романе Доде. Доде, пишет Гонкур,

... говорил о Зеленой собаке и о своем романе с этой сумасшедшей, безумной, слабоумной женщиной... безумном романе, пропитанном абсентом, которому несколько сцен с ножом, чьи следы он показал на своей руке, придавали время от времени драматические штрихи.

В журналах Гонкуров часто упоминались разные напитки — вино, пиво, шампанское, но упоминания абсента были сугубо мрачными, как в описании отеля «Абсент», когда-то respectable гостиницы, прежде называвшейся «Chateau Rouge»:

... которая стала грязной ночлежкой, где даже комнату любовницы Генриха IV превратили в «Морг» — туда приносят пьяниц и складывают друг на друга в несколько слоев, чтобы позже выбросить в канаву. Владелец, великан в кроваво-красной фуфайке, всегда держит под рукой пару дубинок и арсенал револьверов. В этой гостинице можно встретить странных, обнищавших мужчин и женщин, скажем — старую светскую даму, которая «употребляет» в день двадцать один стакан абсента — ужасного абсента, окрашенного сульфатом цинка...

История этой дамы становится еще страшнее: мы узнаем, что ее сын, почтенный адвокат, не сумел излечить ее от пристрастия к абсенту и покончил с собой от отчаяния и позора* [*Ж.К. Гюисманс тоже описывает «Chateau Rouge» в своем романе 1898 года «Бьевр и Сен-Северэн»*]. Не менее жуток и зловещий, леденящий кровь отрывок из журнала братьев Гонкур 1859 года:

Моя любовница лежала рядом со мной, мертвецки пьяная от абсента. Я накачал ее, и она спала. Спала и говорила во сне. Я слушал, затаив дыхание... Ее странный голос будил во мне необычное чувство, близкое к страху, этот голос, произвольно пробивавшийся в неуправляемой речи, этот медленный голос сна — с интонациями, акцентом, желчностью голосов бульварной драмы. Вначале, понемногу, от слова к слову и от воспоминания к воспоминанию, она вглядывалась, будто глазами памяти, в свою ушедшую юность, видя, как под ее неподвижным взглядом из темноты, в которой дремало ее прошлое, появляются предметы и лица: «О да, он меня любил!... Да... говорили, что у его матери такой самый взгляд... У него были светлые волосы... Но из этого ничего бы не вышло... Мы были бы теперь богаты, правда?... Если бы только мой отец не сделал этого... Что ж, ничего не попишешь... хотя мне не хочется так говорить... »

Я испытывал смутный ужас, склоняясь над этим телом, в котором угасло все, кроме животной жизни, и слушая, как возвращается ее прошлое, словно призрак, вновь приходящий в заброшенный дом. А потом ее тайны, которые вот-вот появятся, неожиданно прервались, и эта загадка неосознанной мысли, этот голос в темной спальне пугали меня, как тело, одержимое наваждением...

Париж конца XIX века был наводнен разными дурманящими веществами. Клубника в эфире была модным десертом, а среди светских дам был в моде морфин, лучшие ювелиры продавали серебряные и позолоченные шприцы. Александр Дюма сокрушался, что морфин быстро становится «женским абсентом». Это яркое, но не совсем точное сравнение; настоящим женским абсентом был абсент.

Анри Балеста пишет о женщинах, пьющих абсент, уже в 1860 году. По его словам, они подхватили эту привычку, как болезнь: «Абсентомания, в сущности, заразна, от мужчин она передается женщинам. Из-за нас теперь появились и *absintheuses** [*Любительницы абсента (франц.)*] ». Кроме того, женщины пьют абсент с вызовом. Посмотрите на бульвары, говорит Балеста, и вы увидите, что любительницы абсента так же надменны, как и любители.

Обычай менялись, и женщины теперь могли пить в кафе, абсент же был современным напитком, в своем роде таким же современным для женщин, как сигареты или велосипед. Дорис Ланье описывает плакат того времени, на котором изображена молодая дама полусвета со стаканом абсента, сообщающая, что абсент — один из ее мелких пороков.

Появляется все больше плакатов, на которых эмансипированные женщины пьют абсент и даже курят при этом сигарету. Картины же того периода рассказывают совсем другую историю — об изможденных женщинах, тупо смотрящих в пустоту поверх стакана. Доктор Ж. А. Лаборд писал в 1903 году:

Женщины имеют особый вкус к абсенту. Даже если они редко пьют вино и вообще крепкие напитки, приходится признать, что, по крайней мере в Париже, их часто привлекают аперитивы. Не рискуя преувеличить, замечу, что эта привычка распространена среди женщин не меньше, чем среди мужчин. Можно сказать, что явный хронический абсентизм развивается уже после восьми, десяти или двенадцати месяцев употребления абсента у молодых женщин и даже у девушек восемнадцати-двадцати лет.

Парижский корреспондент газеты «Нью-Йорк Тайме» сообщал, что французские женщины все чаще болеют циррозом печени, и объяснял их любовь к абсенту «тем, что женщины склонны подражать мужчинам, — возьмем, к примеру <... > стрижку "под мальчика", мужской крой одежды и то, как охотно они начинают курить».

Тот же корреспондент, Стерлинг Хейлиг, замечает, что женщины часто пьют абсент неразбавленным, и объясняет это тем, что они не хотят пить слишком много, потому что носят корсет. Может быть, это правда. Мгновенное, «прямое» воздействие абсента на мозг сравнимо с действием сигарет, привлекательным для многих женщин, а чистый вкус неразбавленного абсента, столь непохожий на привычный вкус перебродивших напитков, мог нравиться тем, кто не любил пива, вина или, скажем, коньяка. Даже белое вино может показаться после абсента каким-то нечистым на вкус. Абсент выделяется особым привкусом, как сигареты с ментолом.

В своих воспоминаниях о жизни Монмартра Франсис Карко пишет, что «абсент всегда подчеркивал определенные черты капризного нрава, достоинства, упрямства, буффонады, особенно в женщинах». Многие думали, что на карту поставлено далеко не только это, а здравая тревога, вызванная пьянством, усугубляла страх «вырождения», который можно найти у таких разных авторов, как Макс Нордау, Мария Корелли и Золя. Стерлинг Хейлиг говорит об этом очень выразительно:

В женском алкоголизме врачей больше всего пугает склонность к абсентизму, особенно потому, что, по их словам, она приводит к возникновению особого человеческого типа, отличающегося и умственно, и физически. Тип этот, по мнению врачей, может вполне успешно существовать какое-то время со всеми своими физическими дефектами и порочными наклонностями, иногда он выдерживает несколько поколений, но, не защищенный от болезней и несчастных случайностей, а чаще всего — и бесплодный, вскоре гаснет. Семья вымирает.

Не так страшно описывает женскую приверженность абсенту Эмиль Золя. В романе «Нана» (1880) он рассказывает о женщине времен Второй империи, которая становится дамой полусвета. В одной из сцен, вдалеке от блестящего мирка, где она «работает», Нана беседует у себя дома с подругой-лесбиянкой по прозвищу Атласка.

Она болтала часами, изливая признания. Атласка лежала на кровати в одной сорочке, задрала ноги, слушала и курила. Иногда у обеих что-то не ладилось, они угощались абсентом, «чтобы забыться». Атласка, не спускаясь вниз и даже не надевая юбку, перегибалась через перила и кричала десятилетней дочке привратницы: «Принеси стакан абсента!», что та и делала, искоса поглядывая на ее голые ноги. Все разговоры клонились к тому, какие мужчины свиньи.

Это уединенное, неприглядное, жалкое пьянство выразительно противопоставлено той публичной жизни, где Нана пьет с мужчинами шампанское.

Двусмысленная, но спокойная картина, которую рисует Золя, отличается от истерической борьбы с абсентом, значительно усилившейся к концу века. Ее можно сравнить с двумя полотнами Мане и Дега. В них есть какая-то таинственность, а в остальном они похожи разве что намеренно прозаической, неприглядной атмосферой.

Известная картина Эдуарда Мане «Любитель абсента» (1859) была его первым крупным полотном, с которого немного неловко началась его карьера. Натурщиком был алкоголик, старьевщик Коллардэ, часто бывавший в районе Лувра. Мане находил в нем странное достоинство и даже какой-то аристократизм. Алкоголизмом художник интересовался еще тогда, когда учился живописи у Тома Кутюра. Завершив работу, он пригласил учителя, но тот реагировал на картину неожиданно. «Любитель абсента! — сказал Кутюр. — Зачем рисовать такие мерзости? Мой бедный друг, это вы — любитель абсента. Это вы утратили нравственность».

Картина, действительно, кажется странной, особенно цилиндр и неестественно вывернутая ступня, и не только Кутюр осудил ее; она производила неприятное впечатление почти на всех, кто ее видел. Когда Мане представил ее на Салон 1859 года, ее почти сразу отклонили, что привело к перевороту в восприятии, благодаря которому через четыре года образовался «Салон отвергнутых» (Salon des Refuses). В картине чувствуется влияние друга Мане, Бодлера, писавшего о том, что нужно искать новые виды красоты и героизма в «современной» грязи больших городов; это отразилось, например, в стихотворении «Вино тряпичников». В самом цилиндре у Мане есть что-то бодлеровское, он ведь уже написал портрет Бодлера в том самом цилиндре. Поначалу на картине не было абсента, Мане пририсовал его позднее, чтобы добавить выразительности. «Любитель абсента», — одна из четырех связанных между собой картин, которым Мане дал общее название «Философы». Позднее он поместил того же любителя абсента на заднем плане другой своей картины, «Старый музыкант». Что же до натурщика, Коллардэ очень обрадовался, что его изобразили, и постоянно мешал Мане в его мастерской.

Рисунок Уильяма Орпена «Любитель абсента» (1910) — младший брат картины Мане, с тем же цилиндром и, в особенности, со странным поворотом ступни, который кажется ссылкой на более раннюю работу. Он мрачнее, чем картина Мане, штриховка напоминает паутину, но все же ощущается какое-то упадочное наслаждение. Орпен очень любил Мане и за год до этого написал картину в его честь (она так и называется «Homage to Manet»* [Приблизительно — «В честь Мане», «Дар Мане»]).

На другой значительной картине Орпена, «Cafe Royale» (1912), изображено или, точнее, намечено не меньше пяти стаканов абсента. Если «Любитель абсента» был даром уважения к Мане, то «Cafe Royale» — дар Эдгару Дега, тоже оказавшему на Орпена большое влияние. Композиция — в стиле фотографий, люди входят и выходят по краям, что напоминает работы Дега. Мужчина на заднем плане — это Оливер Сент-Джон Гогарти, который упоминается в «Улиссе» Джеймса Джойса. Он пьет абсент вместе с мрачной Ниной Хэмнет, известной натурщицей. Нина Хэмнет дожила до 50-х годов XX века и, слоняясь по

Сохо, все еще говорила: «Модильяни считал, что у меня лучшая грудь в Европе». Что до колонн-кариатид и зеркал на картине Орпена, они точно такие, какими их мог видеть Енох Сомс.

Известную картину Дега «Абсент», сначала называвшуюся «В кафе» (1876), с жалкой и унылой парой, приняли еще хуже, чем полотно Мане. Кто-то предположил, что мужчина, изображенный на ней, — Верлен. Это не так, но сходство, действительно, есть, и картина повлияла на композицию более поздних фотографий Верлена (фотограф Жюль Дорнак), где он сидит в кафе за белым мраморным столиком спиной к зеркалу. На самом деле изображен друг Дега Марселен Дебутен, который сам был художником и тоже учился у Кутюра. Дебутен даже не пьет абсент: в стоящем перед ним коричневом напитке можно узнать черный кофе в стеклянном стакане, так называемый «Мазагран». Абсент пьет женщина, актриса и натурщица Элен Андре, и именно ее пустое, непроницаемое, какое-то выжженное лицо придает картине особую силу. Две фигуры разъединены, уныло изолированы друг от друга в духе Эдварда Хоппера. Можно простить зрителя, который, глядя на эту картину, подумает: «Если *это* богема, ну ее совсем!» Герои картины сидят в кафе «La Nouvelle Athenes», которое стояло на площади Пигаль, в доме номер 9. Джордж Мур ярко описывает это кафе как свой университет. «Я не учился ни в Оксфорде, ни в Кембридже, — говорит он, — но посещал "Nouvelle Athenes"»:

С какой странной, почти неестественной ясностью я вижу и слышу! Я вижу белое лицо кафе, белый нос черного квартала, тянущийся к площади между двух улиц. Я вижу две улицы, идущие под уклон, и знаю, какие на них магазины; я слышу, как стеклянная дверь, когда я открываю ее, скрипит по песку. Я помню запах каждого часа. Утром — запах яиц, шипящих в сливочном масле, едкий запах сигарет, кофе и плохого коньяка, в пять часов — аромат абсента...

Стояла там, как обычно, мраморные столики, за которыми мы до двух часов ночи говорили о красоте.

Кафе «Nouvelle Athenes» обязано своей популярностью у богемы самому Дебутену, который привел туда своих близких друзей из «Cafe Guerbois». Барнаби Конрад пишет, что, несмотря на свой жалкий вид, Дебутен, некогда очень богатый человек, был пламенным монархистом и обладал самыми изысканными манерами. Его биограф Клеман-Жанен был очень недоволен дурной славой, которой Дебутен обязан картине, и отрицал, что тот был любителем абсента. По его мнению, картина должна была называться «La Buveuse d'Absinthe et Marcellin Desboutin»* [*«Любительница абсента и Марселей Дебутен»*].

Картина Дега породила множество споров, когда попала в Англию. Ее английскую судьбу проследил Рональд Пикванс. Приобрел полотно коллекционер Генри Хилл, который выставил его на Брайтонской выставке 1876 года. Трезвый и нейтральный текст в каталоге был озаглавлен «Набросок во французском кафе», а критик местной газеты назвал полотно «совершенством уродства». «Цвета столь же отвратительны, сколь и фигуры, — писал он, — грубый, чувственный французский рабочий и тошнотворная гризетка, необычайно отталкивающая пара». По словам Пикванса, отвращение вызвали именно герои, «а не абсент, который тогда еще не был скомпрометирован».

После выставки картина снова вернулась в коллекцию Хилла и не вызвала общественных волнений вплоть до ее продажи на аукционе Кристи в 1892 году. Там она появилась как лот 209, «Фигуры в кафе», и когда ее выставили на мольберте, публика ее освистала. Тем не менее картину продали, и в 1893-м новый владелец выставил ее в «У Граф-тон», новой галерее, которая соперничала с галереей «Гросвенор» («зеленовато-желтой» галереей). Теперь картину называли просто «Абсент», и критики ухватились за эту ниточку. Поначалу, следуя моде, они были очень благосклонны: «Мужчина с большой головой, — писали в «Пэлл Мэлл Баджет», — романтический, беззаботный мечтатель, написан крупными мазками, с непосредственностью, достойной величайшего мастера». А вот его спутница —

... женщина, апатичная и чувственная, с тяжелыми веками, совершенно безразличная ко всему внешнему, охотно приемлет теплую томность яда. Ее плоские, как бы шаркающие ступни говорят сами за себя. Каждый тон и черта так и дышат абсентом.

Один из крупнейших критиков того времени, Д. С. Макколл, называет «Абсент» «неисчерпаемой картиной, притягивающей к себе снова и снова». Именно в ответ Макколлу и полетели камни. Критик из «Вестминстер Газет», подписывавший свои статьи псевдонимом «Обыватель», написал, что человек, которому дороги достоинство и красота, никогда не назовет «Абсент» произведением искусства. Сэр Уильям Блэйк Ричмонд напал на «литературность»: «"Абсент" — литературное представление, а не картина. Это повесть, избличающая пьянство. Все ценное, что можно тут сделать, сделал Золя».

Уолтер Сикерт, напротив, считал, что «слишком раздули "пьянство" и "отупелость" и всякие "уроки"» и что картину надо было назвать просто «Мужчина и женщина в кафе». Возможно, он имел в виду урок Джорджа Мура, который, должно быть, узнал кафе и сказал что-нибудь вроде: «Ну и шлюха! Неприятный урок, но все же урок». Иметь в виду он мог все что угодно; в одной из многочисленных пародий урок выражен так: «В жизни не обращаюсь в это бюро знакомств!»

Макколл обобщил критику как борьбу мнения «французский яд» против мнения «трактат о трезвости». Позднее Макколл встретился с Дега в Париже и обнаружил, что тот уязвлен откликом на картину, которой он никогда не дал бы такое броское название, как «Абсент». Он возражал против нападок прессы, утверждавшей, по его словам, что он рисует «как свинья» («comme un cochon»).

Что же касается Элен Андре, она была совсем не такой жалкой, как на картине. Барнаби Конрад описывает ее беседу с Феликсом Финионом через сорок с лишним лет:

Передо мной стоял стакан абсента. В стакане Дебутена было что-то совершенно безобидное... а мы выглядим, как два идиота. Я была недурна в то время, сейчас я могу это сказать. Ваши импрессионисты считали, что у меня «вполне современный вид», у меня был шик, и я могла держать ту позу, какую от меня хотели... Дега меня просто уничтожил!

Во Франции абсент постепенно утрачивал свой публичный характер, особенно после того, как он стал любимым напитком рабочих. В романе Золя «Западня» (1877) некий Бош вспоминает одного своего знакомого — «плотника, который разделся донага на улице Сен-Мартен и умер, танцуя польку. Он пил абсент». Около 1860 года абсент стал уходить с Монпарнаса и переходить от буржуазии и богемы к рабочим. Именно тогда его стали считать угрозой обществу.

Рассуждая о «самых серьезных» проблемах «заражения» (то есть буржуазных привычках, распространившихся на рабочий класс), доктор Лейгрэн писал в 1903 году: «Я старый парижанин, живу в Париже сорок три года, и очень ясно видел, как аперитивы овладели буржуазией. Лишь намного позднее, за последние пятнадцать-двадцать лет, я стал замечать, что и рабочие стали употреблять их». Через пять лет после этого доктор Леду рассказывает похожую историю:

Наши отцы еще знали времена, когда абсент был изысканным напитком. На террасах кафе старые алжирские воины и бездельники-буржуа потребляли это сомнительное зелье, пахнущее так, словно им полощут рот. Плохой пример подали сверху, и мало-помалу абсент опростился.

Профессор Ашар знал точную причину: дело в том, что рабочие стали жить лучше, им больше платили, а рабочий день сократился до восьми часов. Тем самым у них появилось «больше времени и денег, которые они могли потратить на выпивку».

Намного вероятней, что сыграло роль изменение сравнительной стоимости абсента и вина. В свою лучшую пору абсент был довольно дорогим напитком, а позже его цена значительно упала, особенно когда появились более дешевые и плохие марки. Гибель

виноградников от филлоксеры в 70-е годы и (снова) в 80-е годы XIX века повысила стоимость вина. Это повлияло и на стоимость виноградного спирта, а производители абсента, которые прежде его использовали, обратились к промышленному спирту, что сделало абсент еще дешевле. стакан абсента, стоивший 15 сантимов, был в три раза дешевле хлеба, а бутылка вина в то время могла стоить и целый франк (100 сантимов). Самый дешевый абсент продавался в тех барах для рабочих, например вокруг Центрального рынка, где можно было выпить стакан у стойки всего за два су (10 сантимов). В барах самого низкого пошиба, например у Папаши Люнетта, не было ни столов, ни стульев, только цинковая стойка.

В иконографии абсента появился новый предмет — рабочая сумка с инструментами, праздно лежащая рядом со столиком. Картина Жюль Адлера «Мать» (1899) изображает жалкую женщину, с ребенком на руках, которая спешно проходит мимо двух мужчин, пьющих в кафе. По-видимому, она отвлекает ребенка, словно кто-то из отупевших от пьянства мужчин — его отец. Один из них явно доказывает что-то другому, подняв руку с неестественной и неуклюжей выразительностью пьяницы. Под столом лежит открытая сумка с инструментами. На окне написано: «Стакан абсента — 15 сантимов». На немного более поздней карикатуре в журнале «Le Rire»* [*Смех (франц.)*] изображена такая же сумка, похожая на сумку для крокета и на кожаный ранец, который еще можно увидеть у железнодорожных рабочих. На этот раз растрепанный субъект, сгорбившийся на стуле, ломает голову над одной из тайн жизни: «Абсент убивает, но помогает жить».

Убивает, но помогает жить. Эта отчетливо двойственная риторика развивается вокруг наркотиков, вызывающих зависимость, означая, что они дают человеку все, но приводят его к гибели. Пытаясь объяснить притягательность хирургии, один врач сказал братьям Гонкур: «Наступает момент, когда ничто больше не имеет значения, кроме операции, которую вы делаете, и науки, которую вы применяете на практике. Как это прекрасно! Мне иногда кажется, что я бы умер, если бы перестал оперировать. Это мой абсент». Что же касается обратной стороны зависимости, в романе «Нана» есть мрачное предупреждение, воплощенное в Королеве Помарэ, престарелой куртизанке. Атласка рассказывает подруге ее историю:

Да, когда-то она была роскошной женщиной, весь Париж восхищался ее красотой. А какая ловкая и наглая! Она водила мужчин за нос, вельможи рыдали у ее порога! Теперь она пьет запоем, и женщины из ее квартала шутки ради подносят ей абсент, а уличные мальчишки швыряют в нее камни. Словом, она действительно пала, королева шмякнулась в грязь. Нана слушала, холодея.

Одним из первых «делом абсента» всерьез занялся Анри Балеста. Его книга 1860 года «Absinthe et Absintheurs»* [*«Абсент и любители абсента» (франц.)*], по большей части — сенсационная, состоит из случаев, источниками которых вполне могли быть гравюры и трактаты о воздержании. Чтобы утешить шестилетнюю дочь, горюющую по умершей матери, отец дает ей хлебнуть абсента и невольно прививает ей «зависимость». После ее смерти он кончает с собой. Еще один любитель абсента разоряет семью и в конце концов встречает проститутку, которая оказывается его дочерью.

Балеста замечает, что «абсентомания» — порок, «свойственный не одним лишь богатым бездельникам» (это замечание через несколько лет станет излишним), «человек из народа, рабочий, не избежал его губительного воздействия». Заметил он и то, что злоупотребление абсентом среди рабочих губит их жен и детей, целые семьи, тогда как порок среднего класса и богемы обычно не затрагивал домочадцев.

Был ли абсент хуже других напитков? Позже мы обратимся к фармакологии абсента и подумаем о том, почему Ван Гог пил скипидар, но споры по этому поводу продолжаются и поныне. Абсент повсеместно считали ядом, связывая с гибелью вообще и сумасшествием — в частности. Во французском «Медицинском словаре» 1865 года под редакцией Литтре и

Робена пристрастие к абсенту определялось как вид алкоголизма, но подчеркивалось, что разрушительное его воздействие вызвано не только алкоголем.

Доктор Огюст Моте исследовал любителей абсента в парижском сумасшедшем доме и в 1859 году опубликовал результаты своих исследований под заголовком «*Considerations generales sur l'alcoolisme et plus particulierement des effets toxiques produits sur l'homme par la liqueur absinthe*»* [*«Общий анализ алкоголизма и, в частности, токсического воздействия ликера абсент» (франц.)*]. Он пришел к выводу, что абсент хуже других алкогольных напитков, так как вызывает галлюцинации и бредовые состояния. Луи Марс, работавший в больнице Бисетр, давал экстракт абсента животным, что приводило, как и предполагалось, к ужасным результатам, а решающий прорыв в определении «абсентизма» как болезни, отличающейся от алкоголизма, сделал бывший студент Марса, Валентен Маньян.

Сообщение о работе Маньяна, сначала довольно скептическое, было опубликовано в лондонском журнале «Ланцет» 6 марта 1869 года. Маньян дал экстракт полыни морской свинке, кошке и кролику, все они быстро перешли от возбуждения к конвульсиям эпилептического типа. «Нам не впервые приходится участвовать в дискуссиях на эту тему, — писал «Ланцет», — сомневаясь в адекватности свидетельств, якобы доказывающих, что приверженность к абсенту, в том виде, в каком она встречается в парижском обществе, чем-либо отличается от хронического алкоголизма». Журнал снова написал о Маньяне 7 сентября 1872 года, на этот раз — не так скептически. Маньяну удалось выделить из абсента «продукт окисления», который оказался «необыкновенно токсичным»: он вызвал у крупной собаки сильнейшие эпилептические припадки, закончившиеся смертью и сопровождавшиеся «повышением температуры с 39 градусов до 42». В 1903 году доктор Лалу продемонстрировал, что вещество, в первую очередь ответственное за токсичность эфирного масла полыни, — туйон.

Примерно с 1880 года абсент стали все чаще называть «омнибусом в Шарантон», то есть в психиатрическую клинику. Он стал устойчиво ассоциироваться с безумием, а фраза «*Absinthe rend fou*»* [*«Абсент сводит с ума» (франц.)*] стала популярной у проповедников трезвости. Приводили статистику, согласно которой у любителей абсента риск безумия как минимум в 246 раз выше, чем у людей, употреблявших другие виды алкоголя, и Анри Шмидт, лидер французской антиалкогольной кампании, называл абсент «безумием в бутылке».

К этому времени были собраны устрашающие данные, но любителей абсента они не отпугнули. Люди пили довольно много абсента и в 1874 году, во Франции его потребление равнялось 700 000 литрам в год, но к 1910 году оно выросло до тридцати шести миллионов литров. Абсент стал пороком пролетариата, ассоциировавшимся с эпилепсией, эпилептической наследственностью, туберкулезом, брошенными детьми и тратой денег, которые должны идти на пропитание семьи. В популярной песне тех лет рифмуются слова «*misere*» и «*proletaire*»* [*«Нищета; пролетарий» (франц.)*], что говорит само за себя. Здесь абсент предстает в самом неприглядном виде, как один из видов «опиума для народа». Жак Брель в своей песне «Жан Жорес» об убитом лидере социалистов обращается к прошлому и спрашивает, ради чего жили наши деды «между абсентом и мессой». Призрак вырождения тоже не уходил из дискуссий того времени:

Французские медицинские власти потрясены этим медленным, но верным отравлением людей. Народ вырождается, мужчины все мельче, кое-где трудно найти солдат стандартного роста, и придется понизить минимальный стандарт. Пристрастие к абсенту намного губительнее алкоголизма, особенно вредно его влияние на мозг. За последние тридцать лет душевнобольных стало втрое больше. В Париже, в специальной больнице, статистика показывает, что девять из десяти случаев безумия вызвало отравление абсентом.

Абсент, возможно, и «пошел в массы», но к концу века богема тоже продолжала его пить, ее не останавливала народная конкуренция. Особое место этот напиток занимает в

истории французской живописи; как известно, его любил человек, которого Лоуренс Эллоуэй неплохо назвал «богемным чудовищем конца XIX века, аристократическим карликом, который отрезал себе ухо и жил на одном из островов Южных морей».

Отпрыск аристократической семьи, вырождавшейся из-за близкородственных браков, Анри де Тулуз-Лотрек не был карликом (больше 150 сантиметров), но у него были короткие ноги и непропорционально большая голова. Начинать он со спортивных зарисовок, а свое настоящее призвание открыл в двадцать пять лет, когда стал рисовать и писать варьете, театры, кафе и нищую жизнь Парижа, в особенности Монмартр и Мулен-Руж. Изображая все это, он совершил переворот в рекламе и в то же время увековечил такие фигуры, как, скажем, «La Goulue»* [*«Обжора» (франц.)*] (настоящее имя Луиз Вэбер), звезду Мулен-Руж, плясавшую канкан.

Гюстав Моро говорил, что картины Тулуз-Лотрека «целиком написаны абсентом», а Джулия Фрей рассказывает о том, как Тулуз-Лотрек привыкал к нему:

Обычно в конце дня Анри, прихрамывая, выходил из мастерской и шел по изогнутой улице Лепик... Ему нравилось выходить в сумерки, чтобы «*etouffer un perroquet*» (буквально: «задушить попугая» — монмартрское выражение, означавшее «прокинуть стакан абсента», который на сленге назывался «*perroquet*»)... Есть ирония в том, что попугай из его детства, символ зла, которым испещрены альбомы для рисования, вновь появился в виде ликера, олицетворявшего его падение. Образ дьявольского попугая и, шире, злой зелени абсента, видимо, имел для него особое значение, даже в творчестве. Позже он говорил другу: «Знаешь ли ты, что бывает, когда тебя преследуют цвета? Для меня в зеленом цвете есть что-то схожее с дьявольским искушением».

Горькое пьянство Тулуз-Лотрека стало притчей во языцех, а его любимой алкогольной смесью было «землетрясение» (*Tremblement de Terre*) — смертельное сочетание абсента и бренди. «Нужно пить помалу, но часто», — говаривал он и, чтобы поддержать такой режим, носил с собой полую трость, в которой хранил запас абсента (пол-литра) и маленькую рюмку. Кроме того, он пускал рыбку в графин с водой, в духе Альфреда Жарри, когда приглашал гостей на ужин.

«Уверяю вас, мадам, я могу пить без риска, — однажды сказал Тулуз-Лотрек. — Я и так почти на полу». Тем не менее пьянство и жизнь впроголодь причинили ему много вреда; к тому же он болел сифилисом. Он бывал грубым и неучтивым, мог неожиданно сорваться, а по его подбородку все сильнее текла слюна. Кроме того, он стал очень быстро пьянеть от маленькой дозы, как обычно и бывает на последней стадии алкоголизма. Мало того, у него началась паранойя, которую вскоре описал Ив Гюйон в монографии «*Absinthe et le delire persecuteur*»* [*«Абсент и мания преследования» (франц.)*].

Тулуз-Лотрек начал видеть чудовищ, например — зверя без головы, и ему казалось, что за ним ходит слон из Мулен-Руж. Это не так забавно, как кажется. Он повсюду видел собак и клал ночью рядом «абсентовую трость», чтобы защищаться от полицейских. Эрнест Доусон был немного знаком с ним и 1 марта 1899 года закончил письмо к Леонарду Смайзерсу печальными парижскими новостями: «Тебе будет грустно узнать, что Тулуз-Лотрека вчера посадили в сумасшедший дом».

В частную лечебницу он попал в конце февраля 1899 года. О том, как это случилось, рассказывали по-разному; одни утверждали, что у него на улице случился приступ мании преследования, другие — что его изловили санитары по просьбе матери. Оказался он в Нейи, в дорогой частной клинике, располагавшейся в особняке XVIII века, и не мог уйти оттуда по своей воле. В газетах разгорелся спор: одни были за его заточение, другие — против. Тулуз-Лотреку довелось испробовать ранний вариант электрошока; тем не менее ему стало лучше, в немалой степени потому, что он не пил. После освобождения он снова начал пить, поначалу сдержанно, при помощи своей абсентовой трости, и в 1901 году, в 36 лет, мирно скончался от алкоголизма и сифилиса в родительском доме. У его постели сидел отец. Аристократ и спортсмен, граф стал охотиться за мухами, замахиваясь на них своими подтяжками. «Старый дурак», — сказал сын. То были его последние слова.

Если даже таких людей, как Тулуз-Лотрек, нужно защищать от самих себя, что же мы скажем о более низких социальных слоях? Пожалуй, даже странно, что абсент продержался так долго; очень уж активно с ним боролись. Последним толчком для запрещения стало начало Первой мировой войны, когда испугались, что пьющие пиво тевтоны истребят пьющих абсент упадочных французов. Различие между вкусами немцев и французов уже заметили, когда Франция потерпела полное поражение во франко-прусской войне. На французской пропагандистской открытке 1914 года из коллекции Мари-Клод Делаэ изображена хорошенькая женщина, которая сидит за столиком и восхищенно смотрит на свой стакан абсента. На голове у женщины прусский шлем, классический «pickelhaube» с острием сверху, орлом и крестом — спереди. Значение ясно — абсент и «боши» воюют на одной стороне. Запрещение абсента ознаменовало конец эпохи еще и потому, что оно совпало с войной. Как 60-е годы XX века, по мнению многих, закончились лишь в 1974 году, так и XIX век продолжался до Первой мировой войны.

Последним значительным появлением абсента в искусстве, перед самым запретом, стала кубистская скульптура Пабло Пикассо «Стакан абсента» (1914). Он уже появлялся у Пикассо в «Голубой период» 1901-1903 годов. Художник приехал в Париж в 1900 году со своим другом Карлосом Касагемасом, но в феврале 1901 года Касагемас покончил жизнь самоубийством. Несколько лет Пикассо главным образом писал невеселые этюды в голубых и зеленых тонах, изображавшие бедность и людей в унынии. Абсент, видимо, появляется в этих картинах как знак зависимости, тоски и психической неуравновешенности. Это «надежда отчаявшихся» и символ крайней богемности, хотя абсент у Пикассо обладает и более приятными коннотациями. Он хорошо вписывался в бодлиерианскую традицию описания бедной городской жизни и парижских кафе; кроме того, он связан с Альфредом Жарри. Пикассо восхищался Жарри и старался подражать ему во многих отношениях, в частности — пил абсент и носил револьвер.

На картине «Женщина, пьющая абсент» (1901) женщина в синем сидит за столиком в углу красного кафе, а перед ней стоит стакан абсента. Она обхватила себя неестественно длинными, выразительно искривленными руками. На одну руку (кисти необычно велики) она опирается подбородком, а другая, как змея, ползет по первой к плечу. Женщина кажется и восторженной, и встревоженной. В картине есть что-то постимпрессионистическое, свойственное Гогену. Позже, в том же году, Пикассо пишет «Любительницу абсента»; здесь манера письма и жестче, и расплывчатей, стол написан более смелыми, широкими мазками, на одежде женщины — характерные крапинки. В целом картина темнее, с маленьким теплым пятном света в далеком окне, а композиция явно сконцентрирована на линии, которая спускается от заостренного лица с алыми губами, по руке и ложке, к стакану.

На картине «Две женщины в баре» (1902) изображены две женщины на табуретах с обращенными к зрителю голыми спинами. На стойке, сразу за ними, виден стакан абсента. Фигуры женщин обладают тяжелой скульптурной пластичностью, а платья и стена — зеленые, как абсент. Композиция относительно спокойна; тревога снова выходит на первый план в картине «Поэт Корнутти (Абсент)» 1902-1903 годов. Корнутти, с изможденным лицом, поросшим редкой бородкой, сидит за столиком рядом с женщиной; это напоминает пару с картины Дега. Руки у поэта — длинные и тонкие, а на его кошащем, немного китайском лице можно увидеть признаки подавляемого безумия. На столике стоят графин с водой и стакан абсента, рядом лежит ложка. На обороте картины друг Пикассо Макс Жакоб поясняет, что Корнутти пристрастился к эфиру и умер в безвестности.

«Голубой период» Пикассо закончился в 1903 году, и в более радостном «Розовом периоде», который последовал за ним, абсент не занимает значительного места. Однако он снова появляется в кубистских произведениях. На этих намного более интеллектуальных, менее эмоциональных картинах предметы расколоты, как будто вы смотрите на них одновременно с нескольких направлений. Теперь Пикассо использует бутылки абсента без

драматичности или тревоги, это просто предмет реквизита, который надо подвергнуть анализу, наряду с гитарами, столами и стульями. «Стакан абсента» (1911) — классическая работа аналитического кубизма, хотя зрителю сложно определить, где же, в сущности, стакан. По-видимому, он заполняет всю картину и вместе с тем, возможно, представляет собой ложку и книгу. «Бутылка "Перно" и стакан» (1912) читается проще, тут легко различить бутылку, стакан и стол; на других картинах

Пикассо фигурируют, кроме того, бутылки анисовой водки «Ojen» и «Anis del Mono».

Такое внимание к маркам почти предваряет поп-арт, хотя среди критиков нет единого мнения о его роли у Пикассо. Все становится яснее, когда Пикассо рисует марку бульонных кубиков «Bouillon Kub», — вероятно, это просто каламбур. Важно, что абсент для Пикассо — часть урбанистического, искусственного «современного» мира, противопоставленная яблокам и бутылкам вина у Матисса и Сезанна. Как и многие другие художники, Пикассо был вовлечен в художественные битвы, и ненавистным соперником около 1907 года был Матисс, который, по его словам, хуже абсента. Пикассо уговаривал друзей писать на стенах «La peinture de Matisse rend fou!»* [*«Живопись Матисса сводит с ума!» (франц.)*], отсылая к уже хрестоматийному клише «Absinthe rend fou!».

Абсентовый шедевр Пикассо — это «Стакан абсента» (1914), раскрашенная скульптура в шести экземплярах, каждый из которых расписан по-своему. Брукс Адамс блестяще ее толкует. Задает тон, по его мнению, цитата из «Автобиографии Алисы Б. Токлас» Гертруды Стайн, где речь идет о парижском свете в начале Первой мировой войны, во время сражения на Марне, когда казалось, что у Франции дела очень плохи. Друг Гертруды Стайн, Альфред Морер, вспоминает, как он сидел в кафе:

Я сидел в кафе, сказал Альфи, и Париж был бледным, если ты меня понимаешь. Он был, сказал Альфи, как бледный абсент.

Адамс замечает: «Этот абсент передает ощущение пустоты, особенный свет, погоду и тревогу Парижа перед надвигающейся осадой, а его галлюциногенная сила символизирует конец эпохи».

Незадолго до этого Пикассо опубликовал несколько картин, изображавших деконструированные в кубистском стиле гитары и скрипки, в небольшом журнале «Les Soirees de Paris» («Парижские вечера»), который издавал Гийом Аполлинер. У журнала было всего четырнадцать подписчиков, и после того, как в нем появились эти картины, тринадцать отказались от подписки. Это не смутило Пикассо, и он приступил к созданию скульптуры, изображающей стакан абсента. У нее устойчивое основание, напоминающее стакан, но сама она развернута, рассечена на части. На стакане лежит настоящая ложка для абсента и раскрашенный коричневый кусок сахара; «беззаботные, венчающие штрихи», пишет Адамс, «они блестящи, но немые, как номера акробатов под куполом цирка». Что касается темы, Адамс видит в ней настоящую бомбу, символ молодости Пикассо, неумеренность уходящей эпохи, а также вызывающее воспевание напитка, которому явно грозит опасность. Об этом Адамс пишет в более мрачном тоне: «Так как абсент, в сущности, смертелен, все стаканы Пикассо обретают значение скульптурных "memento mori"». Крапинки на нескольких из них напоминают пятнышки на картине «Любительница абсента», но один стакан из этой серии выкрашен в черный цвет, только по краям и внутри разбросаны точки. Адамсу этот стакан

... напоминает то сатанинское затишье, когда абсент начинает свое дело, зажигая тебя изнутри. Черный цвет передает пустоту, создаваемую абсентом, а намеченные пунктиром цвета вызывают в воображении его волшебное, успокаивающее воздействие. Словесный эквивалент этих мерцающих точек — «la fee verte», «зеленая фея», распространенное у французов название абсента.

Адамс предполагает, что, раскрасив каждый стакан по-своему, Пикассо прославил свободу выбора — всякий волен пить или не пить, а открытая форма скульптур обозначает открытое отношение к контролю над наркотиками.

Стаканы, по мнению некоторых, напоминают, среди прочего, лицо, женщину в шляпе и распятие. Независимо от символов, любой, кому приходилось играть стаканом и ложкой для абсента, кладя ложку на стакан, поймет, какую глубокую притягательность эти предметы, сделанные из разных материалов и соединенные на разных уровнях, имели для Пикассо. Скульптуры тоже играют с тремя слоями изображения: ложка настоящая, кусочек сахара — реалистичная подделка, а сам стакан — схема. Каковы бы ни были их усложненные и ветвящиеся значения, все шесть стаканов, несомненно, изображают предмет, которому, как прекрасно знал Пикассо, грозила опасность. Германия объявила войну Франции 13 августа 1914 года, а 16 августа министр внутренних дел предпринял срочные меры, чтобы запретить продажу абсента. В марте 1915 года палата депутатов наконец проголосовала за запрещение не только продажи, но и производства. В конце концов абсент был запрещен.

Глава восьмая

ПОСЛЕ ЗАПРЕТА

Как только абсент ушел в прошлое, началась настоящая ностальгия; по крайней мере, некоторые стали вспоминать его с любовью. Абсент, который до запрета якобы привел парижан к краю окончательного вырождения и гибели самого народа, стал восприниматься как средство для хорошей беседы. Барнаби Конрад приводит слова Робера Бюрнана об исчезновении абсента как симптоме культурного упадка:

Дух бульваров мертв... Где теперь снова найдешь время, чтобы бродить, мечтать, оттачивать мысль, пускать стрелы?... Абсент, волшебный абсент Зеленого часа, нефритовый цветок, который цвел на каждой террасе, восхитительно отравлял парижан, по крайней мере давая им богатое воображение, в то время как другие коктейли вызывали тошноту без восторга.

Но абсент ушел навсегда, по крайней мере на весь двадцатый век; даже на анисовую водку «*pastis*» правительство Виши в 1940 году наложило запрет, который сняли в 1949 году. На место абсента пришла более молодая американская культура коктейлей в стиле «эры джаза», ранний шаг к американизации и глобализации Парижа. Постепенно французы забыли абсент.

Джеймс Джойс упоминает его в романе 1922 года «Улисс» (действие происходит в 1904 году), где питье абсента — одна из частей эстетства и континентальных привычек молодого Стивена Дедалуса, как и его шляпа в стиле Латинского квартала. Его парижские воспоминания включают «ядовитый зуб зеленой феи» и «полынь цвета лягушки», а также тост на латыни, произнесенный, когда он пил абсент с закадычными друзьями-студентами:

Nos omnes biberimus viridum toxicum diabolus capiat posteriora nostra.
(Мы все будем пить зеленый яд, и да заберет дьявол последнего из нас.)

Позднее Леопольд Блум вынужден извиниться за Стивена, который пил «зеленоглазое чудовище». Упоминается абсент и в кружащемся сне «Поминок по Финнегану», тесно связанных с Парижем, когда «брат Интеллигентус» «забыл по рассеянности свой парижский адрес»* [*Конечно, у Джойса — игра слов, основанная на том, что «рассеянный» - «absent minded» очень похоже на выдуманное автором «absinthminded» — «с абсентом на уме», «думая об абсенте». (Примеч. пер.)*].

В это время в Америке с абсентом начали связывать совершенно особые культурные значения — он стал особенно роковым, мрачным и порочным. Возможно, на американское ощущение абсента повлияло то, что он обладает некоторым, хотя и отдаленным, сходством с «парегориком», давно забытой панацеей, состоявшей на 90% из спирта, а на 10 — из анисового масла, камфары и опиума. Как и абсент, парегорик смешивали с водой, от которой он становился мутным.

В 1930 году в Америке был опубликован короткий рассказ Кулсона Кернахана «Двое нищих с абсентом на уме» («Two Absinthe-Minded Beggars»). Герои — два молодых человека, начитавшиеся о парижской жизни и почувствовавшие потребность глубже изучить абсент. В конце концов, «мы писатели, или надеемся ими стать, и в один прекрасный день можем дать миру произведение искусства, в котором нам придется изобразить человека, пристрастившегося к абсенту, или просто описать воздействие этого напитка. Тем самым мы должны все знать из первых рук». Стремясь узнать секрет верленовского вдохновения и испытать «магическое», веселящее душу воздействие абсента, они его заказывают:

Официант... поставил перед нами по стакану, наполовину наполненному какой-то водянистой жидкостью. Внутри стакана — мы уж подумали, что он собирался показать нам какой-то фокус, — стоял бокал для вина, тоже наполненный до краев густой жидкостью... которая, судя по виду, могла быть резиной. Затем, поклонившись, официант удалился, и мы, двое детей, мнивших себя светскими людьми, остались в недоумении, что же нам теперь делать.

Им пришлось просить помощи у официанта, который, ничего не ответив, молча продолжает свое дело:

Не сказав ни слова, он поднял винный бокал и сначала наклонил, а затем опрокинул его в стакан, пока напоминавшая резину жидкость не вытекла медленно и тягуче — скручиваясь, как змея или как дым, перламутровыми изгибами, кольцами и спиральями, и две жидкости, соединившись, не обрели цвет и матовость опала. Мне не понравился вид этого вещества, а тяжелый наркотический запах наводил на мысль, что не понравится и вкус. «Это зелье какое-то порочное», — сказал я. Таинственность, с которой более густая жидкость извивалась, сворачивалась в кольца и спирали вокруг более жидкой, вызвала в моем уме образ питона, обвивающегося вокруг своей жертвы.

Они заказывают абсент снова и снова, в надежде ощутить обещанное возбуждение, но чувствуют лишь уныние. Независимо от своих литературных достоинств, рассказ изображает применявшийся в 20-е годы «метод двух стаканов», описанный Джорджем Сентсбери, а кроме того, дает причудливый образ абсента, жидкого зла. Абсент не клубится, скорее так бывает, когда нальешь молока в чай. Абсент не гуще воды, а жиже и легче, так как он состоит в основном из спирта, поэтому, медленно добавляя воду, можно добиться того, что нижняя часть напитка будет мутной, а верхняя прозрачной.

Фантастично экспрессионистическое описание абсента — смесь фильмов «Чайнатаун» и «Замок Дракулы»: поклон безмолвного официанта, адское «зелье», хищный питон, насилующий невинную воду, зловещие признаки вязкости и слизи и, прежде всего, знакомые образы движущихся колец и спиралей. Чем не афиша фильма Романа Полански «Китайский квартал» с его порочно извилистым дымом? Кернахан изображает абсент так, как Сакс Ромер мог бы описать его в одной из своих книг о докторе Фу Манчу.

Более ранний рассказ, «Над бутылкой абсента» Уильяма Чамберса Морроу, тоже не особенно талантлив, зато в нем намного больше зловещего. Таинственный незнакомец приглашает голодающего юношу в отдельный кабинет, чтобы выпить немного абсента и поиграть в кости. У незнакомца очень много денег, но он старается не привлекать внимания, и вскоре мы начинаем понимать, что он грабитель банков, скрывающийся от полиции. Он посылает молодого человека к стойке за напитками, потом они играют в кости. Когда полицейские открывают дверь, они видят, что оба мертвы.

Эдгар Алан По, любитель абсента и вообще алкоголик, часто пил смесь абсента и бренди со своим издателем Джоном Сартеном, который тоже пристрастился к абсенту. На недолгое время, к концу жизни, По смог полностью отказаться от пьянства, но приятели снова соблазнили его, и вскоре он умер в больнице Вашингтонского университета, страдая галлюцинациями и белой горячкой.

Помимо зловещих ассоциаций, значение абсента в Америке было в большой степени связано и с образом Нового Орлеана. Именно там несколько увядшая элегантность франко-американской культуры — осыпающаяся штукатурка и изогнутые балконы из кованого железа — соединялась с болотистой порочностью Луизианы. В своей книге «Абсент, кокаин девятнадцатого века» Дорис Ланье подробно пишет об этой культуре. Абсент не был слишком распространен в Америке за пределами Нового Орлеана, но его лучше узнали благодаря популярной песне «Absinthe Frappe»* [*«Фраппе с абсентом» (франц.)*], текст к которой написал Гленн Макдона:

*С первым глотком на твоих губах
Снова решаешься день прожить.
Да, жизнь возможна,
Ты пьешь абсент.*

Ясно, что все это происходит утром. «Absinthe Frappe», то есть абсент с накрошенным льдом, был фирменным напитком кафе «Старый дом абсента». Автор статьи «Зеленое проклятие в США», появившейся в «Харпер'з Уикли» (1907), обвинял Макдону в том, что его стихи (исполнявшиеся под «заразительную мелодию» Виктора Герберта) рекламируют абсент, и сообщал при этом, что абсент «почти столь же опасен, как кокаин, и для души и для тела».

В книге «Муза, томимая жаждой», великолепном исследовании американского литературного алкоголизма, Том Дардис замечает, говоря о Юджине О'Ниле, что в ряду алкогольных напитков абсент считался пределом, «дальше некуда». О'Нил проучился в Принстонском университете один-единственный позорный год (1906-1907), с удовольствием шокируя однокурсников своим пьянством. «Выпивка для общения, — пишет Дардис, — главным образом ограничивалась пивом и вином, а более крепкие напитки оставляли тем, кого студенты почитали бездельниками. Когда виски перестало шокировать, О'Нил решил показать приятелям, как воздействует абсент, который в те дни обычно считали самым крепким напитком»:

Убедив Луиса Холладэя, приятеля по Гринвич Виллидж, принести бутылку печально известной жидкости в кампус Принстонского университета, О'Нил выпил столько абсента, что совершенно взбесился и переломал практически всю мебель в своей комнате. Он стал искать свой револьвер, а когда нашел, «нацелил его [на Холладэя] и спустил курок. К счастью, револьвер не был заряжен». Двое его однокурсников вспоминали, что «О'Нил обезумел... Понадобилось три человека, чтобы повалить его на пол. Он вскоре ослабел, и его уложили в постель».

То, что, возможно, вначале было позой, стало серьезной проблемой. Однако О'Нил осознал свой алкоголизм и, в сущности, бросил пить, хотя никак не был доволен жизнью и стал употреблять в больших дозах хлоралгидрат и нембутал (снотворные и успокоительные средства). Он сочинил эпитафию для собственной могилы, предлагая, чтобы под его именем выбили:

ЗДЕСЬ Я ЛЕЖУ. ДРУЗЬЯ, ПОВЕРЬТЕ, ЕСТЬ ЧТО СКАЗАТЬ В ЗАЩИТУ СМЕРТИ.

Еще до того, как в 1919 году опрометчиво ввели американский Сухой закон, особое беспокойство по поводу абсента уже привело Сенатский комитет к заключению, что это

«действительно яд», и в 1912 году, еще до французского запрета, Сенат проголосовал за запрещение «всех напитков, содержащих туйон». Американцы, как известно, пили и при Сухом законе, и, по крайней мере, некоторое время абсент и анисовая водка, возможно, были здоровее самогона. Прибавим южноамериканскую элегантность и вызов вашингтонской директиве. Дардис ссылается на друга Фолкнера, который описывает вечеринки 20-х годов в квартале «Vieux Carre» Нового Орлеана: «Самым популярным напитком в то время был "Перно", который производили прямо там, в Новом Орлеане, и стоил он шесть долларов за бутылку. Мы покупали его как можно больше для всех наших вечеринок».

Элизабет Андерсон, жена Шервуда Андерсона, вспоминала: «Тогда мы очень много пили, но редко напивались. Мы как бы считали Сухой закон личным оскорблением и полагали, что наш моральный долг — его подрывать... Главным напитком был абсент, еще более противозаконный, чем виски, из-за полыни... Его пили с тертым льдом и, так как в этом виде он почти терял алкогольный привкус, в больших количествах».

Конечно, убедительней всех американских писателей и с самой большой ностальгией писал о достоинствах абсента Эрнест Хемингуэй. Пил он его через много лет после французского запрета, из-за близости к испанской культуре в Испании и на Кубе. Абсент никогда не запрещали в Испании, и в 1912 году компания «Перно» перенесла производство в Таррагону. Некоторые из лучших марок абсента, доступных сегодня, — испанские, и английский писатель Роберт Элмс очень точно рассказал о своей встрече с абсентом в начале 90-х годов XX века в известном барселонском квартале «Barrio Chino»* [*См. конец книги. «Barrio Chino» — Китайский квартал (исп.).*].

Хемингуэй всегда много пил, и Дардис замечает, что долго казалось, будто у него — особый талант, «несмотря на признаки того, что все не столь уж благополучно». В 1928 году он пострадал от первого из длинной серии несчастных случаев, происходивших по его собственной вине: он дернул за цепочку унитаза, по крайней мере — он дернул за *какую-то* цепочку, и обрушил на себя стеклянный потолочный люк. От этого происшествия у него остался шрам на лбу. Неясно, какую роль в этом и многих других случаях сыграло пьянство, пишет Дардис, но Хемингуэй, «кажется, много пил практически перед каждым из них».

Когда Хемингуэй жил во Флориде, он получал абсент с Кубы, где у него был дом и куда он ездил ловить рыбу. Барнаби Конрад цитирует его письмо 1931 года: «Напился вчера абсента и делал трюки с ножом. Получилось очень хорошо, когда бросал его из-под руки в рояль». Что до ущерба, он говорил, что «это все древоточцы»* [*Игра слов: «woodworm» — «древоточец», «wormwood» — «полынь».* (Примеч. пер.)].

Хемингуэй много жил в Испании, он очень любил корриду. В своей книге «Смерть после полудня» он объясняет, почему уже не участвует в бое быков: «С возрастом было все сложнее выходить на ринг, не выпив три или четыре абсента, который, распаяя мою храбрость, несколько расстраивал рефлексy».

В романе Хемингуэя о гражданской войне в Испании «По ком звонит колокол» есть истинная ода абсенту. Одно из немногих утешений Роберта Джордана, американского партизана, получившего задание взорвать мост, — это абсент, «жидкая алхимия», способная заменить все остальное, и даже заместить, как часть — целое, ту прекрасную жизнь, которую он знал в Париже:

... одна такая кружка заменяла все вечерние газеты, все вечера в парижских кафе, все каштаны, которые, наверно, уже цветут, больших медлительных битюгов на внешних бульварах, книжные лавки, киоски и картинные галереи, парк Монсури, стадион Буффало и Бют-Шомон, «Гаранта траст компани», остров Ситэ, издавна знакомый отель «Фойо», возможность почитать и отдохнуть вечером, — словом, все то, что он любил когда-то и мало-помалу забыл, все то, что возвращалось к нему, когда он потягивал это мутноватое, горькое, леденящее язык, согревающее мозг и желудок, изменяющее взгляды на жизнь колдовское зелье.

Джордан пьет с Пабло, ненадежным предводителем партизан, которому абсент кажется слишком горьким. «Это абсент, — объясняет Джордан, — а в настоящем абсенте есть полынь. Говорят, что от него мозги сохнут, но я не верю. По-другому смотришь на жизнь, вот и все. В абсент надо наливать воду, медленно, по несколько капель». Позднее мы находим и окончательное суждение: виски с водой — «чистый и чуть обжигающий» напиток,

но это не то что абсент, он не обволакивает все внутри, думал он. Лучше абсента ничего нет.

Хемингуэй пишет об абсенте с замечательной, абсолютной достоверностью, вплоть до мельчайших деталей, к примеру — Роберт Джордан чувствует «нежную анестезию» языка. Другой известный американец, Гарри Кросби, был одинаково влюблен и в абсент, и в идею абсента, точно так же как был одержим идеей Бодлера.

Кросби, молодой американский миллионер, путешествовал в 20-е годы по Европе со своей женой *Caresse** [*Caresse* — ласка (франц.; не зверек, а отглагольное существительное от «ласкать»). (Примеч. пер.)] (которая когда-то была самой первой девочкой-скаутом в Америке) и собаками *Narcisse Noire* и *Clytoris** [*Черный Нарцисс; Клитор (франц.)*]. В основном они жили в Париже, на острове Сен-Луи, и здесь же основали известное издательство «Блэк Сан Пресс» на улице Кардиналь, дом 2. Кросби обладал необычайной смесью энергии, наивности и тяги к крайностям, и Малькольм Коули романтизирует его образ как часть американского Парижа 20-х годов в своей книге «Изгнанники возвращаются». Гарри и Каресс, которую до встречи с ним звали Полли Пибоди, вместе принялись за необычайное и, в конце концов, губительное самосозидание. «Мы можем, — говорил Гарри, — усовершенствоваться и стать очень культурными людьми».

Казалось бы, у Кросби было все — внешность, деньги, ум, красивая жена, но он был глубоко психически неуравновешен и одержим декадансом и смертью, носил в петлице черный цветок и старался строить жизнь по роману «Портрет Дориана Грея». Его психическую неуравновешенность усугубил тяжкий опыт Первой мировой войны (он получил французский Военный Крест), когда в машину скорой помощи, которую он вел, попал артиллерийский снаряд. Сам он каким-то чудом не погиб, а товарищ, сидевший рядом, умер у него на глазах.

В «Черном солнце», прекрасной биографии этого трагического, но довольно нелепого человека, Джеффри Вулф приводит список слов, составленный Кросби для своих стихов, который явно говорит о влиянии Бодлера, Гюисманса, По и Уайльда. Например:

Абсурдный, ароматный, безжалостный, безутешный, благоухание, бледный, величие, геральдический, зловещий, иллюзия, искривленный, лабиринт, легенда, мрачный, ностальгия, обветшалый, ожесточенный, орхидея, осколок, первозданный, поклонение, привидение, пустынный, растерянный, резня, средневековый, таинственный, утрата, феодальный, хаос, языческий...

И так далее. Многими трудностями Кросби обязан чрезмерному чтению Бодлера, в особенности его безнадежно мрачного стихотворения «Сплин IV». Несложно, говорит Вулф, увидеть, как оно влияло: «Он узнавал его красоту, сверкающую, как черная жемчужина в бокале мертвенно-зеленого абсента».

Каждый год в день рождения Бодлера Кросби покупал черные ирисы, а в 1925 году написал стихи, творение современного Сомса, примечательные (по словам Вулфа) своим «несообразным, утрированным, беспричинным унынием».

*Мне кажется, я понял Вас, Бодлер,
Со всею извращенностью манеры,
Со всею ненавистью к скучным будням,*

*Велевшею зловещего искать
Там, где крадется привиденье ночи,
Чтоб заманить Ваш возбужденный мозг
В тончайший лабиринт дурной любви,
Раскаянья, смятения и всех
Коловращений скорби мировой.*

*В моей душе стоит Ваш черный флаг.
Мое разочарованное сердце
Вы сделали своим печальным склепом.
Мой ум, когда-то девственный и юный,
Теперь — болото, грязная утроба,
Чреватая мерзейшим из плодов,
Гнуснейшим из существ, гермафродитом —
Цветами разложения, *Fleurs du Mal*.*

Кросби опубликовал эти стихи в своей книге «Красные скелеты», иллюстрации к которой создал запоздалый декадент, художник Аластэр (Ханс Хеннинг Войт, который до этого работал с Джоном Лэйном в издательстве «Бодли Хэд»). В эту книгу вошли, кроме того, «Черный саркофаг», «Тщета», «Отчаяние», «Орхидейный сонет», «Танец в сумасшедшем доме» и «Некрофил», и она вызвала похвалу стареющего Артура Саймонса («странное своеобразие, нечто мрачное, неистовое, болезненное, зловещее», а также — «тени только что из ада»). Но вскоре книга, с ее эпиграфами из Уайльда и Бодлера и иллюстрациями в духе Бердсли, стала казаться автору слишком вторичной, и он расстрелял оставшиеся экземпляры из дробовика.

Конрад лукаво замечает в этой связи, что для Кросби напиток Бодлера, Уайльда, Тулуз-Лотрека, Рембо и других «был океаном ассоциаций, мрачным зеленым раем» [курсив мой. — Ф. Б. J. В дневниках Кросби есть несколько характерных упоминаний абсента. Однажды в 1927 году он встречал Каресс на Северном вокзале, и она «бежала по платформе с двумя массивными томами Обри Бердсли и двумя бутылками абсента». Кросби, который всегда был большим библиофилом, находил в книжных магазинах редкие и любопытные вещи. В 1928 году

... я раздобыл в книжном магазине бутылку очень старого абсента (передо мной стоял выбор между абсентом и эротической книжкой). Продавец рекомендовал мне «Le Guerizon de Maladies»* [Исцеление от болезней (франц.)] Рамю, но у меня уже было лекарство от всех болезней, то есть абсент, и я не купил эту книгу, а вместо этого пошел в аптеку и купил две пустые бутылки из-под средства для укрепления волос, куда абсент и перелил...

Позже он перешел от абсента к опиуму, который, в конце концов, стал его любимым наркотиком. Один его друг вспоминал, что Гарри и Каресс хранили опиум, напоминавший банку черничного джема, в коробке для игрушек, а незадолго до его появления «устроили попойку в честь Верлена, поэтому в квартире было очень много абсента».

Кросби были знакомы с Хемингуэем, который представил Гарри Джеймсу Джойсу, и он вроде бы начал перерастать декаданс. Он вошел в редакционную коллегию авангардного журнала «Transition» («Переход»), а его издательство, в котором до этого печатались Уайльд и По, стало более современным и начало публиковать Джойса, Хемингуэя, Харта Крейна и Д. Х. Лоуренса. Но Кросби все еще был одержим идеей смерти и в последней дневниковой записи выразил свое кредо: «Вы не влюблены, если не хотите умереть вместе с возлюбленной».

Однажды вечером в 1929 году Кросби должен был встретиться с Каресс и своей матерью и пойти в ресторан, а потом в театр, прихватив поэта Харта Крейна, которого

Кросби пристрастил к абсенту. Вместо этого он отправился со своей любовницей Дж. Биглоу (которая, что очень интересно, была удивительно на него похожа) в нью-йоркский «Hotel des Artistes»* [*Отель художников, отель служащих искусства (франц.)*]. Они разулись, полежали одетые на кровати, Кросби выстрелил ей в висок и пролежал еще часа два, глядя на заход солнца, прежде чем выстрелить себе между глаз. Эзра Паунд писал, что Кросби умер от «чрезмерной жизненной энергии» и что его смерть — «вотум доверия космосу». Возможно, так оно и было, но нелегко отделаться от мысли, что в расправе над ним участвовало и проклятие литературы.

Абсент, все еще запрещенный в послевоенной Америке, был прежде всего памятью о старом Новом Орлеане, пока не приобрел нового обличья благодаря особой зловещей субкультуре. Редактор одного из лучших современных сайтов об абсенте — женщина, называвшая себя «Mordantia Vat»* [*Несколько искаженное «Кусающая летучая мышь» (англ.; первое слово — как бы латинское). (Примеч. пер.)*]. Абсент упоминается в романе Анны Райс «Беседа с вампиром» (1976), но не так, как можно было ожидать. Вампиру приходится плохо. Некая Клаудия, из своих соображений, находит и опаивает наркотиками двух ангелочков-сирот для вампира Лестата, но, испив крови, он как-то странно себя чувствует:

— Здесь что-то не так, — сказал он, задыхаясь, и глаза его расширились, словно сама речь требовала немислимых усилий. Он не мог шевельнуться <... >. Он совершенно не мог шевельнуться.

— Клаудия! — снова, задыхаясь, выговорил он, и его глаза повернулись в ее сторону.

— Тебе не нравится вкус детской крови? — тихо спросила она.

— Луис, — прошептал он наконец, лишь на мгновение приподняв голову. — Луис, это... абсент! Слишком много абсента! — выкрикнул он. — Она отравила их абсентом. Она отравила меня. Луис... — Он попытался поднять руку. Я подошел ближе, нас разделял стол.

— Назад! — сказала она. Теперь она поднялась с дивана и подошла к нему, вглядываясь в его лицо, как до этого вглядывался он в лицо ребенка. — Абсент, отец, — сказала она, — и настойка опия.

— О, черт! — воскликнул он. — Луис... положи меня в гроб. — Он попытался подняться. — Положи меня в гроб! — Голос его был хриплым, едва слышным. Рука задрожала, поднялась и снова упала.

Да, нехорошо...

В фильме Фрэнсиса Форда Копполы «Дракула» (1992) граф (актер Гэри Олдмен) влюбляется в невесту Джонатана Харкера Мину, которая напоминает ему давно усопшую возлюбленную. Он следует за ней в откровенно американский Лондон времен Виктории и заговаривает с ней на улице. Они идут в бар, садятся за столик, берут бутылку абсента, и граф выполняет ритуал с ложкой и сахаром. «Абсент — это афродизиак для души, — говорит он Мине. — Зеленая Фея, живущая в нем, жаждет твоей души, но со мной ты в безопасности». Сотрудники Копполы превзошли себя, взяв напрокат чрезвычайно красивую ложку для абсента, которая появляется на экране на долю секунды. Ложка с извилистым растительным орнаментом принадлежит Мари-Клод Делаэ, ключевой фигуре во французском возрождении абсента* [*Эта ложка сейчас — в музее абсента мадам Делаэ (Овер-сюр-Уаз) вместе с письмом от отдела реквизита, выражающим благодарность. Ее фотографию можно увидеть на с. 232 книги «Абсент. История Зеленой феи» (Marie-Claude Delahaye «L'Absinthe: Histoire de la Fee Verte»)]*.

К этому времени абсент занял свое место среди других соответствующих веществ в некоей склонности к эксцентричному викторианству, характерной для Сан-Франциско и вообще Западного побережья. В журнале «Ньюсуик» за 1994 год сообщалось, что «в мансардах тихоокеанского северо-запада изысканные люди начинают сдувать пыль с наркотиков, которые вошли в моду благодаря их праотцам». Опиум, опиумный чай и настойка опия возвращались вместе с абсентом и стилем одежды, который лондонская газета

«Тайме» назвала «викторианским гранджем». В том же году молодая писательница из Нового Орлеана, Поппи З. Брайт, напечатала готический рассказ «У его губ — вкус полыни» в сборнике «Болотный недоносок»:

«За сокровища и наслаждения могилы!» — сказал мой друг Луис и поднял, глядя на меня, свой бокал абсента в знак пьяного благословения.

«За погребальные лилии, — ответила я, — и за бледные кости». Я отпила большой глоток из своего бокала. Абсент обжег мое горло своим вкусом — то ли перец, то ли лакрица, то ли гниль. Он был одной из наших величайших находок — пятьдесят с лишним бутылок запрещенного ликера, замурованных в новоорлеанском семейном склепе. Перевозить их было очень трудно, но, как только мы научились наслаждаться вкусом полыни, нам было надолго обеспечено непрерывное пьянство. Забрали мы из склепа и череп патриарха, теперь он хранился в обитой бархатом нише нашего музея.

Дело в том, что мы с Луисом — мечтатели темного, тревожного склада. Познакомились мы на втором курсе и быстро почувствовали, что у нас есть общая черта: мы оба во всем разочарованы.

Стиль этот понравился не всем (хотя многое можно простить за название рассказа «Как ты сегодня, мерзок?»), но в лондонском метро я видел девушку, возможно — туристку, в черном кружевном платье и солдатских ботинках, которая читала «Болотного недоноска» с явным удовольствием.

Абсент еще прочнее утвердился в господствующей линии контр-культуры после появления клипа на песню «Совершенный наркотик» темной и мрачной американской группы «Наин Инч Нэйлз»* [*«Ногти длиной в девять дюймов» (англ.)*]. Песня существует в двух версиях — «Микс Подавление» и «Микс Абсент», а в клипе Трент Резнор готовит абсент на фоне пейзажа в стиле Эдварда Гори, возможно сожалея о том, что только что убил девушку. Как и в «Ногтях», готический рок-певец Мэрилин Мэнсон тоже, по слухам, выписывает абсент ящиками из Англии. В романе «Полынь» Д. Дж. Левьен пишет, что подпольные «клубы абсента» растут в Америке, как грибы; что ж, это вполне возможно, ведь абсент до сих пор запрещен в США. Такой его статус вызвал споры в американском обществе после того, как Хилари Клинтон, первую леди, сфотографировали в Праге со стаканом абсента. Правда, он просто стоял перед ней. Пила она его, спрашивали люди, или подражала мужу, который в молодости курил марихуану, «не затягиваясь»?

Тем временем в Англии абсент имел совершенно иное значение. Здесь его никогда не запрещали, главным образом — потому, что, как мы видели, он оставался напитком интеллектуалов, не «пошел в народ», как во Франции, и потому не становился «проблемой». Он тихо существовал среди коктейлей 20-х годов, к неодобрению автора статей в медицинском журнале «Ланцет» (30-е годы). В начале статьи «Абсент и его употребление в Англии» К. У. Дж. Брашер сообщает своим читателям, что абсент, запрещенный во Франции, Бельгии, Швейцарии, Италии, Германии и Болгарии, все еще импортируют в их страну.

Доктор Брашер ссылается на свидетельства трех состоятельных джентльменов, которые, как можно догадаться, лечились от алкоголизма:

Член одного привилегированного лондонского клуба сообщил мне, что, когда там заказывают коктейль, обычно просят добавить «чуть-чуть», то есть немного абсента. Член другого лондонского клуба утверждает, что «самые закаленные любители коктейлей часто заказывают коктейль с "кайфом"», а «кайф» этот достигается за счет добавления основного алкогольного компонента... или некоего количества абсента. Третий пациент говорит: «Когда в моем клубе заказывают коктейль, официант спрашивает: "С ним или без него?", то есть с абсентом или без абсента».

Брашер довольно подробно обсуждает доводы против абсента, главным образом — из французских источников, добавляя несколько собственных устрашающих пассажиры.

Такое мнение близко к мнению французских врачей, но существует и более умеренный взгляд. Брат Ивлина Во, Алек дает нам возможность взглянуть на эру коктейлей в своей книге «Восхваление вина». Он вспоминает, как пил абсент в «Комнате Домино» лондонского «Cafe Royal»:

Я пил его с подобающим почтением в память Доусона и Артура Саймонса, Вердена, Тулуз-Лотрека и «Nouvelle Athenes». Я пил его лишь однажды, так как не выношу его вкуса. В те дни заказывали сухой мартини «с добавкой», который состоял наполовину из джина, наполовину из вермута, а добавкой был не ангостурский биттер, а именно абсент. Даже в таком небольшом количестве, по-моему, он начисто портил коктейль. Но, должен сказать, сейчас он мне понравился бы.* [Во делает интересное практическое замечание о том, что абсент, по-видимому, удваивает воздействие напитков, которые пьют после него. Это отмечали многие, и раньше говорили, что «абсент — искра, от которой взрывается порох вина». Автор книг об алкогольных напитках Х. Уорнер Аллен предупреждал об «усиливающем» действии абсента: «Те, кто хочет экспериментировать с абсентом, должны помнить, что он обладает любопытным свойством удваивать воздействие любого напитка, который пьешь после него. Поэтому полбутылки вина после абсента равняются целой бутылке».]

В романе Ивлина Во «Упадок и разрушение» (1928) абсент появляется как комический символ жизни, «быстрой» и достаточно испорченной. С честным молодым человеком по имени Поль Пеннифезер, исключенным из Оксфорда за непристойное поведение (в котором он совершенно невиновен), приключаются одно за другим странные несчастья, начиная с кошмарной работы в школе и кончая тюрьмой. Он попадает в тюрьму из-за влюбленности в Марго Бист-Четвинд, которая жила изысканной жизнью, как выясняется, за счет публичного дома в Аргентине. Читатель, скорее всего, должен догадаться, что все это плохо кончится, после того как Марго предстает перед ним «глядящей в опаловые глубины своего абсент-фраппе», который к тому же приготовил ее десятилетний сын.

Абсент играет мрачно-комическую роль и в другом романе Во «Сенсация», на этот раз — благодаря своей «предельности». Уильям Бут, журналист английской газеты «Зверь», пьет «настоящий шестидесятипроцентный абсент» с угрюмым датчанином Эриком Олафсеном:

— ... Что ты будешь пить, Эрик?
— Гренадин, пожалуй. Этот абсент очень опасен. Из-за него я убил своего дедушку.
— Ты убил дедушку?
— Да. Разве ты не слышал? Я думал, это все знают. Я был очень молод в то время и пил много шестидесятипроцентного. Убил топором.
— А можно узнать, сэр, — спросил скептически сэр Джослин, — сколько вам было лет?
Всего лишь семнадцать. Это был мой день рождения, вот почему я столько выпил. Поэтому я переехал в Яксонбург и теперь пью *это*.
Он уныло поднял стакан алого сиропа.

Олафсен опасен, когда он пьян.

— Когда я был очень молод, я часто напивался. Теперь очень редко, один-два раза в год. Но всегда я делаю что-нибудь не то! Наверное, — предположил он, просветлев, — я напьюсь сегодня вечером.
— Нет, Эрик, не надо.
— Нет? Хорошо, не сегодня. Но скоро. Я очень давно не напивался.
Это признание повергло всех в непродолжительную мрачность. Все четверо сидели и молчали. Сэр Джослин потянулся и заказал еще абсента.

В достоверных и ностальгических описаниях эмигрантского пьянства у Малькольма Лоури, англичанина в Мексике, и Сэмюэля Беккета, ирландца в континентальной Европе, меньше тонкого комизма и британского здравого смысла. Лоури был алкоголиком всю свою сознательную жизнь и страдал, по его же словам, «delowtyum tremens» во время своего «Tooloose Lowtytrek»* [Букв.: «делоурийной горячкой» — игра слов основана на сходстве

фамилии Lowry со словом «delirium», и «слишком распутное Лоури-путешествие», напоминающее фамилию «Тулуз-Лотрек». (Примеч. пер.). Обычно он просил у друга разрешения «немного отпить от его хереса» и выпивал всю бутылку. Пил он и лосьоны, которые употребляют после бритья, а однажды выпил целую бутылку оливкового масла в надежде, что это — средство для укрепления волос. В Сохо ему мерещились слоны, на его умывальнике — грифы, и он так сильно дрожал, что ему пришлось соорудить целую систему блоков, чтобы доносить бокал до рта.

В его мексиканском романе «Под вулканом» (1947) второстепенный персонаж мсье Ларюэль пьет анисовую водку, потому что она напоминает ему абсент: «Его рука немного дрожала, держа бутылку, с этикетки которой цветистый дьявол грозил ему вилами». Основное упоминание абсента появляется в ассоциативной серии цитат, в которых жизнь пьяницы представляется фантасмагорическим вихрем плохо проведенного времени:

Консул наконец опустил глаза. Сколько бутылок с того времени? В скольких стаканах, скольких бутылках он прятался <... > с тех пор? Неожиданно он увидел их — бутылки «aguardiente»* [Водка (исп.)], анисовой водки, хереса, «Хайленд Квин» и стаканы, вавилонскую башню стаканов, взмывающую ввысь, как дым от сегодняшнего поезда, выстроенную до неба, потом рушащуюся, стаканы, падающие и бьющиеся, падающие вниз из садов Хенералифе, бьющиеся бутылки портвейна, красного и белого вина, бутылки «Pernod», «Oxugenee»* [«Окисленный», снабженный кислородом (франц.)], абсента, разбивающиеся бутылки, отброшенные бутылки, падающие с тяжелым звоном на землю под скамейки, лавки, кровати, кресла кинотеатров, спрятанные в столах консульств...

«Oxugenee» — известная марка абсента, на рекламе которой изображен цветущий мужчина, с невероятной подписью «C'est ma sante»* [Это мое здоровье (франц.)].

Кружащий эффект этого перечисления похож на воспоминания молодого Сэмюэля Беккета в его раннем романе «Мечты о женщинах, красивых и средних», где между делом упоминается та же марка абсента: «От синих глаз дома пришли деньги, и он потратил их на концерты, кино, коктейли, театры, аперитивы, в особенности на крепкий и неприятный Mandarin-Curasao, повсеместный Fernet-Branca, который сразу ударял в голову и успокаивал желудок, а видом своим напоминал рассказ Мориака, "Oxugenee"... » Это описание сильно отличается от столь же ностальгического рассказа о пьянстве в родной Ирландии, где он пил «крепкий портер, который помогал раздувать грусть грустных вечеров».

После Второй мировой войны, много позднее того, как завершилась джазовая эра коктейлей, репутация абсента в Англии стала еще хуже. Он продолжал существовать лишь как бледный символ 90-х годов XIX века или Парижа. В этом качестве он предстает на наивных карикатурах известного в шестидесятые годы торговца картинами Роберта Фрейзера по прозвищу «Молодчина Боб», которые он нарисовал, когда еще ходил в школу. Одна из них озаглавлена «Старый представитель богемы, закаленный многолетним питьем абсента и посещениями монмартрских кафе». Фрейзеру (как уже тогда отмечали, «не обладавшему чувством локтя») было лет десять, но уже можно было предугадать не совсем удачное будущее* [Очень милый и «харизматический», Фрейзер когда-то был одним из самых модных торговцев картинами. Он ходил по барам с «Rolling Stones»; именно он прикован наручниками к Мику Джаггеру на плакате Ричарда Гамильтона «Громадный Лондон» [sic] после того, как их обоих арестовали за употребление наркотиков в 1967 году. Его биография включает и участие в акции протеста вместе с Иди Амином. Фрейзер прославился любовью к современному искусству и непопачканными счетами, оставшимися после того, как закрыли его галерею. Он пристрастился к героину и, когда умирал от СПИДа в 1986 году, был практически забыт.].

Абсент (а именно — албанский абсент) упоминается как «жуткий» напиток в романе Кингсли Эмиса «Усы биографа». Словом, в Америке образ абсента был наивно-зловещим и роковым, а в Англии казался забавным. Чрезмерность и крайности воспринимаются там по-другому, а порочность кажется до некоторой степени смешной, как и иностранцы, претензии

на изысканность и утрированная утонченность. От Еноха Сомса до Роберта Фрейзера в Англии над абсентом посмеивались большую часть XX века. Несмотря на реальные свойства этого напитка, так и чувствуешь, что комедийный актер Тони Хэнкок выпил бы стаканчик-другой.

Глава девятая

ВОЗРОЖДЕНИЕ АБСЕНТА

Недавнее возрождение абсента уходит корнями в крушение железного занавеса и чехословацкую «бархатную революцию» 1987 года, которая привела к открытию Праги для западной молодежи. Лондонский музыкант Джон Мур, одно время — гитарист группы «Джизуз энд Мэри Чейн», а недавно — член группы «Блэк Бокс Рекордер», впервые попробовал абсент в Праге в 1993 году:

Как-то зимой, разглядывая бутылки в пражском баре, я заметил одну, которая казалась особенно соблазнительной. Наполненная изумрудно-зеленой жидкостью, она выглядела так, как будто могла нанести вред. Это был абсент. Я кое-что слышал о нем, но никогда не думал, что мне удастся его попробовать. Как большинство людей, я считал, что он запрещен и исчез навсегда. <...>

Первый эффект был почти мгновенным. Казалось, я скорее ввел абсент в вену, чем выпил. Не было медленного нарастания, постепенного всасывания в кровь. Вооруженный стаканом воды, я выпил остатки и заказал еще один стакан. Дружба началась.

«Абсент», который открыл для себя Мур, был маркой «Hill's» из Чешской Богемии. По сравнению со старым, французским абсентом, богемский абсент — совершенно другой зверь: в нем намного меньше анисового вкуса, он не мутнеет от контакта с водой, и в новый ритуал его приготовления входит огонь, чего никогда не было во Франции. В данном случае Богемия — место, а не состояние души, хотя никакое их смешение не повредило бы образу этого напитка.

На ликероводочном заводе «Hill's Liqueur», основанном Альбиной Хиллом в 1920 году, производились разные напитки. Дело бурно расцвело, и в 40-е годы компания открыла второй завод: нормирование спиртных напитков в военной Чехии основывалось на объеме жидкости, а не на ее крепости, поэтому тогда было выгодно покупать абсент и разбавлять его водой. Но с началом послевоенного социализма процветанию Хилла пришел конец. Заводы национализировали и к 1948 году производство абсента официально прекратили. Однако в 1990 году, с возвращением Чехии к свободной рыночной экономике, сын Альбина Хилла Радомил снова начал его производить.

Джон Мур написал очаровательную статью об абсенте для модного лондонского журнала «The Idler» («Бездельник»), опубликованную в зимнем номере за 1997 год. Кроме краткой истории и тщательного обзора там есть несколько замечаний, которые должны были вызвать интерес читателей. Во-первых, пишет Мур,

... добавление сахара придает питью абсента особое ощущение, схожее с применением внутривенных наркотиков, — ты совершаешь ритуал. И там и тут необходимы ложки, огонь и немного терпения — похожие средства для довольно похожих целей.

Во-вторых, «насколько я помню, у меня никогда не было галлюцинаций от абсента, но он действительно вызывает необычайно яркие сны, сюрреалистичные и непристойные».

Однако самая важная часть статьи, возможно, это маленькое объявление в рамке, которым она кончается:

Со времени моего случайного знакомства с абсентом в 1993 году я налазил постоянные поставки благодаря одному другу и самому мистеру Хиллу. Если и вы хотите импортировать абсент, звоните в редакцию нашего журнала.

Как оказалось, именно основатели журнала, редактор Том Ходкинсон и художественный редактор Гэвин Претор-Пинни, разделяли интересы Мура. В конце лета 1998 года эта тройка встретила с предпринимателем Джорджем Роули, который уже импортировал чешское пиво и крепкие напитки и подумывал о том, чтобы импортировать чешский абсент, а кроме того, был и сам связан с мистером Хиллом. Прежде, чем вести с ними дела, Радомил Хилл попросил их организовать единую компанию, и они основали компанию «Зеленая Богемия». Со временем импорт абсента стал таким успешным, что у основателей не осталось времени на издание великолепного журнала. В конце концов, журнал, после довольно длительного перерыва, стал выходить нерегулярно, хотя и каждый год. Абсент, чье губительное действие давно известно, практически его убил.

Итак, абсент был заново запущен на британский рынок в декабре 1998 года, что вызвало обширные и восторженные отклики в прессе. «Теперь, — писала газета "Гуардиан", — к ужасу активистов антиалкогольной пропаганды, британская компания заключила с маленьким чешским ликероводочным заводом контракт на импорт абсента, узнав, что этот напиток никогда не был официально запрещен в нашей стране». Газета «Дэйли Мэйл», самая уважаемая представительница желтой прессы, напечатала шокирующую статью, в которой действие абсента, к большому удовольствию «Зеленой Богемии», сравнивалось с одновременным употреблением водки, марихуаны и LSD. «Такую рекламу не купишь ни за какие деньги», — сказал довольный мистер Ходкинсон.

Необыкновенно эффективной пропагандистской машине компании удалось разместить в прессе статьи о прославленных клиентах своего «Зала Славы», включая самого первого из них, американского актера Джонни Деппа. Находясь в Великобритании на съемках фильма «Сонная лошадина», Депп пил абсент с Хантером С. Томсоном, которого он играл в фильме «Страх и ненависть в Лас-Вегасе». Группа «Суид» отметила выпуск своего альбома 1999 года «Хэд Мьюзик» вечеринкой с абсентом в лондонском клубе «Чайна Уайт», и моду подхватили другие члены музыкальной индустрии, от рэпера Эминема до готического рокера Мэрилина Мэнсона. Журнал «Селект» открыл регулярную рубрику под названием «Наши друзья абсента»: людей приглашали выпить (абсент любезно предоставлял Мур), а потом записывали их бессвязную речь по мере того, как они распались на части.

Неожиданно слово «абсент» стало вызывать жажду, и одновременно пробудилась культурная память о «таинственном, мучительном, самом важном напитке декадентского fin-de-siècle». Вообще же успех чешской марки был удивителен, так как все знали, что этот напиток не особенно приятен на вкус. «Ужасно! — сказал один несостоявшийся любитель. — Отвратительный запах и вкус алтея с привкусом микстуры от кашля, экстрактов трав, ванили и крепчайшего спирта». Газета «Тайме» писала, что вкус абсента напоминает «водку на стероидах с привкусом жженных волос и оставляет во рту сильный неприятный привкус, словно ты съел массу розовых лакричных леденцов, которых все избегают». «Мне не доводилось пить шампунь "Восэн", — писал пражский корреспондент «Дэйли Телеграф», — но его вкус, должно быть, очень похож на вкус абсента». Один пражский любитель абсента сделал необыкновенно точное и пронзительное замечание о чешской марке: «Этот абсент пьют, чтоб быстро опьянеть; только мазохист добавляет в него воду, чтобы затянуть его действие» (хороший французский абсент, напротив, можно пить медленно и долго). Столкнувшись с тем, что «Хилл'з» производит почти на всех очень сильное действие, а его вкус многим противен, «Зеленая Богемия» пришла к логичному выводу, что его нужно

смешивать и замаскировывать, и стала превосходно рекламировать коктейли, публикуя новые рецепты, куда входит абсент, скажем — «Сайко Серфер», «Грин Роуз», «Флейминт Эбсент Пешн», «Сикс Пэк», «Винсент Ван Г», «Чайна Блу», «Бохемиен» и других роскошных ужасов, некоторые из которых стали особенно популярными на севере Англии.

Целью было опьянеть, и «Зеленой Богемии» пришлось осторожно удерживать равновесие. С одной стороны, они, действительно, несли ответственность и потому выпустили указание, чтобы никому не продавали больше двух абсентов за один вечер (беспрецедентная директива в истории алкогольной индустрии). С другой стороны, все знали, для чего пьют абсент. Кто станет пить, чтобы остаться трезвым? Говорят, когда у актера Кита Аллена спросили его мнение о чешском абсенте «Hill's» на открытии клуба «Граучо», принадлежащего «Зеленой Богемии», он засмеялся безумным смехом и воскликнул: «Он действует!»

Французам и швейцарцам не слишком понравилось, что в Англии возродился хоть какой-то абсент. «Эта английская [т. е. чешская] дрянь — не абсент», — сказал французский эксперт по абсенту Франсуа Ги. Его семья начала производить абсент в Понтарлье в 1870 году, а сейчас он владеет ликероводочным заводом, где производятся другие напитки, так как абсент все еще запрещен во Франции, и музеем абсента в том же городе. «Это отвратительная ино- странная дрянь. Как они посмели украсть наше название?» — «Прискорбно? Нет, хуже, — сказал Жослен Паризо управляющий его заводом. — Если бы Бодлеру и Рембо предложили это чешское пойло, они бы перевернулись в своих гробах».

Одним из самых значительных противников чешского абсента во Франции стала Мари-Клод Делаэ, главный французский эксперт по абсенту, которая в 1994 году открыла «Музей абсента» в Овер-сюр-Уаз, где похоронен Ван Гог. Ее интерес к этому напитку зародился в 1981 году, когда она нашла на парижском блошином рынке странную ложку в форме растения с отверстиями и начала коллекционировать предметы, связанные с абсентом, а потом издала несколько книг на эту тему. Эти книги посвящены принадлежностям и памятникам культуры абсента, которые она собирает (к тому времени мадам Делаэ уже написала книгу о детских бутылочках), а также поэтам и художникам. Как она пишет в своей книге «Histoire de la Fee verte», в старинных предметах, связанных с абсентом, ее привлекает попытка ухватить неспешность и неторопливость ушедшей манеры питья, в кафе или под тенистыми деревьями французского юга, в «un climat de farniente, de douceur de vivre»* [*В атмосфере безделья, сладкой жизни (франц.)*].

Мари-Клод Делаэ настойчиво повторяла, что чешский «абсент» — не настоящий, и, в конце концов, «Зеленой Богемии» пришлось в июле 2000 года при ее содействии начать импорт абсента французского типа. В отличие от «Hill's», эта марка, «La Fee», с характерным глазом на бутылке, исключительно приятный напиток, который можно долго пить просто с водой. («Опаловый, зеленый, анисового вкуса и вообще очень вкусный, если вам нравятся такие напитки... Он очень, очень похож на "Перно", только крепче и не желтый».) Строгая Мари-Клод решительно выступает против того, чтобы смешивать абсент с чем-либо, кроме воды.

Презентация «La Fee» тоже произошла в «Граучо» и сопровождалась пышной рекламой. Особенно изящным ходом был выпуск классического лондонского двухэтажного автобуса (модель «Routemaster», выпущенная около 1960 года, с открытым вторым этажом и лестницей сзади), выкрашенного в зеленый цвет. Это новое воплощение «омнибуса в Шарантон» доезжало вплоть до севера Англии и основных городов Шотландии, где благодаря более жесткой, «русской», культуре питья «Хилл'з» уже стал популярным, знакомя людей с более мягким стилем «La Fee». На втором этаже разместили хорошо оборудованный бар с удобными сиденьями. На передней табличке автобус объявлял разные пункты назначения, например «Забывье» и более веселую «Утопию».

«Зеленая Богемия» финансировала фуршет с коктейлями после вручения «Премии Тернера» в 2000 году немецкому фотографу Вольфгангу Тиллмансу, пригласив победителя и

организаторов в здание шордического муниципалитета и буквально залив их абсентом «La Fee». Говорили, что Дэмьен Херст, который уже слыл большим энтузиастом абсента, обдумывает серию вдохновленных им скульптур.

На рубеже тысячелетий абсент вышел на передовую линию культуры приемов и стал означать способ как можно более быстрого и легкого опьянения. Это показалось бы странным представителям наркотической культуры конца 60-х — начала 70-х годов, когда многие, особенно молодежь, считали алкоголь отталкивающим. Качества абсента, сходные, по мнению некоторых, со свойствами наркотиков, дали поколению «Е» алиби для пьянства.

Непревзойденная и остроумная стратегия «Зеленой Богемии», создававшей общественный образ абсента, рекламировала его как дух «свободы». Новая свобода Праги, вошедшей после падения железного занавеса в эпоху свободного рынка, удачно сочеталась с растормаживающим воздействием полного опьянения (похожий напиток, «Перно», уже сопроводили столь же лаконичным призывом «Освободи дух»). Абсент завоевывает все большую популярность в Великобритании, где в социальном плане он стал вроде «Брит Арт» — его пьют пролетарии, а шустрые мальчишки из привилегированных школ распространяют, сотрясая весь бизнес. В отличие от более мрачных значений, закрепленных за абсентом в Америке, британское его возрождение породило самый позитивный образ из всех, какие у него бывали.

Против всего этого веселья выступило лишь несколько человек, один из которых — Николас Монсон, сорокатрехлетний наследник 11-го барона Монсона. Этот выпускник Итона был привлечен к суду после автокатастрофы, в которую он попал после того, как выпил два стакана абсента в одном баре в Челси и его, вполне справедливо, лишили водительских прав. Однако он стал бороться против приговора и подал апелляцию на «том основании, что бары не вправе подавать яд без предупреждения». «Правительство должно запретить абсент», — сказал Монсон, отец которого — председатель общества «Свобода личности». «Доказано, что от него люди просто дуреют». Монсон признал, что выпил два стакана, но не мог вспомнить, выпил ли он еще и третий, и уподобил воздействие абсента смеси особенно крепкой водки с марихуаной. Его адвокат сказал, что заявление обоснованно, «так как, когда мы идем в бар, имеющий лицензию, мы имеем право ожидать, что нас там не отравят. Этот напиток явно обладает качествами, воздействующими на рассудок». Министерство внутренних дел Великобритании исследовало абсент, чтобы определить, подпадает ли он, в связи с предполагаемыми галлюциногенными качествами, под «Акт о злоупотреблении наркотиками» от 1971 года, и обнаружили, что нет. «Он не более опасен, чем любое другое вещество, которым можно злоупотребить», — заявил официальный представитель министерства. С одной стороны, у правительства были причины испытывать благодарность к импортерам абсента. Налогообложение — это не только сбор денег, но и неявный социальный контроль, а чрезвычайная крепость абсента заслужила поистине поразительную налоговую ставку — около шестнадцати из сорока фунтов (столько стоит бутылка) идут в государственную казну.

Несмотря на государственные доходы, связанные с абсентом, министр внутренних дел Джордж Хауарт сказал журналистам, что возрождение абсента «вызвало глубокое беспокойство», и «мы будем очень внимательно следить за ним, чтобы увидеть, снизится ли продажа». Очень важно то, что уже привело к запрещению абсента во Франции, но не в Англии, — распространится ли абсент на рабочие классы, «деревенщину, любящую легкое пиво», как выражается популярная пресса, или даже на «нюхателей клея» и тех, кто балуется растворителями. В то же время, подчеркивая либеральные принципы «Зеленой Богемии», импортер Том Ходкинсон осмелился заявить, что часть «очарования» абсента — и, в сущности, одно из его «достоинств» — именно в том, что «вы показываете нос опекающей [вас, как нянька] Новой Лейбористской партии». Британский премьер-министр Тони Блэр, по

сообщению «Дейли Телеграф», заявил, что «внимательно следит за вопросом и, если абсент станет слишком популярным, запретит его».

Глава десятая

РИТУАЛЫ

Как и курение опиума, причастие или японская чайная церемония, абсент тесно связан с ритуалом. Когда люди говорят об абсенте, в их речи часто появляется это слово: «его выделяет ритуал», «красота ритуала», «в этом ритуале есть своя прелесть. Ритуал снова и снова притягивает людей к нему». Как мы уже видели, Джон Мур, впервые попробовав абсент в Праге, вспомнил «особое ощущение, схожее с применением внутривенных наркотиков», в то время как Джордж Сентсбери наслаждался «церемониалом и этикетом, которые составляют правильную манеру питья абсента, восхитительную для человека со вкусом».

Ритуалы, связанные с абсентом, включают и огонь, и воду. Недавнее возрождение абсента сопровождалось пражским огненным ритуалом. Абсент наливают в стакан, потом в него погружают чайную ложку сахара. Пропитанный абсентом сахар поджигают от спички и дают ему прогореть, пока он не пойдет пузырями и не превратится в карамель. Ложку растаявшего сахара затем опускают в абсент и размешивают, причем абсент часто загорается. Затем из графина или второго стакана в абсент наливают столько же или чуть больше воды, заливая огонь. Поджигание абсента в стакане несколько понижает его крепость, что очень удобно для баров, но основное в этом обычае — просто его новизна. Напоминает он и практику американских студенческих обществ, где поджигают ликер и подобные напитки. Мало что можно сказать в защиту этого ритуала. Во Франции XIX века его сочли бы отвратительным.

Классический метод приготовления абсента включает абсент и воду. Когда воду добавляют в хороший абсент, он становится мутным, или «*louche*»* [*Мутный, неясный, подозрительный (франц.)*], как говорят французы. Абсент белеет и становится матовым, так как вода нарушает баланс спирта и травяного экстракта, а эфирные масла тем самым выпадают в осадок из спиртового раствора в виде коллоидной взвеси. Это высоко ценилось любителями абсента, и, чтобы удовлетворить их требования, производители дешевого абсента добавляли в него отравляющие добавки, усиливавшие такой эффект, например сурьму.

Чаще всего дозу абсента наливали в стакан, который, в своей самой распространенной форме, расширялся вверх от круглой ножки, как стакан для мороженого. В отличие от винных бокалов на ножке обычно был большой шарик. Затем поперек стакана, на край, клали специальную ложку с куском сахара, и по этому куску в стакан наливали холодную воду. Старая реклама «Перно» учила: «Абсент "Pernod Fils" можно пить с сахаром или без сахара. Налейте абсент в большой стакан, а затем очень медленно подливайте ледяную воду. Для сахара используйте ложку, как показано на картинке». Казалось бы, довольно несложно, но это простое действие могло стать исключительно виртуозным.

Прежде всего правильные принадлежности. Элегантных ложечек с отверстиями выпускали столько, что их хватило бы на хорошую коллекцию. Существовали и менее понятные приспособления для сахара, например башенки или воронки, которые устанавливали на стакан. Стаканы тоже бывали разные. У некоторых было особое усовершенствование — яйцевидная полость в основании, чтобы отмерять точную дозу абсента («доза» — еще одно слово, которое часто встречается, когда говорят об абсенте; оно ассоциируется с наркотиками, но никто не употребил бы его по отношению к виски). Иногда

стекло вытраивали кислотой до уровня этой дозы, или ее отмечали каким-нибудь другим способом.

Для приготовления абсента нужен и графин воды, иногда на нем писали название марки. В некоторых барах на стойке был установлен специальный «фонтан». У графина — узкий носик, чтобы вода лилась тонкой струйкой. Именно с этого момента в игру вступают тончайшие различия, хотя смысл всей процедуры на самом деле в том, чтобы не вылить в стакан всю воду разом.

Официант был бы оскорблен, если бы стал готовить абсент для умелого любителя. Правильное приготовление — половина удовольствия; ведь пьющий добивался того, чтобы напиток был матовым именно в такой, а не иной степени. Осторожно наливая воду, он смотрел, как отдельные капли оставляют мутные следы, с той же сосредоточенностью, с которой пускают кольца дыма. На языке того времени он мог «fapper» или «etonner» абсент, или даже «battre»* [*Поразить; удивить; ударить (франц.)*], роняя капли с высоты, чтобы, в конце концов, его разбавить.

В том, чтобы капать воду сверху, была некоторая манерность. На одной карикатуре того времени изображен старый житель французской колонии в одних кальсонах, но с медалью и в шлеме из пробкового дерева с флажком наверху. Он сидит за столом, перед ним стакан абсента, а над ним, на пальме, сидит маленький арапчонок в феске и капает воду из бутылки. В романе Шарля Кро «Семья Дюбуа», напротив, есть персонаж, который, сообщив, что уже половина пятого и пора поговорить, ставит перед другом стакан абсента и наливает в него тонкую струю воды, объясняя при этом: «Нет, надо капать; наливать воду с высоты — это предрассудок. Она должна литься нежно-нежно, а потом — плюх! Получается *rigee parfaite*»* [*Букв.: «превосходное пюре», но слово «rigee» во французском языке имеет более широкое значение. Здесь примерно: смесь точно той густоты, какая нужна. (Примеч. пер.)*].

Высоту определял любитель, а вот медленный темп был необходим. В «Полете Икара» Раймона Кено приготовление абсента описывается на нескольких страницах, начинающего любителя учат не просто топить абсент в воде* [*См. Приложение I*]. Описание, передающее саму атмосферу приготовления абсента, есть и в книге «Время тайн» Марселя Паньоля. Здесь, как ни странно, это в некотором роде семейное занятие:

Глаза поэта неожиданно просияли. Затем, в глубоком молчании, началось нечто вроде церемонии.

Он поставил перед собой очень большой стакан, предварительно проверив, достаточно ли тот чист. Потом он взял бутылку, откупорил ее, понюхал и налил в стакан янтарную жидкость с зелеными отблесками. По-видимому, он с недоверчивым вниманием отмерял дозу, так как, тщательно все проверив и немного подумав, добавил в стакан еще несколько капель.

Потом он взял с подноса какую-то длинную и узкую серебряную лопаточку с узором из отверстий.

Он положил ее на край стакана, как мост, а сверху поставил два куска сахара.

Затем он повернулся к жене. Она уже держала за ручку «буль-буль», то есть шероховатый глиняный кувшин в виде петуха, и сказал:

— Теперь твоя очередь, моя Инфанта!

Грациозно опершись о бедро, Инфанта довольно высоко подняла кувшин, а потом, с безупречной сноровкой, стала лить из клюва очень тонкую струйку холодной воды на куски сахара, которые очень медленно начали таять.

Положив руки на стол и почти касаясь его подбородком, поэт внимательно следил за этой процедурой. Льющая воду Инфанта была неподвижна, как фонтан, Изабель не дышала.

В жидкости, уровень которой медленно поднимался, я видел завитки молочного тумана, которые в конце концов соединялись, тогда как восхитительно-резкий запах аниса освежал мои ноздри.

Дважды, поднимая руку, церемониймейстер останавливал воду, которая, несомненно, текла, на его взгляд, слишком быстро или недостаточно тонкой струей. Потом он с неловким

видом вглядывался в напиток, вновь обретал уверенность и одним взглядом подавал знак: «Продолжай!»

Вдруг он вздрогнул и властным жестом остановил струю воды, как будто одна лишняя капля могла мгновенно испортить священный напиток.

Часто считают, что доза неразбавленного абсента равнялась в то время примерно 30 мл (согласно «Бритиш Медикал Джорнал») или одной жидкой унции, согласно большинству американских экспертов (унция немного меньше 27,5 мл, а британская мера 1/5 гилла* [*Гилл — 1/4 пинты; пинта 0,57л.*], т. е. 1/20 пинты, равняется 28,5 мл). Это неверно или, как минимум, слишком осторожно и основано на современной системе измерения спиртных напитков. У меня есть стакан для абсента стандартного размера и формы, на котором отмечена доза в 75 мл, то есть в два с половиной раза больше вышеупомянутого объема, и, кажется, это вернее, если учесть, сколько разбавленного напитка на картинах того времени в тогдашних стаканах.

Традиционным соотношением воды и абсента было примерно пять или шесть к одному, но это зависело от вкуса. Марку «Pernod 51» называли так из-за соотношения 5:1, но рекомендовалось и соотношение четыре к одному, а современная марка «La Fee» советует разбавлять абсент в отношении от шести до восьми к одному. Одно из самых крепких сочетаний рекомендовал Барнаби Конрад в интервью одной американской газете (1997 г.): «Один-два дюйма абсента... соотношение абсента и воды должно быть примерно 1:2... его нужно пить медленно. И включите циклическую музыку, например Сати или Равеля, чтобы войти в настроение». Действительно, это настоящий ритуал, дополненный созданием особой психической атмосферы.

Вся эта фетишистская суеда с водой означает, что приготовление абсента — не только удовольствие, но и благопристойное занятие, требующее умения. Можно совершить немало ошибок. К счастью, везде, особенно — в маленьких убогих заведениях, могли предоставить полупрофессиональную консультацию «профессоров», которые надеялись, что их угостят в обмен на совет и квалифицированную помощь.

На этот социальный аспект ритуала бросает странный свет Анри Балеста в своей книге «Абсент и любители абсента», где собраны истории болезни в духе Золя. Среди всех ужасов этой книги — преувеличенных, но, возможно, небезосновательных есть интересное изображение «профессоров». Поздним утром

... профессора абсента уже были на своих позициях, да, профессора, так как пить абсент правильно и, несомненно, в больших количествах — это наука или, скорее, искусство. Они выслеживают новичков и учат их высоко и часто поднимать локоть, *мастерски вливать воду*. После десятого стаканчика, когда ученик скатывается под стол, учитель переходит к другому, все время пьет, все время разглагольствует, твердый и непоколебимый на своем посту [курсив мой. — Ф. Б.].

Давление группы вынуждает новичка пить, и, главное, пить правильно:

Это серьезное испытание для любителя. Именно здесь он может показать себя, снискать уважение, заслужить похвалу. Официант, абсент «panachee»* [*Смешанный (франц.)*]. Прекрасно!!!

Какая минута для начинающего! Сейчас он осуществит то, о чем мечтал два года. Он медленно поднимает стакан, в последний раз вглядываясь в его содержимое, затем подносит его к губам. Сейчас он выпьет. Он пьет. Желание утолено, мечта сбылась. Абсент — больше не миф. «Уфф! Какая гадость! — думает несчастный, перекосившись. — Однако все это пьют... » Мало того, за новичком наблюдают. «Какая прелесть, как своеобразно, в жизни не пил ничего подобного!» — восклицает он с восторгом, которого не разделяют его душа и желудок. Второй глоток идет лучше. Третий — совсем ничего.

В каждом кружке молодых мужчин найдется ветеран, специальность которого — «приготовление абсента». Как только он поднимает графин, разговоры прекращаются, трубки гаснут, все глаза смотрят на мастера, наблюдая за всеми деталями процедуры, не пропуская ни единой. Сам официант, сложив руки за спиной и улыбаясь за четыре су чаевых, словно зритель на хорошем представлении, одобрительно кивает головой. Ветеран, ощущая себя центром внимания, тайно наслаждается всеобщим восторгом и старается быть достойным его. Он держит графин свободно и легко, поднимает его до уровня глаз изящным движением, затем по капле льет воду в стаканы с медлительностью эксперта, так, чтобы постепенно воздействовать на соединение двух жидкостей.

Вот он, тайный пароль любителей абсента. По тому, с каким шиком исполняют эту деликатную операцию, знатоки, к несчастью для неопытного новичка, узнают настоящего профессионала. Сам официант участвует в деле, помогает создать общее мнение — сочувственно пожимает плечами и самым пренебрежительным тоном, на который он способен, бормочет: «Ну и тип! Даже абсент приготовить не может».

Язык питья еще больше раскрывает *modus operandi* абсента и обнаруживает больше способов приготовления. Можно было не только «задушить попугая» или купить билет в Шарантон, и не только *frapper*, *etonner* и *battre* абсент, но и заказать «*puge*», то есть абсент без сахара (или намного реже — без воды, неразбавленный), который не нужно путать с «*pugee*», то есть абсент с очень небольшим количеством воды, густой, как суп, в частности — «*pugee des pois*»* [*Гороховый суп (франц.)*], который, в свою очередь, был вульгарным и военным названием крепкого абсента.

Стандартным или главным видом абсента был «*absinthe au sucre*»* [*Абсент с сахаром (франц.)*], но существовали и небольшие отклонения от нормы. «*Absinthe anisee*» — это абсент с добавкой аниса, а «*une bourgeoise*» или «*une panachee*» — абсент с анисовым ликером. «*Absinthe gommee*» — более сладкий за счет сиропа камеди. Считалось, что камедь и анисовый ликер делали абсент «*une suisse*»* [*«Швейцаркой» (франц.)*], «женственным» (так как «швейцарка» слаще, чем «*suisse*», «швейцарец»). Подслащали абсент и оршадом (примерно чайная ложка оршада на порцию), а в «*Vichy*» равные доли абсента и оршада сочетались с обычным количеством воды. Абсент с оршадом в военных кругах назывался «*Bureau Agabe*»* [*Арабский отдел (франц.)*] (отдел этот занимался колониальными делами), и название имело в виду смесь нежного и жесткого, как «железный кулак в бархатной перчатке», или даже «хороший полицейский/плохой полицейский».

Название «*tomate*» было менее зловещим, оно означало просто красный напиток из абсента с несколькими каплями гренадина и обычным количеством воды. «*Absinthe minuit*», или «полночный абсент», — это абсент с белым вином, а «*absinthe vidangeur*», или «абсент мусорщика», — абсент с красным вином. «*Minuit*» вполне можно пить, а вот «*vidangeur*» пили, скорее, с горя. Тулуз-Лотрек, на свою беду, любил «*tremblement de terre*»* [*Землетрясение (франц.)*], то есть смесь абсента с бренди. Несомненно, стоит избегать «Крокодила» — треть рома, треть абсента и треть «*trois-six*»* [*Виноградный спирт в 36 градусов, то есть неочищенный бренди, как в стихотворении Бодлера, «Une Beotie Belge»*]. Этот рецепт изобрел польский анархист, участвовавший в злополучной Парижской коммуне.

Французская культура абсента XIX века не была культурой коктейлей, и настоящий абсент действительно не слишком подходит для коктейля из-за сильного анисового привкуса. Тем не менее коктейли с абсентом были популярны в Англии 20-х годов XX века. Мартини с абсентом, который готовил Энтони Патч в романе Фицджеральда «Прекрасные и проклятые», состоял наполовину из джина, наполовину из вермута, с добавлением абсента («для правильной стимуляции»), и в «Книге коктейлей "Cafe Roya-e"» У. Дж. Тарлинга (1937) есть рецепты коктейлей с абсентом. Среди коктейлей, в которых много абсента, можно назвать «Креолку» (треть абсента, две трети сладкого вермута), «Герцогиню» (треть сухого вермута Мартини, треть сладкого вермута Мартини, треть абсента), «Счастливые глазки» (треть мяты, две трети абсента), «Макарони» (треть сладкого вермута Мартини, две трети абсента), «Подхвати меня» (треть коньяка, треть сухого Мартини, треть абсента) и

«Обезьяньи железы» (две трети сухого джина, треть апельсинового сока, две дозы абсента, две дозы гренадина). Собственно «Абсент» — более классический напиток, в книге Тарлинга он состоит из половины абсента и половины воды, с добавлением сиропа и ангостурского биттера; его взбивают в шейкере и подают в бокале для коктейлей.

Более живописные коктейли можно найти в кибер-журнале «Так сказал Пруст», где автор одной статьи вспоминает, как он пил абсент, когда служил в Юго-Восточной Азии около 1985 года. Так как в США абсент запрещен, американским военнослужащим его нельзя пить нигде.

Мое первое знакомство с абсентом произошло в освещенном стробами, чересчур большом баре в Окинаве. То, что я пил, было не зеленой феей «Прекрасной эпохи», а «Лиловым туманом» города Коза — фиолетовой, кисло-сладкой, опасной смесью джина и абсента, которую мы обычно пили после разведывательных заданий, чтобы вымыть из мозгов радиоболтовню. Япония — одно из немногих мест на земле, где все еще можно выпить абсента в баре, но как американский гражданин, обладавший доступом к сверхсекретной информации, я теоретически рисковал своим местом каждый раз, когда его заказывал. <... >

Разные бары в городе подавали свои собственные варианты основной формулы «Лилового тумана», с уточняющими прилагательными, по которым можно было судить, как много абсента в смеси, — Стандартный, Супер, Особый, Экстра и т. д. Мой друг Такео из рок-бара «Лиловый туман» (реальное название) придумал жуткую смесь, которую он назвал «Большой пожар», —

напиток, похожий на боеголовку, увенчанную грибовидным облаком абсента, занимавшим две трети стакана. Как ни странно, он был вкусный, чрезвычайно крепкий и необычно красивый под черными огнями, на втором этаже на улице Гейт-Ту...

Абсент со «Спрайтом» или «Сеვენ-Ап» тоже имел своих приверженцев и в Новом Орлеане, и в Лондоне, несмотря на то, что он лишен удовольствий и утешений ритуала.

Мы не рассказали о двух других классических способах приготовления абсента, один — со льдом и другой — с водой. Абсент со льдом был больше популярен в Америке, чем во Франции, особенно в Новом Орлеане, где классический «absinthe frappe» делали так: выливали рюмку абсента на мелко натертый лед. Затем в стакан клали ложку для абсента или ставили специальный маленький стаканчик с отверстием в дне, в который заранее клали кусок сахара, и медленно лили по сахару воду, часто — из «фонтана», специального крана, стоявшего на стойке. В конце операции все это размешивали ложкой и процеживали. Последний классический метод, который сейчас редко используют, это метод с двумя стаканами, описанный Сентсбери и Кернаганом. Маленькая рюмка с абсентом ставится в более крупный пустой стакан, и воду медленно наливают в рюмку, от чего жидкости смешиваются и переливаются в большой стакан. Когда в рюмке остается чистая вода, жидкость в большом стакане готова к употреблению.

Последнее слово о приготовлении абсента должно остаться за «Валентином» (литературный псевдоним Анри Буретта), который написал сонет, проиллюстрированный многими карикатуристами. Медленное описание ритуала во всей его преувеличенной тщательности он завершает словами: «И наконец, чтоб это увенчать, / Возьмите с осторожностью стакан / И выплесните побыстрее в окно».

Глава одиннадцатая

ЧТО ЖЕ ДЕЛАЕТ АБСЕНТ?

Если отбросить ритуал, из-за чего столько шума? Что, собственно, делает абсент? В самом сердце легенды о нем, за пределами декадентства, богемы и злого рока, существует представление о том, что он вызывает особое опьянение. Абсент часто именуют, с различной степенью неточности, наркотиком и даже галлюциногеном. В умеренных дозах он

ассоциировался с вдохновением «новыми идеями и уникальными ощущениями» и необычно «ясной» формой опьянения, то есть просто эйфорией.

Современные американские любители абсента, часто изготовленного в домашних условиях, кажется, склонны это подтверждать. Они сообщают, что «кроме обычного алкогольного кайфа он создает какое-то облако эйфории, от которого не цепенеет мозг, как от других наркотиков. Ты не смотришь в стену, ты смотришь "за пределы стен", испытывая не ту эйфорию... что от алкоголя или марихуаны. Возникает ясность, которой они не порождают». И еще восторженной: «Он проясняет, собирает, фокусирует ум, в то же время оставляя открытой какую-то дверцу в бессознательное, откуда проникают мысли. Когда осуществлен ритуал приготовления, с первым глотком... весь мир становится стихами».

Эти энтузиасты абсента (что довольно любопытно, все трое — женщины) пишут элегантно, чем журнал «Clinical Toxicology Review»* [*«Обзорение клинической токсикологии» (англ.). (Примеч. пер.)*] (орган Массачусетской Системы контроля за ядами), но общие знаменатели узнать нетрудно:

Употребляющие абсент отмечали «двойное свойство» его воздействия: опьянение этанолом, а также совершенно особое ощущение (эйфория, чувство воодушевления, легкие зрительные галлюцинации), которое следует приписать влиянию полыни. Прием абсента повышал настроение и обострял восприятие, что является причиной как его привлекательности, так и возникновения физиологической зависимости [sic], наблюдающейся у людей, хронически употребляющих абсент.

Абсент вызывает вполне реальное опьянение, но люди продолжают спорить, до какой степени оно вызвано спиртом. Один пражский журналист приводит слова человека, утверждающего, что капли горящего сахара, падая в абсент и повышая его температуру, увеличивают «галлюциногенную силу». Свидетельство это любопытно еще и потому, что марка абсента, о которой идет речь, практически не содержит полыни. Анекдотические сообщения о галлюциногенной мощи марки «Hill's» (например, «вызывает необычайно яркие сны, сюрреалистические и непристойные») тоже интересны, так как в действительности он не содержит почти ничего, кроме спирта, действие которого, возможно, незаслуженно недооценивают.

Вероятно, опьянение, которое вызывает абсент, связано с самовнушением или, точнее, с некоторой двусмысленностью, как в случае «кайфа» от марихуаны, который, по мнению психофармакологов, зависит от обучения и от культурных ожиданий. В этой связи можно привести очаровательный отчет Тома Ходкинсона, который дает представление и о юморе, сделавшем абсент таким популярным в Англии. Щеки у тебя пылают, говорит Ходкинсон, и «на тебя накатывает смешливое опьянение». Мало того:

Наверное, так же важно, что можно мнить себя распущенным божественным поэтом во Франции XIX века, который прежде, чем набросать несколько строф, перекидывается шутками с Бодлером. Потом, хохоча как одержимый, ты поколотишь свою подружку, а после бросишься на латунную кровать с криком: «Я хочу умереть!»

Да, это не шутка! Неудивительно, что, выпив абсента, мы снова выходим за пределы. Ходкинсон продолжает:

Если вам кажется, что после нескольких стаканов пива вы начинаете нести чепуху, подождите, пока не услышите непередаваемую абракадабру, которая полетит после двух-трех коктейлей с абсентом. Как заметил один любитель, абсент порождает высококачественный абсурд художественного толка, а другие напитки — лишь низменные разглагольствования.

Абсент может порождать опьянение особого рода, но он вызывает особый и узнаваемый синдром, абсентизм, который начали отмечать еще в 50-е годы XIX века. У страдавших им отмечали спутанное сознание и умственную заторможенность; кроме того,

они были склонны к мании преследования и кошмарным галлюцинациям. Изучение синдрома получило толчок после диссертации Огюста Моте «Об алкоголизме и отравляющем воздействии на человека ликера абсент» (1859), за которой последовали исследования Марса и Маньяна. Напомним то, что мы уже знаем из седьмой главы: изучив эпилептические состояния, отмечавшиеся у любителей абсента, Маньян обнаружил, что спирт опьяняет и, в конце концов, убивает животных, но только полынь приводит их в возбуждение и затем вызывает у них эпилептические конвульсии.

Эмиль Лансеро рисует мрачную картину абсентизма в 1880-е годы, описывая жуткие галлюцинации и эффект «мерцающего света», которыми страдали больные этим синдромом. Пациенты Лансеро видели кровожадных животных; стояли на краю пропасти; испытывали зуд, словно у них по коже ползают насекомые; слышали вой, крики, угрозы и страдали манией преследования. Паранойю, возникавшую при злоупотреблении абсентом, описал Ив Гюйо в монографии «Абсент и мания преследования» (1907).

Механизм воздействия абсента так и не был раскрыт, но представление о синдроме стало общепринятым, как и мнение о том, что, хотя содержание спирта в абсенте выше, чем в других алкогольных напитках, его кошмарное воздействие обусловлено чем-то другим. По словам британского медицинского журнала «Ланцет», «Лансеро считал, что эфирные масла полыни и других компонентов абсента намного более токсичны, чем спирт, в котором они растворены». Более того, «влечение, которое этот ликер вызывает у женщин даже в большей степени, чем у мужчин, объясняется тем, что он содержит эфирные масла». Лансеро проводил аналогию между любителями абсента и людьми, чье пристрастие к одеколону, лавандовой воде и экстракту пармских фиалок, по его мнению, вызвано не просто спиртом, но «высокотоксичными эфирными маслами, содержащимися в духах». «Многие из тех, кто пьет духи, — женщины, и некоторые из них также приобретают зависимость от морфина, героина и кокаина».

Главным подозреваемым, конечно, уже давно была полынь. Еще в 1708 году в книге «De Veneris» («О ядах») Йохан Линдестолоф, ссылаясь на свой личный опыт и опыт своего коллеги Стензелиуса, недвусмысленно сообщал, что продолжительное употребление полыни вызывает «серьезное повреждение нервной системы». К концу XIX века активный компонент полыни наконец привлек более пристальное внимание ученых. В 1900 году немецкий химик Земмлер вывел правильную структуру туйона, хотя сначала он назвал его танацетоном, так как исходным экспериментальным материалом было масло пижмы. Оказалось, что это вещество идентично туйону, выделенному Валлахом, другим немецким химиком. Туйон встречается во многих растениях, но название свое он получил благодаря присутствию в эфирном масле, которое можно дистиллировать из *Thuja occidentalis* (белого кедра) и других хвойных деревьев группы туи восточной. Есть он и в некоторых столовых приправах и идентичен не только танацетону пижмы, но и сальванолу шалфея.

В 1903 году доктор Лалу определил, что туйон в немалой степени ответственен за воздействие абсента, установив его родственные связи с другими экстрактами, например с экстрактами пижмы, шалфея, иссопа, фенхеля, кориандра и аниса. Туйон — терпен, близко родственник камфары и ментола, который очень сильно напоминает запах чистого туйона. Мазь для растираний и ингаляций против простуды «Vicks» наряду с другими терпенами содержит и туйон. Активный компонент марихуаны тетрагидроканнабинол (ТГН) так же относится к группе терпенов, как и миристицин, содержащийся в мускатном орехе. Многие другие компоненты абсента, которые в достаточной концентрации тоже вызывают конвульсии и эпилептические припадки, содержат свои собственные терпены, например иссоп (пинокамфон) и фенхель (фенханол).

Сегодня туйон относят к классу конвульсивных ядов. К началу Первой мировой войны ученые достаточно подробно описали его воздействие на нервную систему, но

причины этого воздействия все еще не знали. Он вызывает возбуждение автономной нервной системы, за которым следуют потеря сознания и конвульсии. Непроизвольные и

интенсивные сокращения мышц вначале имеют клонический характер (быстрые и повторяющиеся, с расслаблением между приступами), а затем переходят в тонические (продолжительные и неослабевающие). Большие дозы туйона вызывают припадки, а потом — и смерть. Конвульсии, намеренно вызванные при помощи камфары и туйона, изучали в 20-е годы XX века как модель эпилепсии, а до изобретения электрошоковой терапии применяли при лечении шизофрении и депрессии.

А теперь, держа в уме свежий, хвойный, отгоняющий моль, стимулирующий ум запах камфары, туйона и других терпенов, рассмотрим случай Винсента Ван Гога.

Винсент Ван Гог (1853-1890) давно уже мифологизирован как важнейшая часть существа, с которым мы встретились в седьмой главе, «богемного чудовища конца XIX века, аристократического карлика, который отрезал себе ухо и жил на острове Южных морей». На самом деле Ван Гог далек от богемности — он был глубоко религиозным и одиноким человеком, жил среди бедняков, пытался помогать им и получал за свои труды лишь удары в челюсть. Тем не менее он, в конце концов, стал одной из самых ярких жертв абсента.

Не пытаясь ухватить реальные зрительные впечатления, Ван Гог просто помешался на выразительных и чисто символических качествах цвета, проложив, таким образом, дорогу экспрессионизму. В картине «Ночное кафе», например, с ее искаженной перспективой и преобладанием зеленых и желтых оттенков, он, по его собственным словам, «пытался выразить силы тьмы, обитающие в грязном кабаке, при помощи малахитового и мягкого зеленого оттенка в духе Людовика XV, контрастирующих с желто-зеленым и резкими сине-зелеными оттенками, и все это в атмосфере, напоминающей печь дьявола или светлую серу». Говорят, что Ван Гог пристрастил к абсенту Тулуз-Лотрек. В 1887 году тот нарисовал пастельный портрет Ван Гога, перед которым стоит стакан абсента. В том же году Ван Гог нарисовал натюрморт «Абсент», где изображены стакан абсента и графин с водой. В «British Journal of Addictions»* [*«Британский журнал исследования наркотической зависимости»*] У. Р. Бетт рисует зловещую картину питья абсента и его предполагаемого воздействия на творчество Ван Гога. О сгущенности стиля в духе Марии Корелли можно судить по включенному в рассказ портрету Тулуз-Лотрека:

Какой-то сатир, карлик с гигантской головой, огромным толстым носом, отталкивающими алыми губами, черной густой бородой, злобным близоруким взглядом... опирается на крошечную трость. Символ мерзости и разложения, он стоит около мусорного ящика, отравляя ночь своими миазмами. Он садится за мраморный столик, и его бравурно приветствуют те, кто растратил свою жизнь, а теперь позволяет жизни растрачивать себя; те, кто пьет абсент с безнадежной надеждой. Зеленоглазая фея поработила их умы, украли души. Он пачкает ночь грязной и непристойной руганью, символ мерзости и разложения.

Крайности жизни Ван Гога и, в буквальном смысле, его видения заставили комментаторов выйти за пределы моды на романтизированные психо-биографии в чисто клиническую сферу. Многие пишут, что творчество Ван Гога и его обращение с цветом и светотенью вызваны шизофренией, эпилепсией, глаукомой, порфирией, дигиталисной интоксикацией и интоксикационным психозом, который, в свою очередь, вызван абсентом. Так, во всяком случае, считает Альберт Дж. Любин в психобиографии Ван Гога «Чужестранец на земле» (1972)* [*По-видимому, отсылка к словам из Нового Завета: «... странники и пришельцы на земле» (Евр, 11: 13). (Примеч. пер.)*]. Творчество Ван Гога — настоящий подарок для школы художественной критики «На чем он сидел?». Уилкинс и Шульц полагали, что причудливо искаженная перспектива «Ночного кафе» «могла быть результатом видений, которые он испытывал в начале эпилептических припадков», а также «абсента, одной из его обычных слабостей... который, как известно, воздействует на затылочную долю, контролирующую зрение».

Ван Гог становился все более эмоционально неустойчивым и в последние два года своей жизни пережил полдюжины психотических кризисов. По крайней мере, некоторые из них были вызваны пьянством. Его друг Гоген пытался помочь ему, но характер Ван Гога был для него слишком тяжелым. Однажды вечером они оба пили абсент, и вдруг Ван Гог бросил свой стакан в Гогена. На следующий день случился печально известный инцидент, когда он отрезал часть своего левого уха и отдал ее проститутке. (Сам Гоген был более благополучным и уравновешенным. Однажды в 1897 году, получив по почте чек от своего парижского агента, он написал другу с Таити: «Сижу перед домом, курю сигарету и попиваю абсент... ни о чем в этом мире не забота».)

Психическое состояние Ван Гога ухудшалось, он начал страдать от галлюцинаций и припадков эпилепсии. Он пил очень много коньяка и абсента и, наряду с другими странностями поведения, пытался пить терпентин, вязкую жидкость, выделяющуюся из хвойных деревьев. Об этом убедительно пишет Уильфред Нильс Арнольд, основываясь на том, что туйон относится к группе терпенов. Он предполагает, что у Ван Гога развилась явная склонность к веществам, химически родственными туйону, в особенности к пинену и его сестре, камфаре, которой он тоже себя опаивал. Ван Гог писал своему брату Тео: «Я борюсь с бессонницей с помощью очень, очень сильной дозы камфары в подушке и матрасе. Если ты когда-нибудь не сможешь уснуть, рекомендую это тебе». Арнольд напоминает читателям, что камфара по химической структуре идентична туйону, у них сходная фармакодинамика, а современный анализ камфарного масла показал, что кроме самой камфары оно содержит пинен и другие терпены.

Примерно в то же время Ван Гог посетил Синьяк, которому пришлось его удерживать, когда он пытался выпить из бутылки почти кварту скипидарного масла. Как пишет Арнольд, обычно это считали просто безумным поведением, но в скипидаре много пинена и других терпенов. Более того, эта странность, возможно, равносильна геофагии — извращенным вкусам, которые бывают у беременных женщин. Эта теория может пролить свет на необычные поступки Ван Гога в последние два года его жизни, скажем — попытки есть масляные краски, которые до этого считались нелепыми и необъяснимыми.

Среди возможных заболеваний Ван Гога называют и порфирию — нарушение обмена веществ, часто врожденное, которое может время от времени вызывать психические отклонения. Предполагают, что «безумный» Георг III страдал именно порфирией. Кроме прямого воздействия на нервную систему туйон обладает другими фармакологическими действиями, в частности — препятствует синтезу порфирина, и столь эффективно, что его использовали в опытах над животными, чтобы искусственно спровоцировать острую перемежающуюся порфирию. В статье 1991 года в «British Medical Journal»* [*«Британский медицинский журнал»*] Лофтус и Арнольд высказывают предположение, что Ван Гог страдал этой самой болезнью, и гипотеза кажется разумной, если учитывать порфирогенный эффект терпеноидов.

Ничто из этого, конечно, не объясняет творчество Ван Гога, но может кое-что прояснить в его жизни, которая во всех отношениях становилась все более невыносимой. Ван Гог, с его склонной к видениям душой и явно нарушенной нервной системой, получал огромное удовольствие от созерцания звезд и писал своему брату Тео:

... глядя на звезды, я всегда мечтаю так же просто, как мечтаю над черными точками на карте, изображающими города и деревни. Я спрашиваю себя, почему до сверкающих точек на небе добраться труднее, чем до черных точек на карте Франции? Чтобы добраться до Тараскона или Руана, нужно сесть в поезд, чтобы добраться до звезды, нужно умереть. В этом рассуждении есть одна несомненная правда — пока мы живы, мы не можем достичь звезды, как мертвец не может сесть в поезд.

Утром 27 июля 1890 года, уходя рисовать, Ван Гог взял с собой пистолет и днем выстрелил.

Поисковая группа нашла его после того, как вечером он не вернулся домой. Через два дня он умер, и с этого начался один из самых странных эпизодов его отношений с туйоном, который он так страстно любил и который, кажется, в определенной мере управлял его жизнью. Ван Гога похоронили на местном кладбище, и его друг доктор Гаше купил для украшения могилы дерево. Это была туя, которая позднее была определена учеными как характерный источник туйона. Спустя пятнадцать лет, когда истекла краткосрочная аренда места на кладбище, тело Ван Гога эксгумировали, чтобы захоронить рядом с могилой его брата Тео. Когда гроб откопали, стало видно, что корни туи полностью оплели его, словно в последнем кадре фильма ужасов. По словам одного из очевидцев, корни эти «как будто держали его в крепких объятиях».

Тело перенесли, а дерево пересадили в сад доктора Гаше. Оно сохранилось до наших дней.

Поскольку в последние годы американцы особенно злоупотребляют полынью «ради отдыха», туйон захватывает в свои щупальца все больше людей. Наркотики входили в культуру хиппи, как и магазины «трав», в которых продавались папиросная бумага, люцитовые водяные трубки, бусы, футболки, психоделические открытки и «наркотические» комиксы (в Лондоне было несколько таких магазинов на Портобелло-роуд, и они существовали еще долго после эпохи расцвета).

В 1973 году Адам Готтлиб опубликовал «Законный кайф», полезный маленький компендиум в духе тогдашней тенденции «кури все подряд». В те годы ходили рассказы о том, что кто-то умер, когда ввел себе в вену арахисовое масло. Большинство веществ, рекомендуемых в книге Готтлиба, оставались законными, так как только дураку могло прийти в голову принимать их. И вот, после алфавитного каталога травяных ужасов (процитируем наугад: «Воздействие: рвота, интоксикация, ускоренное сердцебиение, за которыми следуют три дня слабости или сна»), мы наконец доходим до полыни. Среди активных компонентов перечислены «абсинтин (димерный гваянолид), анабсинтин и летучее масло, главным образом состоящее из туйона». Любопытные найдут совет: для получения абсента соедините горькое эфирное масло, разведенное в спирте, с «Перно» или анисовой водкой, и вы узнаете, что эта смесь дает наркотический эффект. Автор предупреждает, что, кроме того, она может вызвать зависимость и нанести ущерб физическому и умственному здоровью, а туйон может вызвать ступор и конвульсии. Сушеную полынь продавали в калифорнийской компании «Травы волшебного сада», а у Вудли Гербера — смесь с сушеной полынью для приготовления абсента, причем «исключительно для исторической справки».

Культура питья абсента, приготовленного в домашних условиях, набирает в Америке силу. В самом простом виде это просто вымоченные в водке или «Перно» листья полыни. Некий «Кёрт» сообщает в интернете, что вымачивает около двух унций полыни в спирте и ангостурском биттере, добавляет туда унцию анисового масла и настаивает смесь около пяти дней. Он пишет о своих ощущениях: «Одна рюмка может (совершенно не вызывая опьянения) действительно разбудить меня и обеспечить два часа яркого воображения и бодрой эйфории... Я чувствовал себя вдохновленным и воодушевленным, но в то же время и пьяным. Зрение было немного нарушено (что заметнее в темноте). Я был в восторге и возбуждении, это совершенно особенное чувство, и все — благодаря абсенту, ведь спирта я выпил не больше унции». Кёрт полюбил свою «полынную настойку» (и стал пробовать более сложные рецепты с петрушкой, фенхелем и анисом), но в конце концов заметил, что память у него сильно ухудшилась, хотя он перестал все это пить. Свой рассказ он завершает словами: «Буду держать вас в курсе (если не забуду!)».

Насколько можно судить, о нем больше ничего слышно не было. Позже масло полыни стали рекламировать через интернет как «травяную диетическую добавку», хотя непонятно, что оно добавляет, в полыни нет витаминов. Добавка снабжена заверениями в том, что полынь вырастили без химических удобрений, хотя уж это — последнее из беспокойств.

Одна высококачественная марка продается в красивой упаковке с этикеткой, очень похожей на марку анисовой водки «pastis», в которой нет полыни. Этикетки так похожи, что покупатели вполне могут решить, что им советуют соединить эти напитки. Абсент в Америке сейчас ассоциируется с готической и магической субкультурами, последнюю из которых неявно пропагандирует маркетинг полынного масла. Покупателям сообщают, что, по общему мнению, абсент изначально готовили ведьмы, и версия эта подкрепляется любопытными этимологиями: англосаксонское слово «wergmode» (полынь) якобы означало «ware-mood», или «сохраняющий разум», а родственное древнеанглийское слово «wergmod» — «мать духа».

Кроме того, масло полыни продавалось для массажа и ароматерапии и в газетные шапки попало, когда один человек чуть от него не умер (1997 г.). Заинтригованный тем, что он прочел об абсенте в интернете, житель Бостона тридцати с небольшим лет купил немного масла в интернет-магазине ароматерапии. Он выпил малую долю унции, но позднее, когда пришел отец, был «возбужден, дезориентирован и говорил бессвязно». Врачи скорой помощи отметили у него тонические и клонические приступы с «декортикационными позами», а в приемном покое он был «апатичным, но агрессивным». Кроме того, у него отказали почки, а потом — на второй день — и сердце.

Он выжил, пролежав больше недели в больнице. Три вашингтонских врача, лечивших его, опубликовали историю его болезни в медицинском журнале «New England Journal of Medicine», выразив обеспокоенность тем, что токсичные вещества легко купить в интернет-магазинах. Об этом случае много писали в газетах, и — может быть, несправедливо — человек этот прославился глупостью. На самом деле его переписка с владельцем сайта www.gumborpages.com, великолепного интернет-ресурса о Новом Орлеане, который повсеместно обличали, после того как врачи обвинили сайт в распространении сведений об абсенте, показывает, что он вполне разумный, точно выражающий свои мысли и думающий человек.

Я — тот, кто выпил масло полыни... Кажется, Вы имели несчастье быть упомянутым в этой связи, однако это всего лишь невезение. В невезении я теперь прекрасно разбираюсь.

Я согласен с Вами, обвинять интернет — преждевременно и, должно быть, лицемерно.

Никто их не спутал [масло полыни и абсент]. Я просто допустил ошибку в математических расчетах и принял слишком много этого масла.

Прошу простить меня за неудобства, которые я Вам причинил.

Общественное мнение было совершенно другим. Как напоминала в то время читателям одна американская газета, «абсент... запрещен почти во всех странах много десятилетий назад, так как он — что бы вы думали? — ядовит».

Даже самые искушенные из пылких любителей самодельного абсента не застрахованы от случайного отравления. Одна из трех женщин, на которых я ссылался в начале этой главы, сообщает о печальном случае:

Я попробовала добавить экстракт полыни в недавнюю партию ... получилось очень хорошо... но я не подумала о добавке, выпила немного больше, чем надо... и мне стало очень плохо. Я видела «следы», сильно тревожилась, словом, испытала галлюциногенное воздействие абсента. Доходить до этой точки опасно.

Довольно часто абсент сравнивали с марихуаной, даже называли «жидким косяком». Люди могут и хотят верить в эту аналогию по культурным причинам. В частности, на это повлияла уже опровергнутая статья Дель Кастильо с соавторами «Марихуана, абсент и центральная нервная система» (1975). Авторы писали о поразительном сходстве физиологических воздействий, о которых сообщают курильщики марихуаны и любители абсента. Вводы частично основывались на статье об абсенте для журнала «Playboy» 1971 года, написанной Морисом Золоту, который сообщал читателям, что абсент — «один из лучших и самых безопасных афродизиаков, когда-либо изобретенных людьми».

Дель Кастильо и его соавторы указали, что туйон и тетрагидроканнабинол — терпеноиды, обладающие сходной молекулярной структурой, и предположили, что они производят свои психотомиметические действия, воздействуя на один и тот же рецептор мозга. Пишут они и о том, что предположительное совпадение интересно с исторической и социологической точек зрения. Это было бы интересно, если бы оказалось правдой. Но абсент и марихуана действуют по-разному. Марихуана может вызывать кратковременное возбуждение, иногда — после приступов тревожности, но она — очень слабый галлюциноген и в итоге притупляет сознание. Туйон, напротив, имеет стимулирующее действие; в конце концов, это — смертельный сверхраздражитель и конвульсивный яд.

Путешествуя по отдаленному гористому региону Афганистана, Эрик Ньюби отметил, что его лошади часто останавливались, чтобы поесть полыни, «*artemisia absinthium*, к корню которой они имели зловещую тягу». От этого они становились «чрезвычайно резвыми, возможно, благодаря тому, что корень *absinthium*, которым они наедались, — в сущности, афродизиак». Туйон оказывает стимулирующее действие и на крыс, а в одном эксперименте он, по-видимому, обострял их ум. Исследователь Пинто-Сконьямилио в 1968 году показал, что от туйона они становятся активнее, а не слишком сообразительные якобы лучше учатся. Пинто-Сконьямилио поднял и более важный, грозный вопрос. Он предположил, что туйон может накапливаться, ссылаясь на более ранний эксперимент, в ходе которого обнаружил, что крысы аккумулировали около 5% в день от дневной дозы. К тридцать восьмому дню у них начинались конвульсии, что снова возвращает нас в Париж XIX века. Небольшие регулярные дозы, очевидно, накапливаются в организме, а затем производят токсичные, психотропные и галлюциногенные воздействия.

Итак, как же действует туйон? Исследователи постепенно вбивали все больше гвоздей в гроб теории об общем рецепторе туйона и каннабиноида. Окончательно ее похоронил Мешлер с коллегами в 1999 году; а в 2000 году Кэрин М. Хоулд и ее соавторы в конце концов установили, что туйон, в отличие от каннабиноида, воздействует на систему мозговых рецепторов ГАМК (гамма-аминомасляной кислоты). Она препятствует запуску нервных синапсов или сдерживает его, но под воздействием ее блокаторов, например туйона, нейроны выскакивают слишком легко и начинают носиться с дикой скоростью, из-за чего передача сигналов в мозге выходит из-под контроля. Сдерживающий эффект кислоты необходим для тонкой «настройки» мозга, и его утрата приводит к нервической дрожи и конвульсиям. Бензодиазепиновые транквилизаторы, например валиум, обладают успокаивающим воздействием, так как повышают эффективность ГАМК; их можно считать противоположностью, или противоядием от блокаторов. Никотин, с другой стороны, усиливает воздействие туйона, понижая конвульсивный порог. Помимо открытия того факта, что туйон блокирует рецепторы ГАМК у млекопитающих, Хоулд и ее коллеги обнаружили, что отравление туйоном имеет сходный эффект с прототипичным блокатором ГАМК пикротоксином, растительным конвульсантом, содержащимся в различных видах астрагала, который характеризуется теми же симптомами и противоядиями.

Более того, некоторые органические инсектициды, скажем — дильдрин и ДДТ, действуют за счет блокирования ГАМК, и мухи, устойчивые к дильдрину, оказались устойчивыми к туйону. Симптомы острого отравления ДДТ (возбудимость, клонические и тонические конвульсии, иногда приближающиеся к эпилепсии, и тому подобное) кажутся очень знакомыми исследователю полыни и туйона. Ни одно из этих воздействий не связано с алкоголем. Мало того, алкоголь, как и бензодиазепиновые транквилизаторы, попадает в список противоядий от конвульсивного отравления туйоном, ДДТ или дильдрином.

Итак, абсент, по всей видимости, заставляет терять контроль в нескольких смыслах. В конечном итоге, у фармакологического действия полыни («выращенной без химических удобрений» или с их применением) больше общего с ДДТ, что напоминает скорей коктейль 1940-х годов «Микки Слим», чем марихуану.

Все это звучит мрачно, но так же выглядят и результаты острого отравления никотином. Читая о них, трудно поверить, что Лист однажды сказал: «Хорошая кубинская сигара закрывает дверь пошлостям этого мира». Опынение полынью, по мнению многих, приятно в умеренных дозах, а возрастающая активность нейронов частично ответственна за возбуждение и вдохновение, приписываемые настоящему абсенту. Важно соблюдать правильную дозировку.

Можно предположить, что абсент XIX века содержал больше полыни, чем современные марки, хотя бы потому, что раньше он, видимо, был чрезвычайно горьким. Мне не приходилось пробовать абсент, который нужно подслащивать сахаром. Эту гипотезу подтверждают цифры, хотя оценки тут разные. Директивы Европейского союза запрещают, чтобы абсент содержал более 10 частей туйона на миллион, или 10 мг на килограмм, а марка «Hill's», например, содержит чисто символическую дозу в 1,8 мг (в то время как «Sebor» и «King of Spirits», по всей видимости, содержат все 10). А вот в эпоху своего расцвета во Франции абсент, по некоторым подсчетам, содержал от 60 до 90 мг туйона. Один источник оценивает этот показатель даже в 260 мг и добавляет, что, если учесть дополнительный туйиловый спирт в полыни, он мог достигать 350 частей на миллион.

Самые крепкие из промышленных марок абсента сегодня — это швейцарский абсент «La Bleue», содержащий 60 мг туйона и, по-видимому, обладающий сомнительным правовым статусом даже в своей стране, и «Logan 100», чешская марка, содержащая 100 мг туйона при немного меньшей крепости спирта, чем обычно характерно для абсента. Последняя марка специально разработана для тех, кто очень уж хочет испытать «инъекцию» туйона. Поклонник «La Bleue» сообщает: «После одного стакана я был в полном порядке, после двух — в абсолютном порядке, после трех — хладнокровно трезвым и очень чувствительным к свету, а после четырех начал испытывать сложности с ориентацией в пространстве, но все еще был умственно собран. Основываясь на этом личном опыте, я предполагаю, что в этой марке довольно много туйона...»

Учитывая, что спирт — депрессант, а туйон — стимулятор, настоящий абсент следует отнести к классическим наркотическим смесям, составленным из стимулятора и депрессанта. К ним относятся кофе с коньяком, ужасающие сочетания амфетаминов с алкоголем, настоящие наркотические смеси кокаина с героином, и даже кокаиновое вино «Vin Mariani». Этот дальний родственник «Кока-колы» содержал 6 мг кокаина на жидкую унцию вина и пользовался огромной популярностью во время золотой эры абсента. Среди прочих его высоко ценили Ибсен, Золя, Жюль Берн и папа Лев XIII, который даже наградил Мариани золотой медалью за заслуги перед человечеством.

Наркотик абсент или нет, жюри присяжных все еще не решило, хуже ли он других алкогольных напитков просто потому, что содержит полынь. Споры ведутся уже сто пятьдесят лет. По крайней мере, со времен доктора Маньяна ясно, что от полыни он *может* стать хуже, но происходит ли это в большинстве случаев, все еще спорно. Несомненно, и прежде, и сейчас можно получить кайф от туйона, но настоящий злодей этой книги — все же алкоголь. Авторы медицинских статей по привычке отмечают, что на практике спирт — самый опасный и вредоносный компонент абсента; именно спиртом мы и должны закончить это обсуждение.

Настоящий абсент вызывает, собственно, два парадоксальных воздействия. Крепость алкоголя защищает от влияния полыни; туйона в абсенте мало, и трудно выпить столько, чтобы им отравиться. С другой стороны, именно использование воды делает абсент опасным. Неразбавленный тройной бренди можно любить или не любить, но хороший абсент, прохладный, чистый, бодрящий, легко проскальзывает по пищеводу. Как мы уже говорили, он — сигарета с ментолом в семье смертельно опасных алкогольных напитков.

Почти все писатели и художники, упомянутые в этой книге, от Верлена и Тулуз-Лотрека до Малькольма Лоури и Эрнеста Хемингуэя, были алкоголиками. Они

принадлежали к той большой и несчастливой группе, о которой Сирил Коннолли однажды написал: «Я больше не хочу читать об алкоголиках. Алкоголизм — враг искусства и проклятие западной цивилизации. Он не поэтичен и не забавен. Речь идет не о выпивающих людях, а о постепенном стирании

способности к восприятию и утрате личных отношений, по существу — о долгом социальном самоубийстве».

Почему писатели пьют? Не все, конечно; и тем не менее в своей книге об американском литературном алкоголизме Том Дардис показал, что американские писатели испытывают культурное давление, вынуждающее их пить, чтобы соответствовать американскому представлению о том, что такое писатель. Дардис цитирует слова Гленуэя Уэсткотта, друга Хемингуэя и Фицджеральда, о разнице между американской и французской литературной жизнью. «Во Франции никто не ждет многого от пьющего человека, а вот в Америке он должен и пить, и *творить*. Некоторым американским писателям это удавалось, однако во Франции отношение к пьющим <... > совершенно другое». Абсент, возможно, вдохновлял некоторых героев этой книги, но значительно более ощутимое его влияние состояло в том, что он укорачивал их творческую, да и человеческую жизнь.

Кроме американского культурного давления писатели вообще, по-видимому, склонны пить. У одних есть какая-то горечь в характере, врожденная или привнесенная писательской жизнью, с которой связаны длительные стрессы, в частности — неспособность отделять жизнь от творчества. Творчество всегда тяготеет над писателем, он не может от него убежать. Выпивка, писал Хемингуэй, «дает возможность примириться с дураками, оставлять в покое работу, не думать о ней после того, как ты с ней разделался... и спать по ночам».

Фредерик Эксли тоже пишет, что алкоголь помогает отключаться и чуть меньше думать: «В отличие от некоторых, я никогда не пил для храбрости, обаяния или остроумия. Я использовал алкоголь по назначению, как депрессант, чтобы обуздывать умственное возбуждение, вызванное длительной трезвостью». Это ужасное «возбуждение» вызывает в памяти восхитительно парадоксальное замечание Бодлера о писательском ремесле: «Вдохновение всегда приходит, когда ты хочешь, но не всегда уходит по твоему желанию».

Есть странная красота в том, как описан алкоголизм в блестящей автобиографической книге Кэролин Кнапп «Пьянство»:

... примерно во время второго стакана щелкнул выключатель... что-то стало таять, я ощутила теплое и легкое волнение в голове, словно сама безопасность пришла ко мне в этом стакане... беспокойство уменьшилось, и его заменило что-то вроде любви. Как будто пьешь звезды. Так Мэри Карр описывает это в своих мемуарах, «Клуб лжецов»... она чувствовала эту медленную теплоту почти как свет. «Что-то похожее на большой подсолнух раскрывалось в самой моей сердцевине, — пишет она. —... Вино просто и легко текло сквозь меня, сквозь мои кости... »

Хватит? Это слово чуждо алкоголику, абсолютно ему неведомо... Вы постоянно ищете эту страховку, постоянно думаете о ней, всегда чувствуете облегчение, когда пьете первый стакан и ощущаете теплоту в затылке, всегда полны решимости поддержать это состояние, усилить кайф, прибавить к нему, не потерять его. Моя знакомая Лиз называет склонность к выпивке болезнью «еще, еще!», подразумевая жадность, которую многие из нас испытывают к выпивке, стремление завладеть ею, чувство надвигающейся потери и уверенность в том, что нам никогда ее не хватит.

Очень точное описание такой жизни можно найти и в романе Патрика Макграта «Гротеск»: «Дорис — одна из тех, в ком первый стакан дня может породить совершенное удовлетворение, не сравнимое ни с чем в ряду человеческих услад». Интересно, добавляет повествователь,

... не приходило ли вам в голову, что пьянство и самоубийство чем-то похожи?... Но внезапную смерть, внезапное и благословенное прекращение жизни, освобождение от себя, которых жаждет самоубийца, пьяница с презрением отверг бы. Внезапная смерть — проклятие для пьяницы, ибо приближение к пустоте должно быть постепенным и утонченным.

Постепенным и утонченным? Так и есть. Когда во время общественной кампании «Здоровье нации» во Франции 1950-х годов расклеили плакаты: «L'alcool tue lentement»* [*Алкоголь медленно убивает (франц.)*], члены оппозиционной авангардистской группы писали на них: «On n'est pas pressés»* [*А мы не спешим (франц.)*].

Ведущей фигурой в группе «Леттристов», а потом и «Ситуационистов» был Ги Дебор. В своем безупречно ясном классическом стиле, с ледяной ясностью и параноидальным величием, он хвастался тем, что «много прочитал, но выпил еще больше». «Я написал намного меньше, чем большинство писателей, но выпил намного больше, чем большинство пьяниц». Как и многое другое у Дебора, его сжатое описание пьянства можно выгравировать на камне. Кстати, оно читается так, как будто это уже сделали:

Вначале, как всем, мне нравилось легкое опьянение. Потом, очень скоро, мне стало нравиться то, что лежит за пределами буйного пьянства, — величественный и ужасный покой, настоящий вкус течения времени.

Приложение 1

ИЗБРАННЫЕ ТЕКСТЫ ОБ АБСЕНТЕ

Терстон Хопкинс. Лондонский призрак

В «мемуарах» Р. Терстона Хопкинса о Доусоне, прекрасно передающих атмосферу того времени, цитируется известная фраза об абсенте. Однако они ближе к художественной, чем к документальной прозе. Достоверность этих воспоминаний многие подвергали сомнению, не в последнюю очередь потому, что позднее их автор стал плодить детективные рассказы в том же духе. В частности, он, среди прочих, приложил руку к созданию легенды о проклятии мумии. Тем не менее, как пишет биограф Доусона Джед Адамс, Хопкинс «передает волшебный аромат вечеров, проведенных с Доусоном, и показывает, что даже в опьянении и некотором безумии тот мог быть потрясающим собеседником для правильного слушателя».

В конце 90-х годов XIX века я учился в Университетском Колледже, на Гоувер-Стрит в Лондоне. Мне кажется, больше ничего не нужно говорить о том, что не интересно ни для кого, кроме автора. Но (и это может заинтересовать читателя) именно в то время в мою жизнь вошел через «Бан Хаус»* [*«Бан Шоп» или «Бан Хаус» находился в доме 417 по Стрэнду. Теперь здесь винный бар и ресторан «У Марко»*], богемное место на Стрэнде, удивительный и эксцентричный поэт Эрнест Доусон. Он был худощав и subtilen, с вьющимися, вечно всклокоченными светло-русыми волосами, голубыми глазами, усталым голосом, вялыми, нерешительными руками и тонкими пальцами, которые все время что-нибудь роняли. Таким выходит Доусон из тумана дорогого мне ушедшего Лондона 90-х годов. Он носил позорно протертое на локтях пальто, мучительно топорщившееся на спине. Я отчетливо помню, что воротник был подвязан куском широкой черной муаровой ленты, которая одновременно играла роль бабочки и держала на месте рубашку.

Доусон редко улыбался. Лицо его, морщинистое и серьезное, все же было круглым лицом школьника, и в его голубых глазах иногда можно было поймать искру юности. В такие мгновения тень улыбки внезапно пробегала по его мрачным чертам и стирала раздражительность, обычно прятавшуюся в них.

Тогда он носил в заднем кармане брюк маленький посеребренный револьвер и, видимо, до смешного гордился им. Он доставал его в барах и кафе и передавал по кругу для всеобщего обозрения без слов и без видимой причины. Я так и не узнал, какими извилистыми тропами ходил Доусон и почему он считал необходимым носить при себе пистолет; возможно, он просто тешился мыслью о самоубийстве. Бог свидетель, он наверняка считал жизнь очень печальным делом, ибо его тридцатилетнее пребывание на земле было длинным списком разочарований, финансовых тревог и бед.

Я провел с Доусоном много вечеров в «Бан Хаус». Несмотря на название, здесь не было булочек* [*«Бан» («Bun») — булочка (англ.). (Примеч. пер.)*]. Это — просто лондонский паб, который стал частью литературной и журналистской жизни 1890-х годов. Именно там я впервые встретил поэта Лайонела Джонсона, Джона Ивлина Барласа, поэта и анархиста, пытавшегося «расстрелять» палату общин, Эдгара Уоллеса, незадолго до того снявшего военную форму, Артура Мейкена, всегда носившего плащ с капюшоном, который, по его словам, был ему верным другом двадцать лет. «Надеюсь сносить за мою жизнь четыре таких великолепных плаща, — прибавлял он. — Во всяком случае, я уверен, четырех хватит на сто лет!»

В то время абсент был очень популярен среди молодых поэтов и литературных бродяг, и я все еще вижу, как Доусон на высоком табурете разглагольствует о достоинствах этого опалового средства против боли. Он часто повторял: «Виски и пиво — для дураков, абсент — для поэтов»; «Абсент обладает колдовской силой. Он может уничтожить или обновить прошлое, отменить или предсказать будущее». Нередко он говорил: «Завтра я умру», а иногда добавлял: «Никому не будет до этого дела, транспорт на Лондонском мосту не остановится».

После нескольких встреч в «Бан Хаус» мы, два посвященных в орден богемы, стали бродить по туманным лондонским улицам, упиваясь восторгами друг друга. Мы делились деньгами и признаниями, а Доусон изящно курил дешевую австрийскую сигару, выдувая кольца дыма через ноздри. Бродя по ночному Лондону, мы часто играли в игру, которую называли «гуляй вслепую». Надо было найти короткий или обходной путь между оживленными частями Лондона по узким улочкам и переулкам, неизвестным обычному лондонцу.

Однажды вечером, плутая по лабиринту переулков, дворов и маленьких площадей, мы вдруг поняли, что за нами следует какой-то настойчивый субъект, в длинном плаще и с кожаным саквояжем. Мы сворачивали, меняли направление, и он сворачивал с нами. Да, он нас преследовал. Вскоре наш непрошенный спутник подошел так близко, что мы слышали его тяжелое дыхание. Тут меня охватил нелепый страх, и лишь усилием воли мне удалось не поддаться панике.

Как только мы свернули на оживленную улицу, я подтащил Доусона к дружелюбному газовому фонарю и крикнул: «Бежим что есть мочи!»

Когда мы оторвались от непрошеного спутника, я спросил Доусона, разглядел ли он его лицо. Это ему не удалось, как и мне; но оба мы не могли отделаться от мыслей о закутанном в плащ чучеле с саквояжем, которое преследовало нас в пустынных лондонских дворах.

Несколько минут спустя, когда мы с Доусоном уже сидели в баре и пили наше скромное «пиво», я заметил, что Доусон похлопывает себя по карманам, ищет портсигар. Автор «Динары», которая стала известна повсюду благодаря Рональду Колману, использовавшему ее как название и лейтмотив в одном своем фильме, был рассеянным мечтателем и никогда не клал портсигар в один и тот же карман. Тут в крутящуюся дверь бара проскользнул высокий и худой, как мумия, человек в пальто и каком-то диком макинтоше, с ужасным саквояжем в руке. Его лицо почти полностью прикрывал грязный шелковый шарф, обвязанный так, словно он мучился зубной болью.

Да! Это был тот самый человек, который преследовал нас в закоулках за несколько минут до этого. Как ни странно, мне показалось, что этот субъект (или надо сказать

«персонаж»?) не был связан границами возраста. В нем было что-то странное, потустороннее. Я просто не мог думать о нем как о *живом* человеке.

Тем временем Доусон безуспешно пытался нащупать портсигар своими неуклюжими пальцами.

Тогда мумия сказала: «Поищите в кармане брюк».

Доусон сунул руку в задний карман и нашел там неуловимый портсигар. Мы подняли глаза и встретились взглядами с посетителем. Позднее мы пытались вспомнить, почему он показался нам таким страшным, почему вызвал в нас ужас и отвращение, но так и не нашли трезвого объяснения. Однако мы полностью сошлись в одном: у посетителя было какое-то *холодное лицо*, которое, по словам Доусона, «напомнило ему пузырь свиного жира». Я думаю, вы уже догадались, что мы не стали засиживаться над стаканами. Сама мысль о разговоре с этим субъектом была невыносима. Мы допили наше питье и ушли.

Однако нам пришлось еще раз столкнуться со зловещим персонажем. Однажды вечером, подходя к дому, в котором жил Доусон (кажется, это был дом 111 по Юстонроуд), ярдах в ста от железной решетки, закрывавшей цокольный этаж, мы снова заметили человека с непотребным саквояжем. Пугаясь и недоумевая, мы увидели, как он поднялся по ступеням подъезда. Этого было достаточно. В любом случае, спать в одном доме с ним Доусон не мог (мы догадались, что посетитель хочет снять комнату) и решил переночевать ночь-другую у меня, в Крауч-Энде.

Прежде чем уснуть, мы разговаривали друг с другом и сами с собой, гадая, почему бесприютный коммивояжер с саквояжем показался нам столь зловещим и опасным?

Лишь через несколько дней я убедил Доусона вернуться в караван-сарай на Юстонроуд. Когда он вошел в дом, он заметил, что хозяйка чем-то взволнована. Она рассказала ему, что человека, который снял комнату на неделю, в первое же утро нашли мертвым в постели. В карманах у него не оказалось ни пенса, а в саквояже, который открыли полицейские, был лишь садовый гумус, мягкая мелкая земля. Никто так и не появился, чтобы опознать умершего, и его похоронили в общей могиле для нищих. Хозяйке он назвался Лазарем. Насколько я помню, полиции так и не удалось разыскать его родственников или друзей.

Через некоторое время я спросил Доусона, что он думает об этой истории. Поэт лишь пожал плечами и сказал своим тихим и неуверенным голосом: «Знаешь что, Хопкинс, земля в его сумке была могильной землей... И разве он — не Лазарь, который "вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами, и лицо его обвязано было платком"?»

Даже спустя все эти годы я вижу бледное лицо Доусона и мрачный свет, горевший в его глазах, когда он это говорил.

Иногда мне кажется, что мы с Доусоном преувеличивали странность довольно обычной цепи совпадений, но, должен признаться, это — не окончательное заключение. Я уверен, что несчастный бесприютный человек умирал, быть может, от голода и искал кого-нибудь, кто его пожалеет. Но вид у него был такой отталкивающий, что никто не хотел иметь с ним дела. Верю я и в то, что, возможно, благодаря особому дару ему удалось отвоевать для своего тела несколько дней жизни после того, как смерть уже заявила на него свои права.

Мария Корелли

Полынь. Парижская драма

Книги Марии Корелли (1855-1924), в свое время — бестселлеры, завораживали читателей викторианской эпохи своими мелодраматическими интригами. Ее считали смешной еще при жизни, и именно такой ее помнят сейчас, хотя у нее есть несколько

неожиданных поклонников. Эрика Йонг вспоминает, что в начале их знакомства с Генри Миллером «он часто с восторгом говорил о Марии Корелли».

Роман «Полюнь» объемом примерно в 800 страниц — это «трехпалубник», типичный викторианский трехтомник, который мы жестоко сократили, поскольку писательница неизменно многоречива. Эта чрезвычайно зловещая книга требует иллюстраций Эдварда Гори. Гастон Бове, обеспеченный и благовоспитанный молодой человек, занимает хороший пост в банке своего отца, а также имеет менее положительные литературные наклонности. Гастон влюбляется в Полин, дочь друга своего отца, графа де Шармиль, и просит ее руки. Они обручаются.

К несчастью, Полин влюбилась в Сильвиона Гиделя, красивого и добродетельного юношу, который готовится стать священником. Сильвион — племянник мсье Водрона, пожилого священника, горячо любимого и уважаемого всеми персонажами книги. Сильвион тоже влюбляется в Полин, и в конце концов она умоляет Гастона расторгнуть помолвку. Гастон совершенно убит горем.

Случайно он сталкивается в парке со старым знакомым, нищим художником Андре Жессоне. Эта встреча изменяет всю его жизнь, так как Жессоне знакомит его с абсентом.

— Абсент! [говорит Гастон] Он тебе нравится?

— Нравится? Я *обожаю* его! А ты?

— Я его никогда не пробовал.

— Никогда не пробовал! — воскликнул Жессоне. — Mon Dieu!* [*Боже мой! (франц.)*]. (Примеч. пер.) Ты, родившийся и всю жизнь проживший в Париже, никогда не пробовал абсента? Его горячность позабавила меня.

— Да. Я часто видел, как его пьют другие, но меня всегда отталкивал его вид. Цвет уж очень противный, как у лекарства!

Он рассмеялся немного нервно, и рука его задрожала. <... >

— Надеюсь, мне не придется считать тебя дураком! Что за идея — «как у лекарства»! Подумай лучше о расплавленных изумрудах. Здесь, перед тобой, самый чудесный напиток в мире. Пей, и ты увидишь, что твои несчастья преобразятся, как и ты сам. <... > Жизнь без абсента! Я не могу ее даже представить!

Он поднял свой стакан, бледно переливавшийся на солнце. Его слова, его манера поразили меня, и по жилам моим пробежало странное возбуждение. Лицо его чем-то напомнило мне призрак, словно я увидел его скелет сквозь покров плоти, и Смерть на мгновение выглянула из-под пелены Жизни. Я с сомнением посмотрел на бледно-зеленый напиток, которому он пел дифирамбы, — действительно ли тот обладает столь сильным очарованием?

«Еще! — прошептал он пылко, со странной улыбкой. — Еще! Он, как месть, — сначала горький, но в конце концов сладкий!»

Бове обнаруживает, что абсент начинает ему нравиться, и слова Жессоне уже кажутся ему убедительными: «Ты хочешь сказать, — спросил я недоверчиво, — что абсент, который называют проклятием Парижа, — лекарство от всех человеческих горестей?» Жессоне расположен великодушно: «Только одним я могу отблагодарить тебя за многочисленные услуги — познакомить с Зеленоглазой феей, как поэтично называют этот восхитительный нектар. Она чудесна! Один взмах опаловой волшебной палочки — и горя нет!» Гастон подпадает под влияние нового вещества:

Он говорил непрестанно, сам же я был слишком дремотно расслаблен, чтобы перебивать его. Я смотрел, как дым моей сигареты, извиваясь, поднимается к потолку маленькими темными кольцами. Казалось, они загорались фосфоресцирующими цветными искрами, снова и снова кружась в воздухе и тая. Мне было даровано волшебное время неожиданного и полного покоя...

Жессоне спрашивает, лучше ли Гастону: «Зеленая фея излечила тебя от душевных волнений?» Да, говорит Бове, «что бы со мной ни случилось, я снова чувствую себя самим собой». В ответ на это Жессоне начинает хохотать, как безумец, которым он, в сущности, и был, и в этом безумии — разгадка следующей речи:

«Прекрасно! Я рад! Что же до меня, я никогда себя собой не чувствую, — я всегда кто-нибудь другой! Забавно, не правда ли? На самом деле, — и он перешел на доверительный шепот, — я имел уникальный опыт, редчайший и удивительный. Я убил себя и присутствовал на своих собственных похоронах! Правда! Свечи, священники, траурные драпировки, откормленные лошади с длинными хвостами — *toute la baraque** [*Весь этот балаган (франц.). (Примеч. пер.)*], никакой экономии ни в чем, понимаешь? Мое тело лежало в открытом гробу, — любопытно, но я не одобряю закрытые гробы, — оно лежало открытое навстречу ночи, и звезды смотрели на него, у него тогда было молодое лицо, и можно было легко поверить, что его глаза тоже прекрасны. Я выбрал венок из белых фиалок, который лежал прямо на сердце, это чудесные цветы с нежным ароматом, он наводит на мысли, правда? — а за длинной траурной процессией следовали рыдающие толпы парижан. "Он умер! — кричали они. — Наш Жессоне! Французский Рафаэль!" О, это было редкое зрелище, *mon ami** [*Мой друг (франц.). (Примеч. пер.)*]! — никогда еще наша страна так не горевала, я сам рыдал от сочувствия к моим скорбящим соотечественникам! Я ждал в стороне, пока все цветы не бросят в открытую могилу, — ведь я был могильщиком, помни! — я дождался, пока кладбище опустело и наступила тьма, и тогда я поспешно похоронил себя, быстро и плотно засыпал мою мертвую юность, хорошо выровняв и утрамбовав землю. Французский Рафаэль! Он лежит там, думал я, и там он останется, что же до моего мнения, он лишь гений и потому не мог принести никакой пользы на земле».

Жессоне, без всяких сомнений, безумен, как маньяк из фарса («в его голосе был странный, вызывавший сострадание пафос, смешанный с презрением, а блеск в его глазах усилился вплоть до яростного огня, который заставил меня невольно вздрогнуть»). Наконец они расстаются, и, когда Жессоне уходит за угол своей безумной походкой («в своем обычном полуразвязном, полутрагичном стиле»), Бове осознает, что с ним произошло. Он стал любителем абсента.

Я чуть не кричал в полубреду лихорадочного опьянения, обжигавшего мой мозг!... Моя случайная встреча с ним была предначертана судьбой. Она позволила дьяволу успешно завершить свой труд — одним движением уничтожить добродетель и, как по волшебству, возродить порок из мертвого праха, превратить чувствующее сердце в камень, а человека — в демона!

На этом кончается первый том.

В начале второго тома Корелли приводит цитату из Шарля Кро* [*См. гл. 5 этой книги*], которая необыкновенно важна для развития действия и для объяснения поступков Гастона. Прежнее чувство нравственности и добра теперь, по его словам, не просто уменьшил, но «опрокинул» абсент. «Славный Абсент! Что пел о тебе поэт? —

Avec l'absinthe, avec ce feu On peut se divertir un peu Jouer son role en quelque drame!

«С абсентом, этим огнем, можно немного развлечься и сыграть роль в нескольких драмах». Теперь это станет обоснованием безумного и бесчеловечного поведения Гастона. К этому моменту Бове говорит о себе как о наркомане, убежденном любителе абсента:

Действие абсента абсолютно противоположно действию морфия. Как только он всасывается в кровь, во всем теле поддерживается сильное и постоянное возбуждение, которое может быть ослаблено и успокоено лишь новыми глотками восхитительного яда... Я спустился по бульвару Монмартр, вошел в одно из лучших и самых модных кафе и тут же заказал эликсир, которого, казалось, жаждала сама моя душа! Предвкушение, чуть покалывая, трепетало в моих жилах, пока я готовил зеленоватую смесь, чье магическое действие широко распахнуло для меня двери в мир грез! С каким томительным восторгом я выпил до последней капли два полных стакана этого эликсира, — достаточно, замечу, чтобы вывести из равновесия намного более медлительный и вялый мозг! Мои ощущения, и физические, и умственные, были острее, чем накануне, и, когда около полуночи я наконец вышел из кафе и пошел домой, мой путь был озарен совершенно особыми чарами. К примеру, ночь была безлунной, облака все еще окутывали небо довольно плотной завесой, скрыв все звезды, и все же, когда я неспешно шел по Елисейским Полям, ярко-зеленая планета неожиданно выплыла в туманное пространство и осветила мой путь своим

сиянием. Ее слепящие лучи окружили меня, а влажные листья деревьев над моей головой засверкали, как драгоценные камни. Я спокойно наблюдал, как вокруг меня, подобно широкой водной глади, распространяется горящий ореол, ясно осознавая, что все это — лишь плод моего воображения. Я, именно я нашел *elixir vitae** [*Эликсир жизни (лат.). (Примеч. пер.)*!] — секрет, который так горячо искали философы и алхимики! Я, подобно Богу, мог создавать и наслаждаться творениями моего собственного мозга...

... Мы, парижане, не заботимся о том, текут ли наши мысли по здоровым или болезненным руслам, лишь бы наши слабости были удовлетворены. В мои мысли, например, проникла отравы, но я был этим доволен!

Галлюцинации Гастона продолжают и у двери его дома:

Я обнаружил, что дверь торжественно задрапирована черной тканью, как будто для похорон, и увидел, что по ткани сверкающими, бледно-изумрудными буквами написано — *LA MORT HABITE ICI** [*Здесь обитает смерть (франц.). (Примеч. пер.)*].

Гастон начинает обращаться с Полин с доселе неведомой ему жестокостью: «Я командовал в этой игре, я и моя Зеленоглазая Фея, чьим колдовским советам я следовал беспрекословно». Он изменился, добро кажется ему неестественным и нелепым, абсент полностью перевернул его прежние мысли и привычки:

Дайте мне самого прекрасного юношу, который только утешал сердце своей матери, дайте героя, святого, поэта, кого хотите. Как только я приохочу его к абсенту, из героя он превратится в труса, из праведника — в развратника, из поэта — в животное! Вы мне не верите? Тогда приезжайте в Париж, изучите нынешних парижан, пьющих абсент, и вы уже не будете превозносить англичанина Дарвина. Хоть он и был мудрым для своего времени, но, глядя в прошлое, возможно, утратил силу предвидения. Он проследил (или думал, что проследил), как человек произошел от обезьяны, но не смог предугадать, что человек может пасть и снова стать обезьяной. Видимо, он недостаточно изучил парижан!

Дарвинизм — не единственная теория того времени, которую Корелли вводит в свой роман; в нем чувствуется и сильное влияние «натурализма» в духе Золя и теории патологического «вырождения», развитой Максом Нордау в одноименной книге.

Сильвион тем временем принимает сан и, таким образом, не может жениться на Полин. Тогда Гастон снова предлагает ей выйти за него замуж. «Я знаю, зачем ты это делаешь, — говорит Полин. — Ради моего отца и доброго мсье Водрона, чтобы спасти честь и избежать скандала». Она не догадывается, что Гастон лишь играет роль в драме *a la** [*В духе (франц.). (Примеч. пер.)*] Шарль Кро. В ночь перед свадьбой он пьет свой «любимый нектар, стакан за стаканом», пока не начинаются галлюцинации. Стены комнаты становятся «прозрачным стеклом, насквозь пронизанным изумрудным пламенем. Со всех сторон окруженный призраками — прекрасными, ужасными, ангельскими, дьявольскими — и слыша повсюду странные звуки, я, пошатываясь, добрал до дивана в состоянии, похожем на бодрствующий обморок».

Он ощущает, что разделен на «две личности, бьющиеся друг с другом в смертельной схватке». А на следующее утро:

Меня охватило удивительное чувство, как будто некая огромная сила пронеслась сквозь меня, заставляя меня совершать странные поступки, природу которых я толком не осознавал... Я думал о полубогаженной ведьме, которая была моей спутницей в фантазмагории дикой ночи. Как быстро она привела меня в забытый загробный мир... О, это был веселый и смелый призрак, моя ведьма Абсента!

У алтаря он неожиданно отказывается взять Полин в жены, публично обвинив ее в том, что она — брошенная любовница Сильвиона. Полин падает в обморок, но Гастону все это

кажется чепухой: «Любопытная сцена, да, вполне театральная, как номер из романтической оперы... Я чуть не расхохотался в голос».

Позднее он встречается на улице своего отца, который с негодованием воспринял его поступок. Лишь сумасшедший, говорит он, или «любитель абсента в бреду» способен на такую бессмысленную жестокость, но никак не разумный человек. Гастон не выдает своей тайны, но позднее с наслаждением думает: вместо женитьбы на Полин «в глубине моей души заключен дивный брак — нерасторжимый союз с прекрасной и дикой ведьмой Абсента из моих снов! Клянусь, она одна будет частью моей плоти и крови!»

Полин уходит из дома. Ее двоюродная сестра Элоиз Сэн-Сир умоляет Гастона помочь ей найти Полин. Как и Бодлер, говоривший со своим «лицемерным читателем», здесь Гастон прямо обращается к читателям, веря, что они в тайне столь же эгоистичны, как и он:

А теперь мысленно пожмем друг другу руки в нашем признанном братстве. Вы, возможно, весьма уважаемый человек, и, без сомнения, заслуживаете этого, а моя репутация совершенно испорчена; вы, может быть, достойны общественного одобрения, а я — любитель абсента, изгнанный из пристойного общества, крадущийся изгой парижских трущоб и закоулков. И тем не менее мы сходимся в одном, — да, мой дорогой друг, уверяю вас, совершенно сходимся! — в поклонении Себе.

Отец Полин вызывает Гастона к себе. Слуга проводит Гастона в кабинет, где тот неподвижно и прямо сидит в кресле. На столе перед ним — открытый ящик с дуэльными пистолетами. Презрительно насмехаясь над самой идеей чести, Гастон понимает, что граф собирается драться с ним на дуэли. Но почему он сидит, не произнося ни слова? Гастону кажется, что граф смотрит на него со «старомодным достоинством» и «безмолвным, но величественным презрением», но неожиданно челюсть графа падает. Он мертв. Поступки Гастона в прямом смысле слова убили графа, однако он думает иначе: «Мой путь безупречен, если не считать следа зеленой слизи, который никто не видел». Гастон обвиняет в смерти графа Полин: «Я получал мрачное и ужасное удовольствие, считая ее отцеубийцей!»

«С этого момента, — говорит он, — я веду отсчет моего быстрого падения», которое, однако, «принесло мне самые дикие и редкие удовольствия». Гастон селится в уединенном отеле под чужим именем, чтобы во всей полноте жить своей новой жизнью. Бродя по Парижу, он старается держаться глухих закоулков, не только для того, чтобы избежать встреч со старыми знакомыми, но и потому, что там он, скорее всего, может встретить Полин, которую опозорил.

Во время одной из прогулок вдоль Сены Гастон видит стоящего у реки священника и узнает его. «Ты! Ты! — шепчет он, задыхаясь от ярости. — Сильвион Гидель!» Сильвион ничего не знает об ужасной истории; он думает, что Гастон и Полин поженились. Гастон рассказывает ему обо всем: Полин — на улице, ее отец мертв. Сильвион напоминает Гастону о том, что Полин никогда его не любила, и Гастон хватается за горло, душит и, после яростной борьбы, бросает тело в реку.

Примерно через неделю на грязной глухой улице Гастон случайно видит Полин, но снова теряет ее из виду. В том же квартале он неожиданно слышит громкий хохот — это безумный Жессоне, который живет в трущобах. «Самыми странными, фантастически любезными жестами он пригласил меня следовать за ним».

Обстановка его жилища не слишком привлекательна. Он живет с полудиким ребенком, который ловит крыс и ест их (Жессоне, напротив, дошел до стадии, когда он считает еду «вульгарным излишеством»). Этот ребенок, по словам Жессоне, — «плод абсента... Абсента и одержимости». Как и в романах Золя о Ругон-Маккарах, в которых прослеживается воздействие бедности и алкоголя на семью в течение нескольких поколений, этого ребенка можно изучать как пример взаимодействия наследственности и влияния среды. Он отпрыск линии, выродившейся из-за абсента: его дед был известным ученым, но его отец пил абсент

и стал актером. Затем он сошелся с танцовщицей по имени Фатима, но «изумрудный эликсир» свел его с ума и внушил ему уверенность в том, что Фатима — «чешуйчатая змея, чьи смертоносные глаза завораживают его против воли и чьи обвивающие объятия душат его».

Он закончил жизнь в приюте для умалишенных, где, в конце концов, повесился. Ребенок — отпрыск «любителя абсента и его змеи, зачатый одержимостью и порожденный апатией». Жессоне испытывает к нему научный интерес: «Мне кажется, теперь я знаю, как мы можем, если захотим, физиологически привести себя к изначальному животному состоянию. Нужно жить на одном абсенте!» Именно это хотел бы видеть Жессоне: «Цивилизация — проклятие, Мораль — огромная преграда на пути к свободе».

Жессоне показывает Гастону свой шедевр — картину, изображающую священника, в отчаянии вскрывающего гроб с телом прекрасной женщины, а затем предлагает Гастону вместе заняться чем-нибудь «занимательным», например посетить парижский морг (который в то время был популярной достопримечательностью, Диккенс всегда посещал его, приезжая в Париж).

Ведь сейчас сумерки, и электрический свет придаст мертвецам изящество! Если ты никогда не *был* там в это время дня, ты будешь поражен. Поистине, это интереснейший предмет для человека, одаренного художественным темпераментом! Я предпочитаю морг театру».

Уходя, Гастон дает несколько франков ребенку, который сначала «жутко и восторженно визжит» (от этого звука дребезжит потолок), а затем целует деньги. «Забавный звереныш!» — говорит Жессоне.

По дороге к моргу Жессоне приподнимает шляпу, с фантастической любезностью приветствуя грязных, опустившихся женщин. В морге они видят разложившееся и обезображенное тело Сильвиона Гиделя, и Гастон проверяет, умеет ли владеть собой. Смотритель морга считает священника самоубийцей, но Жессоне, знаток анатомии, думает, что тот был убит. Гастон, по вполне понятной причине, стремится сменить тему и, когда Жессоне делает набросок тела, рвет рисунок на мелкие клочки: «Я думал, что это ненужная бумага! Прости меня! Я становлюсь ужасно рассеянным, — *с того момента, как начал пить абсент!*»

На улице они оба начинают нервничать — Жессоне видит преследующий его призрак кредитора, Гастону мерещится Сильвион. После небольших отступлений о Золя, атеизме и нравственном падении Парижа, Гастон с радостью ныряет в кафе. «В каком прибежище демонов и обезьян мог бы я спрятаться?» — раздумывает он.

В третьем томе Гастон еще ниже скатывается по скользкому откосу. Проходя рядом с авеню дель-Опера, он видит корабль, плывущий по зеленому морю, затем корабль разваливается на части, и из него выходит скелет. «Все это проделки моей ведьмы Абсента! Ее волшебный фонарь странных видений поистине неиссякаем!» Люди, бродящие под ее влиянием, — в Париже не редкость: «Множество людей находится под влиянием этой фурии... мужчины, которые заманили бы сущего ребенка в виде женщины и не только совершили бы над ней насилие, но убили бы и затем изуродовали бы ее тело».

Гастон снова встречается на улице своего отца и на этот раз говорит ему правду. Бове-старший приходит в ужас:

— Ты говоришь, что пристрастился к абсенту. Знаешь ли ты, что это значит?

— Думаю, да, — ответил я равнодушно. — Это, в конце концов, смерть.

— О, если бы только смерть! — воскликнул он с горячностью... — Это много больше — самые отвратительные преступления, грубость, жестокость, апатия, разврат и одержимость! Понимаешь ли ты, какую судьбу себе уготовил, или не задумывался над этим?

Я устало махнул рукой.

— Mon Pere* [*Отец (франц.). (Примеч. пер.)*], вы напрасно волнуетесь! <... > Даже если я и вправду стану безумным, как вы любезно намекаете, я слышал, что безумным можно только позавидовать. Они мнят себя королями, императорами, папами римскими. Надо полагать, такая жизнь столь же приятна, как и любая другая.

— Довольно! — отец вонзил в меня взгляд... — Я не желаю больше слышать, как ты защищаешь самый оскорбительный и отвратительный порок нашего города и времени.

Отец увольняет сына из банка, но ему уже нет ни до чего дела.

— Я ненавижу все честное! Это часть моего нового ремесла, — и я дико расхохотался. — Честность — смертельное оскорбление для любителя абсента! Разве вы не знали? Однако, хотя это большое оскорбление, я не буду с вами драться. Мы расстанемся друзьями! Adieu* [*Прощайте! (франц.). (Примеч. пер.)!*]

Гастон сообщает читателям о двух других встречах, случившихся во время его блужданий по Парижу. Сначала он видит на Елисейских Полях англичанку — «живое воплощение нежной и безупречной женственности». Это заставляет Гастона, осознающего свою низость и подлость, «спрятаться в стороне, когда она проходила мимо, красться и сжиматься, таясь». Следующая встреча ближе ему по духу. Он задумчиво помешивает в кафе «изумрудное зелье», когда туда входит, кто бы вы думали? Жессоне. Он очень оживлен. С показной учтивостью поднимая шляпу, он с одобрением смотрит на напиток Гастона:

«Старый добрый ликер! — сказал он со смехом. — Несомненно, самое благословенное лекарство от всех болезней жизни! Он почти столь же хорош, как смерть, только его действие не так надежно».

Жессоне присаживается, чтобы выпить, и покупает газету «Journal Pour Rire»* [*«Газету для смеха» (франц.). (Примеч. пер.)*], которая вызывает у Гастона неожиданный приступ нравственного чувства: одна карикатура в этой газете «столь неоправданно непристойна, что, несмотря на то, что я привык наблюдать, как парижане наслаждаются живописным или литературным мусором с жадностью грифов, рвущих падаль, я был несколько изумлен тем, что они терпят такой откровенный образец совершенной пошлости». Не успел Жессоне купить газету, как прозвучал выстрел, — возможно, придя в отчаяние от бесполезности собственного творчества, Жессоне покончил с собой. Всю свою жизнь он голодал, однако, как только он умирает, его объявляют гением.

Гастон встречает Элоиз Сэн-Сир, которая ужасается его падению. Она сообщает ему, увы, слишком поздно, что когда-то была в него влюблена, но уже ничего к нему не испытывает. Они говорят о Полин — *все еще не найденной*, об ее отце — *мертвом* и Сильвионе — *тоже пропавшем без вести*. «Как вы думаете, что могло с ним случиться? — неожиданно спрашивает Гастон. — Может быть, он умер?» — «Возможно, — говорит он, начиная безумно хохотать, — он убит! Вы никогда об этом не думали?» Их глаза встречаются, и Элоиз вскрикивает от ужаса, а потом убегает, чтобы спасти свою жизнь.

Гастон все еще одержим поисками Полин. «Только это, кроме абсента, хоть как-то интересовало меня». И однажды он находит ее; она поет в трущобах с протянутой рукой, выпрашивая монеты у прохожих.

Она снова говорит о своей чистой любви к Сильвиону Гиделю, и Гастон рассказывает ей, что с ним произошло: «Говорю тебе, он умер! Он мертв! Кому знать это лучше, чем мне? Ведь я *убил* его!»

— Какие женщины дуры! — говорит Гастон самому себе.

Простое слово! —... например, «убийство», какие-то восемь букв — оказывает на их нервы ужасно смешное воздействие! Глупую Полин оно сразило, как удар молнии...

Полин падает в обморок. Пока она лежит без сознания, Гастона охватывает желание поцеловать ее. Полин приходит в себя и начинает кричать: «Убийца! Убийца! ... *au secours! Au secours!* »* [*На помощь! На помощь! (франц.). (Примеч. пер.)*] Сдерживая ее, Гастон повторяет, что убил Сильвиона, и заставляет выслушать весь рассказ, хотя она содрогается и стонет. Пока он говорит, ему мерещится светящийся в темноте призрак, крадущийся мимо, и он восклицает: «Вот Сильвион, Полин». Полин бросается бежать, преследуемая Гастоном, добегают до Нового моста и прыгает с парапета в темные, бурлящие воды Сены.

«Полин! Полин! — кричит Гастон. — Я любил тебя! Ты разбила мое сердце! Ты разрушила мою жизнь! Ты сделала меня тем, что я есть! Полин! Полин! Я любил тебя!» Он теряет сознание. На следующий день он приходит в себя, все еще на Новом мосту, и начинает размышлять о событиях прошлой ночи. «Каким странным все это казалось! Критики сказали бы — каким *мелодраматичным!*»

Мысли Гастона прерывает ужасающая картина — на мосту появляется зеленоглазый леопард. Вскоре он видит, что рабочий, идущий рано на работу, проходит сквозь него. Гастон поднимается и уходит, зная, что призрак следует за ним. Жессоне часто беспокойно оглядывался, вспоминает Гастон, «и я лениво раздумывал, какое чудовище фея Абсента посылала за ним так настойчиво, что он не нашел другого способа убежать от него, кроме самоубийства».

Гастон дошел почти до нижнего предела падения. «Я, любитель абсента в Городе Абсента, и не будет признания ни мне, ни тебе, Париж, ветреное, безбожное, сладострастное царство греха!» Он часто навевается в морг, в отчаянном желании найти Полин, и через два дня туда приносят ее неопознанное тело. Сначала он хочет, чтобы ее похоронили достойно, затем он извращенно наслаждается мыслью, что ее бросят в общую могилу бедняков.

Мозг закоренелого любителя абсента принимает самую дьявольскую мысль как прекрасную и справедливую. Если вы в этом сомневаетесь, попросите в одном из сумасшедших домов, чтобы вам рассказали об одержимых абсентом, которые составляют большинство неизлечимо больных, и вы услышите достаточно для сотни худших историй, чем эта!

Служитель морга видит, что Гастона интересует неопознанное тело, но тот отрицает, что знал Полин: «Девушка легкого поведения!» Вдруг он чувствует, что кто-то «пристально и горестно» глядит на него «с удивленным упреком». Это Элоиз, пришедшая за телом своей кузины. Гастону помешали отомстить.

«Что мне оставалось делать? Ничего, лишь пить Абсент! Со смертью Полин любая цель моей жизни исчезла. Мне никто не был нужен. Что же до прежнего положения в обществе, для меня там, очевидно, уже не было места». На кладбище Пер-Лашез он смотрит издали на похороны Полин: «Я, один лишь я, был причиной всех несчастий когда-то славной, а теперь сломленной, разрушенной семьи! Я и Абсент! Если бы я остался тем Гастоном Бове, которым когда-то был, если бы в тот вечер, когда Полин сделала мне свое дикое признание, я прислушался к голосу милосердия в моем сердце, если бы я не повстречал Андре Жессоне... — как много заключено в этом "если"!»

Наступает ночь, но Гастон не уходит.

Сторожа, как обычно, обошли кладбище и заперли ворота, а я остался пленником внутри, чего и желал. Как только я остался один, совершенно один в темноте ночи, я воздел руки в бредовом экстазе. Город Мертвых был моим на какое-то время, все эти гниющие в земле тела! Я был единственным правителем обширного царства могил! Поспешно направился я к запертой мраморной тюрьме, бросился на землю перед ней, рыдал, и бредил, и клялся, и называл Полин всеми нежными словами, которые мог придумать. Ужасное молчание сводило меня с ума. Я бил железную решетку кулаками, пока не пошла кровь. «Полин! — кричал я. — Полин!»

Гастон рассказывает: «... вижу огненные круги в воздухе, огромных, сверкающих хищных птиц, бросающихся вниз с растопыренными когтями, чтобы схватить меня, зеленые водовороты в земле, в которые я мог упасть вниз головой». Он чувствует, что надо исповедаться, и идет к отцу Водрону, который приходит в ужас, узнав, что он убил его любимого племянника. Священник не может простить Гастона, но тот напоминает, что он должен хранить тайну исповеди.

Снова напившись абсента, Гастон чувствует себя так плохо, что ему приходится вызвать врача. Врач говорит, что причина его страданий — все тот же напиток.

«Вы должны бросить его, — решительно сказал он, — раз и навсегда. Это отвратительная привычка, ужасная мания парижан, которые портятся умственно и физически из-за пристрастия к этому яду. Страшно подумать, каким будет следующее поколение!» <... > «Я должен предупредить вас, что если вы не перестанете пить абсент, вы превратитесь в безнадежного маньяка».

У Гастона осталась одна последняя надежда. Он вспоминает об Элоиз Сэн-Сир. Он пойдет к ней, станет умолять ее о сострадании и постарается отказаться от абсента ради нее, ведь только она может освободить его от проклятия. Когда Гастон подходит к особняку семьи Сэн-Сир, он замечает, что его облик изменился. Дом задрапирован в черное, двери открыты. Кто-то умер. Должно быть, старая графиня, думает Гастон, входя в дом, полный благовоний и белых лилий. Но тело, лежащее в сияющей часовне, — это Элоиз. «Умерла!» — кричит Гастон. «Катаясь по земле в дикой агонии, я хватал полные пригоршни цветов, которыми был усыпан ее смертный одр, я стонал, я рыдал, я бредил! Я мог убить себя в яростном безумии ужаса и отчаяния».

Гастон потерял все. В неожиданной вспышке прозрения он понимает, что есть Бог, Бог, который создал полынь. В конце концов, Гастон убивает последние остатки своей совести и становится законченным любителем абсента:

Absintheur* [*Любитель абсента (франц.). (Примеч. пер.)*], и ничего больше! Вот и все. Я — презренной самого низкого попрошайки, ползающего по Парижу, выпрашивая су! Я — крадущийся зверь, полуобезьяна, получеловек, чей вид так отвратителен, чье тело так трясется в бреду, чьи глаза так кровожадны, что, если бы вы случайно столкнулись с ним днем, вы бы, наверное, невольно вскрикнули от ужаса. Но вы меня не увидите, мы не друзья с дневным светом. Я стал подобен летучей мыши или сове в своей ненависти к солнцу!.. Ночью я живу; ночью я выползаю на улицы вместе с другими отвратительными обитателями Парижа и одним своим присутствием добавляю новые нечистоты к моральным ядам воздуха. Я зарабатываю деньги самыми подлыми услугами, — помогаю другим в их пороках и, когда есть возможность, подталкиваю к падению слабых юношей. Подвожу любимцев матери к краю гибели, а если удается — в пропасть. <... > За двадцать франков я могу убить или украсть. Всех настоящих любителей абсента можно купить, ибо они — вырождение Парижа, язва этого города, рабы низкого, неуголимого безумия, которое излечит лишь смерть.

Наконец еще один человек, страдающий наркотической зависимостью от абсента, беспризорный химик, дает в обмен на абсент пузырек смертельного яда («дружески обменивается ядами»), который Гастон намеревается проглотить, если только ему хватит смелости.

Корелли не пользовалась большой любовью группы Уайльда-Смайзерса-Доусона. Уайльд рассказывал Уильяму Ротенстайну, что один тюремщик спросил его о нравственном состоянии Марии Корелли, на что он ответил, что с нравственностью у нее все в порядке, а вот что до творчества, «ее место здесь». Эрнест Доусон сообщает в письме к своему другу Артуру Муру: «... родители, несомненно, с наилучшими намерениями, принесли мне книгу Марии Корелли». Было бы любопытно узнать, какую именно. В любом случае, вряд ли она могла поднять ему настроение.

Французская поэзия

Тема абсента породила немало французских стихов, многие из которых можно найти в книге Мари-Клод Делаэ. Мы приведем лишь несколько примеров.

Рауль Поншон (1848-1937) был плодовитым поэтом, опубликовавшим за сорок с небольшим лет (он начал поздно) ошеломляющее количество — 150 000 стихотворений, примерно 7000 из которых посвящены алкоголю. Это стихотворение 1886 года показывает устойчивую ассоциацию между абсентом и смертью.

Absinthe

*Absinthe, je t'adore, certes!
Il me semble, quand je te bois,
Humer l'ame des jeunes bois,
Pendant la belle saison verte!*

*Ton frais parfum me deconcerte,
Et dans ton opale je vois
Des cieux habites autrefois,
Comme par une porte ouverte.*

*Qu'importe, o recours des maudits!
Que tu sois un vain paradis,
Si tu contentes mon envie;*

*Et si, devant que j'entre au port,
Tu me fais supporter la vie,
En m'habituant a la mort.*

*Абсент, я преклоняюсь перед тобой!
Когда я пью тебя, мне кажется,
Я вдыхаю душу молодого леса
Прекрасной зеленой весной.*

*Твой аромат волнует меня,
И в твоём опаловом цвете
Я вижу небеса былого,
Как будто сквозь открытую дверь.*

*Какая разница, о прибежище проклятых!
Что ты — тщетный рай,
Если ты помогаешь моей нужде;*

*И если, прежде чем я войду в эту дверь,
Ты примиряешь меня с жизнью,
Приучая меня к смерти* [Как и автор книги, мы даем в этой главе
буквальные переводы. (Примеч. пер.)].*

Гюстав Кан (1859-1936) был связан с движением символистов и позднее написал его историю. Малларме хвалил его за то, что он писал не прозу и не стихи, а что-то вроде такого пеана абсенту, как всеобъемлющему женскому образу:

*Absinthe, mere des bonheurs, o
liquor infinie, tu miroites en mon verre
comme les yeux verts et pales de la
maitresse que jadis j'amaï. Absinthe,
mere des bonheurs, comme Elle, tu
laisses dans le corps un souvenir de lointaines douleurs;
absinthe, mere
des rages folles et des ivresses titubantes,
ou l'on peut, sans se croire
un fou, se dire aime de sa maitresse.
Absinthe, ton parfum me berce...*

Абсент, мать всего счастья, бесконечный ликер, ты сверкаешь в моем стакане, / зеленый и бледный, как глаза моей / возлюбленной, которую я когда-то любил. Абсент, мать / счастья, как она, ты оставляешь в теле / память далекой боли; абсент, / мать безумной ярости и шатающегося пьянства, / в котором можно сказать, не чувствуя себя / идиотом, что ты любим своей возлюбленной. / Абсент, твой аромат утешает меня...

Жозефен Пеладан (1850-1918) был ключевой фигурой французского возрождения оккультизма в XIX веке и основал свой собственный мистический орден, «Salon de la Rose-Croix»* [«Rose-Croix» — *розенкрейцеры* (франц.)]. Он любил экзотику и ритуалы, и было известно, что он проводит у себя «эстетские» вечера. Тема следующего стихотворения — картина Фелисьена Ропса «Любительница абсента» (La buveuse d'Absinthe), о которой Ж. -К. Гюисманс писал: «Девушка, укушенная зеленым ядом, оперлась своим изможденным позвоночником на колонну "Bal Mabille", и кажется, что подобие сифилитической смерти скоро перережет нить ее загубленной жизни».

*To Felicien Rops
O Rops, je suis trouble. Le doute m'a tordu
L'ame! — Si tu reviens de l'enfer effroyable,
Quel demon t'a fait lire en son crane fendu
Les eternels secrets de ce suppot du Diable.
La Femme? Tu l'as peint, le Sphinx impenetrable;
Mais l'Enigme survit devant moi confondu.*

*Parle, dis, qu'as-tu vu dans l'abime insondable
De ses yeux transparents comme ceux d'un pendu.*

*Quels eclairs ont nimbe tes fillettes polies?
Quel stupre assez pervers, quel amour devaste
Mets des reflets d'absinthe en leurs melancolies!*

*A quelle basse horreur sonne ta
Verite? Rops, fais parler Satan, precheur d'impiete,
Qu'il ecrase mon front sous des monts de folie!*

*O, Rops, я в волнении. Сомнение измучило мою душу,
Ответь, если можешь, из ужасного ада,*

*Какой демон дал тебе прочесть в своем расколоте черепа
Вечные секреты орудия дьявола,
Женщины? Ты нарисовал ее, непостижимого Сфинкса,
Но тайна продолжает жить передо мной, смущая меня.
Ответь, скажи, что ты увидел в бездонной пропасти
Ее глаз, прозрачных, как у повешенного.*

*Какие вспышки молний окружили ореолом твоих
милых девушек?
Какой оскверняющий разврат, какая опустошенная любовь
Придала отблеск абсента их меланхолии?*

*Из каких глубинных, ужасных кругов исходит твоя правда?
Ропс, заставь говорить сатану, этого проповедника безбожия,
Чтобы он разбил мой лоб под горами безумия.
Жозефен Пеладан*

Антонен Арто (1896-1948) перешел от раннего увлечения сюрреализмом к развитию своих собственных более типичных идей о так называемом «Театре жестокости», привнеся в драму примитивный и ритуалистический элемент. В то же время его жизнь все больше разрушалась из-за психической болезни и наркотической зависимости. Это причудливо шизофреническое раннее стихотворение вызывает воспоминания об эпохе, уже давно ушедшей ко времени его написания.

*Verlain Boit
Il y aura toujours des grues au coin des rues,
Coquillages perdus sue les greves stellaires
Du soir bleu qui n'est pas d'ici ni de la terre,
Ou roulent des cabs aux elytres eperdues.*

*Et roulent moins que dans ma tete confondue
La pierre verte de l'absinthe au fond du verre,
Ou je bois la perdition et les tonnerres
A venir du Seigneur pour calciner mon ame nue.*

*Ah! Qu'ils tournent les fuseaux meles des rues
Et filent l'entrelacs des hommes et des femmes
Ainsi qu'une araignee qui tisserait sa trame
Avec les filaments des ames reconnues.*

*Верлен пьет
На углу улиц всегда будут шлюхи,
Потерянные раковины, выброшенные на звездные берега
Синих сумерек, не принадлежащие ни этому миру, ни земле,
По которой катятся такси, как безумные жуки.*

*Но они катятся меньше, чем в моей кружащейся голове
Зеленый самоцвет абсента на дне стакана,
Из которого я пью гибель и гнев
Суда Господня, палящий мою нагую душу.
Ах! Замысловатые веретена улиц*

*Прядут ткань из женщин и мужчин,
Как паук плетет свою паутину
Из нитей неизвестных душ.*

Раймон Кено, «Полет Икара»

Приведенная ниже небольшая драма — часть неявно комического романа в форме пьесы Раймона Кено «Полет Икара». В ней вспоминается чрезвычайно важный ритуал правильного приготовления абсента.

В таверне «Глобус и два света» на улице Бланш был лишь один свободный столик, который, казалось, ждал Икара. Он, действительно, его ждал. Икар сел, и неспешный, неуверенный официант подошел и спросил его, что он будет пить. Икар не знал. Он посмотрел на соседние столики, их обитатели пили абсент. Он указал на эту молочную жидкость, считая ее безвредной. В стакане, который принес официант, она оказалась зеленой, Икар вполне мог бы счесть это оптическим обманом, если бы знал, что это такое. Кроме того, официант принес ложку странной формы, кусок сахара и графин с водой.

Икар наливает воду в абсент, который принимает цвет молока. За соседними столиками восклицают:

Первый пьющий. Позор! Это убийство!

Второй пьющий. Да он ни разу в жизни не пил абсента!

Первый пьющий. Вандализм! Чистый вандализм!

Второй пьющий. Будем снисходительны, назовем это просто невежеством.

Первый пьющий (*обращаясь к Икару*). Мой юный друг, вы никогда прежде не пили абсента?

Икар. Никогда, мсье. Я даже не знал, что это абсент.

Второй пьющий. Откуда вы родом, в таком случае?

Икар. Э-э-э-э...

Первый пьющий. Какое это имеет значение! Мой юный друг, я научу вас готовить абсент.

Икар. Спасибо, мсье.

Первый пьющий. Во-первых, знаете ли вы, что такое абсент?

Икар. Нет, мсье.

Первый пьющий. Наш утешитель, увы, наше успокоение, наша единственная надежда, наша цель и, как эликсир, — а он, несомненно, эликсир, — источник нашей радости. Именно он дает нам силы пройти наш путь до конца.

Второй пьющий. Более того, он — ангел, который держит в руке дар благословенного сна, невыразимых экстатических снов.

Первый пьющий. Будьте любезны не перебивать меня, мсье. Именно это я и собирался сказать, и, добавлю вместе с поэтом: он — слава богов, мистический золотой горшок.

Икар. Я не посмею его пить.

Первый пьющий. Да, его пить нельзя! Вы уничтожили его, выплеснув в него всю водопроводную воду таким варварским способом! Никогда! (*Официанту.*) Принесите мсье еще один абсент.

Официант приносит. Икар тянет руку к своему стакану.

Первый пьющий. Остановитесь, идиот! (*Икар быстро отдергивает руку.*) Его так не пьют! Сейчас я вам покажу. Положите ложку на стакан, в котором уже есть абсент, а затем положите кусок сахара на вышеупомянутую ложку, чья своеобразная форма не могла укрыться от вашего внимания. Затем, очень медленно, лейте воду на кусок сахара, который начнет растворяться, и, капля за каплей, плодотворный и сахаристый дождь польется в эликсир, отчего тот помутнеет. Опять лейте воду осторожно, капля за каплей, пока сахар не растворится, но эликсир еще не станет слишком водянистым. Следите за этим, мой юный друг, смотрите, как процесс производит свое действие... непостижимая алхимия...

Икар. Разве это не красиво?

Он протягивает руку к стакану.
Треть пьющий. А теперь вылейте содержимое на пол.
Два других. Какое кошунство!
Хорофициантов. Кошунство!
Владелец. А, черт!
Икар (*в замешательстве*). Что ж я должен делать?
Спор продолжается, пока не открывается дверь и не входит молодая женщина.
Первая половина хора. Вы должны рассудить нас!
Вторая половина. Вы станете судьей!
Первая половина. Вы будете Соломоном!
<... >
Женщина. Что здесь происходит?
Треть пьющий. Не понимаю, почему эта шлюха...
Женщина. Да, я шлюха, и горжусь этим. Я шлюха, и шлюхой останусь. Но почему «судья, арбитр, Соломон»?
Первый пьющий. Подойдите сюда. Посмотрите на этого молодого человека.
Женщина. Ну, разве он не красавчик?
Второй пьющий. Должен ли он выпить этот абсент?
Треть пьющий. Или не должен? Мне не ясно, почему эта шлюха...
Икар. Мадемуазель...
Женщина. Мсье.
Икар. Я сделаю то, что вы мне прикажете, мадемуазель.
Треть пьющий. Такой молодой, а уже потерянная душа... Абсент и гризетка...
Он неожиданно исчезает.
Женщина, (*указывая на Икара*). Кто это?
Первый пьющий. Я его не знаю, и вы сами видите, что он — не завсегдатай. Так, начинающий. Он даже не знал, как готовить абсент...
Хор пьющих. Должен ли он пить его или нет?
Женщина. Пейте его, молодой человек!
Икар (*смачивает в абсенте губы и строит гримасу*).
<... >
Икар (*ставя стакан*). Я снова попробую его, только если мадемуазель прикажет мне.
Женщина. Мадемуазель вам это приказывает. Сделайте еще глоток.
Икар выпивает большой глоток. Он вежливо улыбается, затем делает еще один глоток.
Второй пьющий. Ну, что вы об этом думаете?
Икар (*после четвертого, пятого, шестого глотка кивает*). Каким далеким мне кажется теперь молоко моей кормилицы!.. Как растут и множатся небесные тела!.. Как бледнеет ночь, превращаясь в бледные туманности! Она уже синяя... опаловый океан затих... Каким далеким я кажусь... поблизости от звезды Абсент...
<... >
Первый пьющий. Ха-ха! Ну, я поставлю всем еще по одному.
Второй пьющий. Я тоже.
Женщина. Будьте благоразумны. Молодому человеку станет плохо.
Икар. Ничего, я в порядке. Голова горячая, печень — холодная, что в данный момент мне не мешает.
Первый пьющий. Вот видите! Официант, всем еще по стакану!
Икар. Не знаю, как вас и благодарить.
Женщина. Ты отблаговаришь его позднее.
Второй пьющий. Он оценит третий стакан.
Женщина (*Икару*). Вы сможете продержаться до него?
Икар. У меня немного кружится голова.
Всем приносят по третьему стакану абсента.
Первый пьющий (*наблюдая за тем, как Икар готовит свой абсент*). Неплохо. У него уже получается.
Второй пьющий. Он все еще льет воду слишком быстро.
Женщина. Вы всегда всех судите! (*Икару*). Очень хорошо для начала, миленький.

Позднее мы снова видим Икара в баре «Глобус и два света». Он уже не новичок и ведет себя подобающим образом:

И к а р (*сидя перед пятым стаканом абсента*). Можно сравнить абсент с воздушным шаром. Он возносит дух, как шар поднимает корзину. Он переносит душу, как шар переносит путешественника. Он приумножает миражи воображения, как шар преумножает горизонты человека, летящего над землей. Он — поток, несущий сны, как шар, который позволяет ветру управлять собой. Давайте же выпьем и поплывем в молочно-зеленоватой волне рассеянных образов в сопровождении окружающих меня завсегдатаев! Их лица зловещи, но их абсентовые сердца абсентируют вдоль тайных, может быть — абиссинских пучин.

Спустя некоторое время Икар переживает падение. ЛН снова появляется и объявляет, что решила бросить проституцию, чтобы стать портнихой и шить одежду для женщин-велосипедисток. Велосипед, говорит она, «даст французским женщинам свободу, которую уже открыли их англосаксонские сестры».

В с е п ь ю щ и е. Bravo! Да здравствует велосипед!..

Пьют, абсент.

Абсент в Испании

Почему возрождение абсента пришло из Восточной Европы, а не из Барселоны, где абсент лучше, — одна из тайн жизни. Бар «Marsella» («Марсель») в китайском квартале «Barrio Chino», описанный здесь британским писателем-путешественником Робертом Элмсом, посещал и Ги Дебор во время своей ссылки в Испанию. Ему нравилась дурная репутация и атмосфера этого квартала, и его биограф Эндрю Хасси пишет: «Дебор часто притуплял свою бесконечную жажду в "Bar Marsella" на улице Каррер-ну-де-ла-Рамбла, сумрачном баре, который специализировался на том виде абсента, который давно уже был запрещен во Франции. Этот бар все еще существует...» Что же до Элмса:

На другой стороне, дикой стороне Рамблас, — «barrio Chino», таинственный Чайна-таун без китайцев, зланный квартал, где происходят странные вещи. Спрятанный под огромным тайным рынком, «Chino» напоминает и лабиринт, и готический город, хотя и не обладает красотой и очарованием средневекового квартала. Эта неопрятная и, несомненно, темная зона здесь и там помечена тихими и довольно красивыми маленькими площадями; их портят лишь использованные шприцы, которые валяются на земле. Тем не менее он непременно понравится, по крайней мере — он нравится мне, и, несмотря на то, что это истинная обитель самой низкой жизни, какую может предложить этот город, «barrio Chino», конечно в дневное время, никогда не казался опасным, разумеется, если смотреть под ноги. Там, на его самых грязных улицах, спрятаны сокровища.

Я натолкнулся на бар «Марсель» во время своей первой невежественной прогулки в свой первый барселонский уик-энд. Много лет люди, спотыкаясь, выходят из него. Черно-белый телевизор беззвучно работает в углу большого, грязного бара со скудной мебелью. Мало кто смотрит на огромную барменшу. Некоторые оживленно играют в карты или в домино в углу, большинство сидит поодиночке и сосредоточенно смотрит в свои стаканы. Ведь «Марсель» — бар абсента.

Абсент пьют с мечтательной церемонией: на край стакана кладут вилку, на ее зубчиках располагают кубик сахара и медленно льют на сахар воду, причем сладкий раствор стекает в темно-зеленую жидкость. Вопреки всем романтическим ассоциациям с Парижем времен его расцвета, это пойло настолько ядовитого, а пристрастие к абсенту столь опасно, что этот напиток запрещен почти повсюду, но не в «barrio Chino». Здесь разрешены даже кошмары.

Когда я, наконец, разрешил себе попробовать абсент, это закончилось тем, что я потерял день, от которого остались лишь обрывки. Весь этот день я, несомненно, сидел с рабочими женщинами из квартала, которые, кажется, были ко мне довольно добры. Позднее, во времена, не затемненные зеленой жидкостью, я обнаружил на площади, по краям которой стояли грузные проститутки, маленькую мемориальную доску в честь Александра Флеминга. Так велика любовь этого больного места к человеку, который изобрел пенициллин.

Абсент в стиле Лос-Анджелеса

Роман 1998 года Д. Дж. Левьена «Полынь» — плод недавнего возрождения абсента. Его герой, Натан Питч, озлобленная мелкая сошка в звездной машине Голливуда, все больше втягивается в питье абсента после того, как впервые пробует его в подпольном клубе.

Подпольные клубы были центром ночной жизни города. О них узнавали друг от друга участники тайной, избранной сети. Я никогда не был членом такого клуба, зато Ронни, очевидно, была. Обычно размещенные в странно стерильных банкетных залах или маленьких, темных, жарких норах, они предлагали то, чего не найдешь в обычных барах. Иногда это были нагота или некоторые сексуальные наклонности, включая поклонение коже или ступне, иногда — наркотики по авторским рецептам. Большой частью бары просто оставались открытыми намного дольше, чем разрешал закон. Клубы распространяли приглашения или пользовались системой тайных паролей, чтобы регулировать доступ, и, учитывая это условие и их секретное расположение, я никогда не был ни в одном из них.

Теперь, когда я входил в холл старого отеля, сердце у меня колотилось от возбуждения. Я прошел через холл, похожий на склеп, и поднялся по вызывавшей мысли о пещере мраморной лестнице, которая вела в бальный зал, где бар размещался той ночью, или в течение той недели, или столько, сколько он был там. Бледный мрамор сообщал скудно освещенному пространству прохладу музея. На полу лежала изношенная ковровая дорожка, и я прошел по ней мимо тяжелых дубовых кресел с обивкой к двери, которую загоразживали молодые жизнерадостные люди в дорогой одежде; они толпились у двери, горя желанием войти. Тяжелая басовая компьютерная музыка раздавалась из зала. Голоса были приглушены, возможно, из-за размера пространства, казалось, будто стены завешаны мокрыми одеялами. Несколько человек пытались уговорить грузного привратника, не обращавшего на них никакого внимания, но мое имя Ронни внесла в список, и я смог преодолеть преграду. На мою руку поставили штамп светящимися чернилами, и я вступил в главную залу.

Походила она на мраморный собор, но поднимавшийся к потолку темный воздух был полон дыма. Она не была приглушенной и чистой, как фойе, а наполнявшие ее люди не были набожными верующими. Здесь царили жара и оживление. Тела прижимались друг к другу, танцуя. Двигались они под музыку двух разных стилей — техно, которое я слышал из фойе, и классического диско. Волны музыки исходили из двух отдельных звуковых систем, расположенных в противоположных концах зала, чтобы столкнуться в центре и осыпаться какофонией. От тесноты, оживления и влажности на рамах светового оборудования, свисавших с потолка, собирались капли воды и падали вниз мутным дождем. Я принялся разглядывать обольстительных девушек, которые танцевали на высоких колонках, и вскоре понял, что это не танцовщицы, а полураздетые натурщицы, которых, пока они двигались, какие-то художники рисовали неоновыми красками, стоя на коленях у их ног.

В зале пахло духами, потом, гвоздикой, камфарой. Мне захотелось найти Ронни и броситься с ней в пучину танца. Я стал искать бар, где мы договорились встретиться и где я должен был выпить стакана два, чтобы добраться до места, в котором уже находились окружающие меня люди. Разглядев бар в другом конце зала, я стал пробираться к нему сквозь толпу и мебель. Я заказал выпивку и, когда бармен поставил передо мной стакан, почувствовал, как мягкие, прохладные руки закрыли мне глаза. Я притворился, что ошупываю кольца прежде, чем закричать поверх гула: «Вероника Сильван?» Я повернулся, она поцеловала меня, снова повернула и повела за собой.

— Оставь это, — сказала она, показав на мой стакан.

Она вела меня через зал так, будто мы заканчивали ловкий танцевальный проход, и не слышала или не обращала внимания на мои крики: «Как дела?» и «Куда мы идем?». Наконец мы дошли до коридора. Он вроде бы вел в кухню, но был перекрыт короткой бархатной веревкой, натянутой между двух латунных стоек, за которой стоял крупный мужчина с наушником и микрофоном. Он направил в нашу сторону ультрафиолетовый фонарь, но, увидев Ронни, опустил его, отцепил веревку и дал нам пройти. Я пробормотал «Спасибо», и Ронни потащила меня за собой, не в кухню, а, скорее, в небольшую гостиную, где находились несколько стройных, невероятно привлекательных женщин и полных, но очень загорелых мужчин. В усатом мужчине, одетом как в начале века, я узнал постановщика непристойных и страшных фильмов, вокруг которого постоянно ходили слухи о разврате на съемочной площадке. Все сидели в летаргических позах на пухлых мягких диванах. Хотя в темноте комнаты было трудно что-либо разглядеть, я увидел на

маленьких столиках несколько бутылок с зеленоватой жидкостью и несколько бокалов в форме колокола.

Хочешь абсента, дорогой? — спросила Ронни. Мои глаза уже привыкли к темноте, и я посмотрел на нее. Она была сногшибательна и немного скандальна в шляпе из мягкого бархата и костюме мужского покроя из темного шелка. Пиджак распахивался на груди, открывая черный кружевной бюстгальтер.

— Абсента... — повторил я. После того как я несколько раз столкнулся с ним, я провел небольшое изыскание и узнал, что он исчез в начале века из-за законов и нетерпимости. — Разве это зелье не сводит с ума? — спросил я, проверяя то, что уже выяснил.

— Только если в нем слишком много полыни, друг мой, — ответил мне через комнату изысканный, но очень полный мужчина. — Силу абсенту дает ее корень. Без полыни вы пили бы просто анисовую водку.

Ронни дала мне бокал и подвела меня к тахте.

— Садись, — сказала она.

— А в этой марке есть полынь? — спросил я. — Откуда ты знаешь, не слишком ли ее много?

— Не дури, милый. От полыни он такой, какой есть. В этой партии ее столько, сколько надо, — сказала она, налив в наши стаканы небольшую порцию зеленой жидкости. Затем она положила на край стаканов серебряные ложки в форме Эйфелевой башни, напоминавшие ситечко, поставила на них по несколько кубиков сахара и начала медленно лить по этим сооружениям воду. Глядя на нее, я вспомнил людей с чайными чашками и фляжками в «Сумасшедшем доме» в ту ночь, когда мы познакомились.

— А кто эти люди? — спросил я, указывая в сторону главного зала.

— Да так... Одни сидят на кокаине или других наркотиках.

Некоторые просто пьяны. Некоторые трезвы. Какая разница? — сказала она, убирая сетчатые ложки и размешивая растаявший сахар в смеси, которая теперь стала мутной и светло-зеленой.

— Никакой, — пожал я плечами, принимая от нее стакан. Она подняла свой, и мы чокнулись. Я выждал мгновение,

глубоко дыша, но уже знал, что пойду до конца, и не видел смысла тянуть время. Потом я отпил большой глоток, опустошив стакан наполовину. У напитка был легкий привкус лакрицы, а не мяты, как я ожидал из-за его цвета, и сам он освежал (он был холодный, наверное, из-за воды).

— Нравится? — спросила Ронни, прижимаясь ко мне.

— Кажется, да, — сказал я, проглатывая остаток и чувствуя, как завитки абсента проникают в мою кровь.

Как будто издавека я услышал, как усатый мужчина сказал кому-то: «Да, чернобыль. Так называется полынь по-русски. Любопытное совпадение, правда?» Я понял, что он обращается ко мне, когда он дружелюбно потрепал меня по плечу.

— Он мог бы вернуть дни еппи* [*Тоска (франц.). (Примеч. пер.)*], — лениво размышлял я вслух, понимая теперь, почему все эти люди лежат на диванах.

— Нет, дорогой мой, время еппи* прошло, — сказал мужчина с усами, выходя из комнаты. — Сейчас время страха. Чистого страха.

Я вздрогнул и выпил еще.

По мере того как продолжалась ночь и лился абсент, я чувствовал, как меня охватывает ощущение забвения. Я долго пытался вспомнить, что именно Оскар Уайльд сказал об абсенте. «Первая стадия — как при обычном питье, во второй ты начинаешь видеть чудовищные и жестокие вещи, а если тебе хватит духа продолжать, ты вступишь в третью стадию, когда ты видишь то, что хочешь видеть, — прекрасные, удивительные вещи... » Но эти слова растворялись, как и засасывающее, похожее на земное притяжение чувство, которое завладело моими ногами и приковало их к земле.

Обычное изнеможение и бессвязность, сопровождающие тяжелое пьянство, не приходили, а Ронни продолжала наливать. Она все ближе приближалась ко мне с каждым стаканом, и скоро мне начало казаться, что мы глубоко общаемся друг с другом, хотя никто из нас не произнес ни слова. Другие обитатели комнаты стали исчезать. Я не видел, как они выходили, но неожиданно заметил, что их уже нет. Мы с Ронни остались совершенно одни, не считая уютной бархатной мебели, и в следующее мгновение оказались друг на друге. Наши голодные губы хватили в темноте сначала ткань, потом — плоть. Равновесие покинуло меня, когда я вошел в нее. Мне казалось, будто я восхожу на беспредельные высоты и падаю сквозь океан зеленых испарений. Затем я погрузился во тьму.

Придя в себя намного позже, я испытал разочарование, потому что она исчезла. Я протер глаза, осмотрелся и увидел, что совершенно один. На какое-то мгновение я ощутил то же раздувавшееся, как аккордеон, чувство, которое уже испытывал раньше, но заправил рубашку в брюки, взял себя в руки и взбрызнул себе лицо из одного из оставленных на столах графинов с водой. Я посмотрел на

часы. Был уже пятый час, но, как ни странно, музыка все еще непрерывно пульсировала снаружи. Вернувшись в немного менее людный зал, я стал искать ее.

Проблуждав минут пятнадцать в толпе редющих гуляк, я все еще не нашел ее. Настроение стало портиться вместе с уменьшающейся надеждой, абсент постепенно выветривался, и я осознал свое полное одиночество. Я нашел автомат и набрал номер Ронни, но услышал лишь автоответчик. Мерзкий автомат был против меня. Не найдя ни ее, ни кого-либо еще из тайной комнаты и все еще находясь под странным действием абсента, я пошел к машине. Она была невредима, и я поехал домой.

По дороге, стараясь сохранять сосредоточенность, я наконец вспомнил, что именно Оскар Уайльд сказал об абсенте. В первый раз я, наверное, что-то перепутал, так как к тому времени выпил уже больше четырех стаканов, но теперь его слова ясно

отдавались в моем мозгу. «После первого стакана ты видишь вещи такими, какими ты хочешь их видеть. После второго ты видишь вещи не такими, какие они есть. Наконец, ты видишь вещи такими, какие они на самом деле, и это самое страшное чувство в мире»...

Нераскаявшийся Кроншоу

Сомерсет Моэм создал запоминающийся образ ни о чем не жалеющего любителя абсента, Кроншоу, которому, по-видимому, известна тайна жизни. Он появляется в романе 1915 года «О страстях человеческих». Кроншоу вернулся из Парижа и теперь живет в Сохо, на Хайд-стрит, 43. Филип, молодой врач-идеалист, снова встречает его в захудалом ресторане на Дин-стрит.

Прошло почти три года с тех пор, как они расстались, и Филип был потрясен переменой, которая произошла с Кроншоу. Прежде он был скорее грузен, теперь же лицо у него было высохшее, желтое, кожа на шее обвисла и сморщилась; одежда болталась мешком, как с чужого плеча, воротничок казался на три или на четыре номера шире, чем надо, и это делало его еще более неряшливым. Руки непрерывно дрожали. Филип вспомнил его почерк: неровные строчки, бесформенные каракули. Кроншоу был, очевидно, тяжело болен.

— Ем я теперь мало, — сказал он. — По утрам меня всегда тошнит. На ужин заказываю суп, а потом беру кусочек сыру.

Филип невольно смотрел на абсент, и, перехватив его взгляд, Кроншоу ехидно посмотрел на собеседника, словно издеваясь над его попыткой воззвать к здравому смыслу.

— Да, вы правильно поставили диагноз. Небось, считаете, что мне не надо его пить?

— У вас, очевидно, цирроз печени, — сказал Филип.

— Да, наверное.

Он насмешливо поглядел на Филипа; прежде этот взгляд заставлял молодого врача болезненно чувствовать свою ограниченность. Казалось, он говорил, что все рассуждения Филипа уныло тривиальны: ну хорошо, вы признали очевидную истину, стоит ли еще распространяться?

Филип переменял тему.

— Когда вы собираетесь обратно в Париж?

— Я не собираюсь в Париж. Я собираюсь умереть.

Простота, с какой он это сказал, потрясла Филипа. Он раздумывал, что бы ответить, но всякие слова казались неубедительными. Он ведь знал, что Кроншоу болен смертельно.

— Значит, вы намерены обосноваться в Лондоне? — неловко осведомился я.

— А что мне Лондон? Я здесь как рыба, вытщенная из воды. Брожу по людным улицам, меня со всех сторон толкают, и у меня такое чувство, будто я попал в мертвый город. Мне не захотелось умирать в Париже. Я решил умереть на родине. Не понимаю, в чем тут дело, но какая-то внутренняя тяга привела меня домой.

Филип знал женщину, с которой жил Кроншоу, и его двух чумазных детей, но тот ни разу о них не упомянул, и он не решался о них спросить. Интересно, что с ними?

— Не понимаю, почему вы так настойчиво говорите о смерти, — сказал он.

— Года два назад я болел воспалением легких, и врачи мне объяснили, что я выкарабкался только чудом. Оказалось, что я крайне подвержен этому заболеванию. Стоит мне схватить его еще раз, и я погиб.

— Какая ерунда! Дело совсем не так плохо, как вам кажется. Надо только быть поосторожнее. Почему бы вам не бросить пить?

— Потому, что я не желаю. Человек может поступать, как ему угодно, если он согласен нести за это ответственность. Вот и я готов нести ответственность. Легко вам предлагать мне бросить пить, а это ведь — единственное, что у меня осталось. Какая, по-вашему, была бы у меня без этого жизнь? Вы понимаете, сколько счастья дает мне абсент? Я не могу без него существовать. Когда я пью абсент, я наслаждаюсь каждой каплей, а выпив, чувствую, что душа моя парит от счастья. Вам противно это слушать. Вы пуританин и в глубине души презираете чувственные наслаждения. А ведь чувственные наслаждения — самые сильные и самые утонченные. Я — человек, одаренный острым чувственным восприятием, и всю жизнь потакал своим чувствам. Теперь мне приходится за это платить, и я готов. Филип поглядел ему прямо в глаза.

— А вы не боитесь?

Мгновение Кроншоу молчал. Казалось, он обдумывает ответ.

— Иногда, когда я один. — Он взглянул на Филипа. — Вы думаете, это и есть мое наказание? Ошибаетесь. Я не боюсь своего страха. Христианские слова о памяти смертной — безумие. Жить можно только тогда, когда ты забудешь, что умрешь. Смерть не заслуживает того, чтобы о ней думали. Страх смерти не должен влиять на мудреца. Да, умирая, я буду томиться от удушья и от страха. Да, я не смогу удержаться от горького сожаления о жизни, которая довела меня до этой ужасной минуты; но я заранее отрекаюсь от своего раскаяния. Покамест я, вот такой, как я есть, — старый, больной, беспомощный, нищий, умирающий — хозяин своей души, и ни о чем не жалею.

— Помните персидский ковер, который вы мне подарили? — спросил Филип.

Лицо Кроншоу медленно, как прежде, осветилось улыбкой.

— Я вам сказал, что он ответит на ваш вопрос, когда вы спросили меня, в чем смысл жизни. Ну как, вы нашли ответ?

— Нет, — улыбнулся Филип. — А вы мне его не откроете?

— Не могу. Разгадка не имеет никакого смысла, если вы не нашли ее сами.

Приложение 2

НЕКОТОРЫЕ МАРКИ АБСЕНТА

С тех пор как абсент «Hill's» пришел с холода* [*Аллюзия на роман «Штион, пришедший с холода» Джона Ле Карре*] в 1998 году, рынок наводнила волна марок абсента и похожих на абсент напитков. Некоторые из них — отнюдь не абсент, кто-то должен это сказать. Вообще же есть два стиля абсента: подлинный французский (или испанский) стиль, очень похожий на «Перно», но крепче и часто скорее зеленоватый, чем желтый (эти марки мутнеют при добавлении воды), и абсент восточноевропейского, «богемского» стиля, часто голубоватый, который не мутнеет при контакте с водой и нередко напоминает жидкость для мытья окон. Я говорю «стиль», так как некоторые из худших марок восточноевропейского стиля производятся во Франции. И наоборот, есть хорошие восточноевропейские марки.

Все комментарии здесь даны, как выражаются в судебных кругах, «без пристрастия». Итак, в затемненной комнате, вызвав ушедший дух Джорджа Сентсбери, приступим.

«Pere Kermann's Absinthe» (60% спирта), Франция, но в восточноевропейском стиле

Несомненно, лучшее в этой марке — этикетка, на которой изображен милый старый монах, похожий на гигантского хомяка, который сидит в своей келье и пишет в старой книге: «Mon Absinthe Sera Tonique et Digestif» («Мой абсент возбуждает и легко усваивается»). Совет, который приводится ниже, тоже достоин того, чтобы задержать на нем взгляд: «Avec une morale saine et une hygiene rationnelle l'homme ne meurt que de vieillesse»* [*При здоровой нравственности и разумной гигиене человек умирает лишь от старости (франц.). (Примеч. пер.)*]. Эта сентенция, несомненно, правдива, но что она делает на бутылке? Что нам пытаются сказать?

Как только вы попробуете этот напиток, на самом деле довольно ужасный, вам уже не смешно. Вкус этой марки, очень синтетический, с оттенком ванильного ароматизатора, возможно, немного напоминает что-то вроде «Кюрасао». На мысль о «Кюрасао» наталкивает и ее искусственный цвет. У этой марки нет анисового привкуса, а жгучая жидкость, похожая на какое-то полоскание, в сущности, просто разбавленный водой неочищенный спирт с добавлением искусственных ароматизаторов. Цвет этой марки более светлый и голубоватый, чем цвет классического абсента. Она не мутнеет при контакте с водой, а просто становится жиже.

Более внимательно глядя на этикетку на задней стороне бутылки, мы обнаруживаем, что эта марка претендует лишь на то, чтобы «напомнить об имевшем плохую репутацию, запрещенном французском напитке», и что она содержит «полынь *Artemisia Vulgaris*». Это не настоящая полынь (*Artemisia Absinthium*), а красиво названный чернобыльник. Рекомендуются только любителям лосьонов после бритья.

Рейтинг Доусона: ноль.

«Trenet» (60% спирта), Франция, но в восточноевропейском стиле

Эта марка слишком уж сильно напоминает «Pere Kermann's». Если «Trenet» чем-то и отличается, то более затхлым и лекарственным вкусом, похожим на прогорклый сироп от кашля. Нет, все-таки сироп приятнее.

Эта марка тоже обещает лишь «вызвать воспоминания о запрещенном напитке, обладавшем дурной славой». От «Kermann's» она выгодно отличается тем, что ей хватает такта продаваться в маленьких бутылках. Поэтому вы заплатите лишь три фунта за то, чтобы выяснить, что она вам не нравится. Однако недавно были замечены и более крупные бутылки в форме Эйфелевой башни.

Мне сообщили, что и «Pere Kermann's» и «Trenet» производят в Гавре, в благоприятной близости от ничего не подозревающих британцев.

Рейтинг Доусона: ноль.

«Hapsburg» (72, 5% спирта), Болгария

Очень зеленый и очень крепкий. Не очень сильный вкус аниса соперничает с острым вкусом спирта и несколько более грязными и затхлыми искусственными ароматизаторами. Эта марка тоже не слишком приятна на вкус.

Рейтинг Доусона: один.

«Prague» (60% спирта), Чехия

Наконец-то, после предшествующего трио, мы входим в область чего-то менее ядовитого, хотя эта марка все еще не заслуживает особого восторга. Достаточный анисовый вкус сочетается с привкусом мяты.

На этикетке сообщается, что «лучше подавать его с сахаром или медом, и можно разбавлять тоником или чистой водой по вкусу». Поскольку, по всеобщему мнению, вкусом восточноевропейские марки напоминают шампунь от перхоти, эта рекомендация может показаться неуместно элегантно отсылкой к более изысканному стилю жизни. И все же, надо признаться, он не так уж плох.

Рейтинг Доусона: три.

«Hill's» (70% спирта), Чехия

Это дедушка чешских марок абсента, с него все начиналось. Всем известно, что прозрачный синеватый напиток не очень приятен на вкус, хотя, несомненно, вызывает опьянение. Как мы уже видели, вкус этот спровоцировал оскорбительные сравнения; но, попробовав его, понимаешь, чему именно пытаются подражать марки типа «Trenet» и «Pere Kermann». По сравнению с ними у этой марки более богатый, глубокий, даже пряный вкус. В таком абсенте не слишком много аниса, и он не мутнеет от воды, но при контакте с водой выделяет слабый букет ароматов, напоминающих корицу.

Рейтинг Доусона: три.

«Sebor» (55% спирта), Чехия

Несколько пошлая и неоригинальная британская реклама этой марки упоминает уху Ван Гога и обещает намного более сильный галлюциногенный эффект, чем у ее основного конкурента на британском рынке, что, видимо, можно счесть несколько устаревшим намеком на «Hill's». «Sebor» содержит 10 миллиграммов туйона, в то время как «Hill's», очевидно, содержит чисто номинальные 1,8 мг или даже меньше. Я не видел ящериц, бегающих по стенам, не наносил себе увечья и не горел желанием избить своих ближних, и тем не менее это очень хорошая марка.

Цвет у «Sebor» — ярко-зеленый, немного темнее, чем у большинства других марок. Вкус — мягкий, с легким анисовым оттенком и сильным привкусом лакрицы; богатый, травянистый, «лекарственный», очень ароматный и немного острый. Эта сильная, сухая «травянистость» немного напомнила мне «Underberg» и «King of Spirits». Приятный сухой аромат похож на запах старого свадебного торта.

По-моему, во всяком случае — вначале, эта марка стимулирует, бодрит, опьяняет. Она была намного лучше всех остальных восточноевропейских марок абсента (собственно, это просто совсем другое дело), пока не появился «King of Spirits». При добавлении льда и холодной воды она немного мутнеет.

Рейтинг Доусона: четыре.

«King of Spirits» (70% спирта), Чехия

Кто этот маленький, похожий на хорька псих на этикетке, чуть более ловкий, чем полный шизофреник, но явно не вполне здоровый? Если верить надписи, это Ван Гог, хотя вы вряд ли узнали бы его. Поэтому обычно я называл ее «Маркой психа».

«King of Spirits» четко выделяется намного более естественным цветом. У других марок — химические сине-зеленые оттенки, а у этой цвет зеленого оливкового масла. «King of Spirits» весело булькает в бутылке, пока вы рассматриваете этикетку, как и подобает летучей жидкости с высоким содержанием спирта. А на дне, как кучка компоста, лежат листья, стебли, семена и прочее в том же духе.

Абсент — приятно горький (некоторые считают, что слишком). По крайней мере, он явно улучшает настроение, странно обостряет чувства и вызывает смешливость. «Вот оно!» — подумал я, впервые попробовав его, и в моем мозгу всплыла фраза «жадный до травы», а там — и воспоминания о детской телевизионной передаче 70-х годов «Травы» («Я лавровый лист, я садовник...»). Я рекомендовал «Психа» одному другу, который сообщил мне потом, что «от него начинаешь улыбаться», и очень быстро. Моему другу кто-то позвонил после того, как он выпил «King of Spirits», и он все время хихикал в трубку, ничего не мог поделать. Тем не менее он бросил его пить, поскольку у него начал болеть живот.

Абсент «King of Spirits» явно близок к «Sebor», хотя он крепче и более горек на вкус. Могу сказать, что в умеренных дозах он мне очень нравится. Наверное, мир стал бы скучнее, если бы его перестали выпускать.

Рейтинг Доусона: четыре.

«Mari Mayans» (70% спирта), Испания

Этот абсент производят в Ибисе и продают (по крайней мере, иногда) в пронумерованных «коллекционных бутылках». Марка, очевидно, пользуется неизменным успехом с 1880 года. Абсент никогда не был запрещен в Испании. У «Mari Mayans» приятно мягкий и богатый вкус с очень сильным, свежим, довольно простым анисовым оттенком, как у «Перно», и легким намеком на лакрицу. Почти кондитерская чистота вкуса маскирует большую крепость. Имейте в виду, что «Перно», например, содержит лишь 40% спирта, и даже он крепче виски. Это — самая анисовая марка из всех, которые я проверил.

Цвет у нее — бледно-зеленый с каким-то электрическим оттенком. При контакте с водой она становится опаловой, и кажется, что радиоактивная на вид жидкость должна светиться в темноте. Абсент действительно хороший, мне он очень нравится.

Рейтинг Доусона: пять.

«La Fee» (68% спирта), Франция

Это новый конкурент из Франции, где его производят только для экспорта. Абсент, очевидно, основан на оригинальном рецепте XIX века, и его восхваляет от всей души сама госпожа Абсент, Мари-Клод Делаэ, директор музея, возможно, главный в мире эксперт в этой области. Ее подпись стоит на черной этикетке. Своим существованием «La Fee» обязана протестам Делаэ против «Hill's» и принадлежит той же компании-импортеру, что и «Hill's», — «Зеленой Богемии», связанной с журналом «The Idler».

Вкус у этой марки менее «чистый», чем у «Mari Mayans», менее сладкий и менее анисовый, с более сложным сочетанием трав. Вначале чувствуется лекарственная нота сладковатой микстуры от кашля и немало аниса, потом идет что-то вроде лесного озера, а после всего — привкус, напоминающий темные напитки, например виски и ром, возможно, благодаря карамели. Древесные ноты придают ему не только привкус аниса, но и анисового семени, словно вы добираетесь до сердцевинки и находите там горькое, как будто горелое, черное ядрышко. Это немного напоминает такие напитки, как кюммель.

Добавление воды делает этот абсент приятно опаловым, а его вкус — немного более чистым, удаляя сладковатый привкус микстуры и давая волю анису и горьким травам. Как и в случае с «Mari Mayans», если добавить столько ледяной воды, сколько надо (на этикетке рекомендуется разбавлять его в соотношении от шести до восьми к одному), этот абсент очень освежает, если такое невинное слово уместно, когда речь идет о смертельно крепком напитке. Эта марка тоже очень хорошая и, вполне вероятно, скоро затмит «Hill's» на британском рынке. При дегустации она разделила первое место с «Mari Mayans», хотя каждая из этих марок сохраняет особые и независимые качества.

Рейтинг Доусона: пять.

Мы решили не включать сюда постоянно меняющиеся цены, но в начале нового века (XXI) «Hill's», «Mari Mayans», «King of Spirits» и «Sebor» стоили примерно сорок-пятьдесят фунтов стерлингов.

Этот скромный отбор отнюдь не охватывает все доступные сейчас виды абсента, но в него вошли основные марки. Слышал я хорошие отзывы и об испанской марке «Deva». В мире сейчас существует от сорока до пятидесяти видов абсента, включая любопытные марки

типа «Absenta Serpis» (красного цвета) и такие редкие виды, как «La Bleue» — швейцарская марка, которая распространяется полуподпольно и содержит внушительную дозу в 60 мг туйона, а также «Logan 100» — феноменально дорогая чешская марка, в которой 100 мг туйона.

Тэд Бро, химик и биолог из Нового Орлеана, потратил несколько лет на исследования абсента и воссоздал рецепт старого «Перно». В этих изысканиях ему помогли две очень редкие столетние бутылки настоящего абсента. По некоторым сообщениям, Бро собирается запустить в производство свою собственную марку, которую будут продавать за пределами США. В некоторых сферах этого ждут с нетерпением.

ПРИМЕЧАНИЯ

Пролог

Эту печальную историю можно найти в Zolotow (1971) и более поздних книгах того же автора.

Глава 1. Что такое абсент?

«...знаешь ли ты, что это такое?» — Marie Corelli *Wormwood: A Drama of Paris*. Vol. III. P. 36.

«...наденет смирительные рубашки...» — Джордж Онет, цит. по: Barnaby Conrad, «Absinthe: History in a Bottle». P. 6.

«...кокаином XIX века». — R. Nadelson «Sweet Taste of Decadence» *Metropolitan Home*. Nov. 1982; цит. по: Doris Lanier *Absinthe: The Cocaine of the Nineteenth Century* (Jefferson, McFarland and Co., 1995). P. 1. Роберт Хьюс (Robert Hughes) уже сравнивал абсент с кокаином в своем обзоре творчества Тулуз-Лотрека в журнале «Time», который затем был перепечатан в его книге «Nothing If Not Critical: Selected Essays on Art and Artists» (Harvill, 1990). P. 127.

«...намеренный отказ от нормальной жизни...» — Conrad. P. x.

«...эротизме и декадентской чувственности». — Lanier. P. 1.

«...разъедает даже прочный камень». — Don Conklin 'Absinthe is making a comeback' *College Hill Independent*.

«...грехом и смертью». — Richard Klein *Cigarettes are Sublime*. P. x.

«...не добры, не прекрасны, а возвышенны». — Ibid. P. 2.

«...но не только». — Maugham, W. Somerset *The Magician, together with a fragment of Autobiography*. P. viii.

«Гарсон! Мне — перно!» — Aleister Crowley *The Confessions of Aleister Crowley*. P. 574.

«...милости и добродетели, которые не даст никакой другой напиток». — Crowley, «The Green Goddess».

Примечания

«...не вредя телу». — Ibid.

«...плениет сердце, возносит душу». — «La Légende de l'Absinthe».

«восхитительно колониальным». — Crowley, *Confessions*. P. 499.

«...не слишком полезен в том климате». — Ibid.

«социальная миссия английской критики». — См.: C. Baldick, *The Social Mission of English Criticism* (O.U.P. 1983).

«...быть таким подлецом». — George Orwell, *The Road to Wigan Pier* (Gollancz, 1937). P. 167.

«...никто из них не совершил». — Цит. по: John Gross, *The Rise and Fall of the Man of Letters* (Weidenfeld and Nicolson, 1969). P. 142.

«...больше рюмки в день». — George Saintsbury, *Notes on a Cellar-Book*. P. 141–145.

«совершенного напитка...» — Roland Barthes by Roland Barthes. P. 96.

«вечеринка, как в 1899-м!» — Реклама, журнал «The Idler» (1999. № 25).

Глава 2. Девяностые годы XIX века

«...были едва слышны слова "vieux jeu" и "гососо"». — Max Beerbohm, «Epoch Soames» в: *The Boadley Head Max Beerbohm*. P. 58.

«...в доверии и поддержке». — Ibid. P. 62.

«...фантастической усталости и скуки...» — Holbrook Jackson *The Eighteen Nineteens* (Jonathan Cape, 1927), новое предисловие.

«...странных певцов похоти и безнадежности». — Peter Ackroyd, вступление к: *A Catalogue of Rare Books Offered for Sale from the collection of Giles Gordon: Oscar Wilde, Aubrey Beardsley and the 1890s* (London, Gekoski, 1994).

«...оно типично для 1890-х...» — Richard Le Gallienne *The Romantic '90s*. P. 192.

«Я надеюсь, вы пьете абсент...» — Ibid.

«...сатанизм и крайнюю растленность». — Ibid.

«Разве Поль Верлен не пил...» — Ibid.

«...со сладким трепетом...» — Ibid.

«...слишком свирепое зелье». — Ibid. P. 193/

«...стимулировал и прояснял его разум и воображение». — Ibid. P. 194. Обычно сообщают, что Джонсон умер, упав с высокого барного табурета, но Ле Гальен считает, что он погиб, сбитый экипажем.

- «...встречаются в таком-то кафе». — Lionel Johnson «The Cultured Faun», в: *The Anti-Jacobin* 1891, цит. в: R.K.R. Thornton *Poetry of the Nineties*. P. 20–21.
- «...ненатуральных плодов». — Arthur Symons, «London», *Arthur Symons: Selected Writings*. P. 60.
- «...равнодушно ты усыпляешь меня». — «The Absinthe Drinker». Ibid. p. 34.
- «...мне хорошо тонуть». — «The Opium Smoker». Ibid. P. 29.
- «...силой, воздействием и изменениями». — Ibid. P. 346.
- «...последняя труба должна была прозвучать...» — Цит. в: R. Ellmann, *Oscar Wilde*. P. 301.
- «...дарил ему его видения и похоти». — Ibid. P. 346.
- «Он ничего не говорит мне». — Ibid. P. 562.
- «...так подходит к моему стилю». — Ibid.
- «...разница между ним и закатом?» — Ibid.
- «...мог бы пить абсент?» — *Arthur Machen: A Bibliography* by Henry Danielson, with Notes by Arthur Machen. P. 31–32.
- «...приводит к безумию». — Ibid. P. 469.
- «...головки тюльпанов бьют меня по ногам». — J. Fothergill *My Three Inns*. P. 139.
- «Морг ждет меня...» — Ellmann *Wilde*. P. 580.
- «Кому-то из нас придется уйти». — Ibid. P. 581.
- «...был душой компании». — Ibid.
- «...уж точно опьянишься». — Ibid. P. 562.
- «Подражая французам...» — William Schwenk Gilbert *Lost Bab Ballads*. P. 100.
- «...Мне скорее геенна близка». — *The Complete Poetical Works of Robert Williams Buchanan*. P. 399.
- «...очень плохой». — Gross. P. 145.
- «...немошного гнома». — Buchanan. P. 390.
- «...не остаться без презента». — Ibid. P. 393.
- «...пожалуй, не спустишься ниже». — F. Harald Williams *Confessions of a Poet*. P. 461.
- «тайно пьет питательный напиток...» — Robert Hichens *The Green Carnation*. P. 13ff.
- «...так хорошо сочетается с цветом абсента». — Ibid. P. 18.

- «...У души есть свой Уэст-Энд и свой Уайтчепел». — Ibid. P. 9.
- «...Оригинально, n'est-ce pas?» — *The Savoy: Nineties Experiment* ed. Stanley Weintraub. P. xviii.
- «...модели моего пениса». — Peter Raby *Aubrey Beardsley and the Nineties*. P. 85.
- «...дьявольским моноклем». — James G. Nelson *Publisher to the Decadents: Leonard Smisers in the Careers of Beardsley, Wilde, Dowson*. P. 65.
- «...и для полиции». — *Wilde Letters*. P. 1063.
- «...эротоман в Европе». — Ibid. P. 924.
- «...он был очень мил». — Ibid. P. 1101.
- «...вернулся к абсенту». — Письмо Смайзерса Уайльду. Ibid. 1012 n.
- «Привет от Доусона...» — Ibid.
- «в ужаснейших обстоятельствах». — Рэйнджер Галл (Ranger Gull), цит. в: Jad Adams *Madder Music, Stronger Wine: The Life of Ernest Dowson, Poet and Decadent*. P. 173.
- «...русского романа». — R.A. Walker, цит. в: Nelson. P. 283.

Глава 3. Жизнь и смерть Эрнеста Доусона

- Неоценимым материалом для подготовки этой главы для меня была великолепная биография Доусона Джэда Адамса (Jad Adams) «Madder Music, Stronger Wine» (I.B. Tauris, 2000).
- «...странную любовь к отвратительному...» — Arthur Symons, 'A Literary Causerie: On a Book of Verses' *The Savoy* No.4 (August, 1896). P. 93.
- «унесенные ветром» — цитата из стихотворения Доусона «Цинара». «Если смерть идет ко мне... Дай мне встретить ее, чужака в чужой стране» — из рассказа Доусона «The Dying of Francis Donne», опубликованного в журнале «Савой» (*Savoy* August 1896. № 4). «Дни вина и роз» — цитата из стихотворения Доусона «Vitae Summa Brevis».
- «зачем вообще писать эту книгу?» — Nelson. P. 235.
- «...мучителен и жесток». — Raby. P. 36.
- «...на моих святых». — Dowson *Letters*. P. 213.
- «К Дороти...» — Adams. P. 55.
- «обанкротившимся предприятием». — Ibid. P. 15.
- «...Давно в краю утерянных вещей». — «Dregs», цит. в: Adams. P. 12.
- «...протоплазма в эмбрионе пещерного человека». — Dowson *Letters*. P. 77.

- «...Абсент обладает колдовской силой...» — Цит. в: Thurston Hopkins, «A London Phantom».
- «Как это чудесно!» — Dowson *Letters*. P. 175.
- «...теперь я многое так вижу». — Ibid. P. 174.
- «...сумасшедший, когда пил или принимал наркотики». — Adams. P. 92.
- «...что-нибудь абсурдно жестокое». — Ibid. P. 102.
- «...визжит и ругается от злости». — Ibid. P. 101.
- «...к чистой или грязной». — W.B. Yeats, «The Tragic Generation» в: *Autobiographies*. P. 311.
- «...как Браунинг с женой!» — Ibid. P. 327.
- «...в голове страшно шумит». — Dowson *Letters*. P. 307.
- «Виски против абсента». — Ibid. P. 35.
- «Доброе старое "Café Royal"». — Ibid. P. 94.
- «...может меня оживить». — Ibid. P. 96.
- «...как бы вреден он ни был». — Ibid. P. 107.
- «...класть деньги на неправильный счет». — Vincent O'Sullivan *Aspects of Wilde* (1936), цит. в: Adams. P. 125—126.
- «...Рисунок на обложке "Голода" с каждым днем все больше становится похожим на Эрнеста». — Wilde *Letters* 1151; 1153.
- «...под яблонями!» — Ibid. P. 900.
- «...а Доусон (он здесь) никогда». — Ibid. P. 898.
- «...les saouls ne soient toujours poètes». — Ellmann. P. 542.
- «...восстановится моя репутация». — Adams. P. 145.
- «Сегодня утром я решил выпить Перно...» — Wilde *Letters*. P. 901.
- «...и ты нам нужен». — Ibid. P. 907.
- «...мы не смеем даже смотреть на них». — Dowson *Letters*. P. 317.
- «...послание от Сатаны...» — Ibid. P. 327.
- «...абсента, а потом и позавтракал». — Ibid. P. 326.
- смачивал свой крест в абсенте. — Ranger Gull, цит. в: Adams. P. 155.
- «...всю многочисленную паству». — Dowson *Letters*. P. 327.
- «...за пределами обычного». — Adams. P. 146.
- «...очень необычные галлюцинации...» — Conder, цит. в: Adams. P. 158.
- «...беседа с ним — неразбавленный купорос». — Adams. P. 159.
- «В будущем». — Adams. P. 166.
- «...да благословит вас Господь». — Adams. P. 168.

- «...потому что он знал любовь». — Wilde *Letters*. P. 1173.
- «Общество 1890-х годов» и «Погибельный клуб» (The Lost Club): устное сообщение Рэя Рассела (Ray Russell).
- «...если это и бывало, я о том забыл». — W.B. Yeats *The Oxford Book of Modern Verse 1892-1935*. P. xi.
- Глава 4. А в это время во Франции...
- «Доктор Мартен вчера сказал мне...» — *Pages from the Goncourt Journals*, ed. Robert Baldick. P. 392.
- «Бешеная собака» и «"absinthe" и "absent"» — эти анекдоты можно найти в: Conrad. P. viii.
- Стихотворение Эдмона Бужуа цит. в: Delayae *L'Absinthe: Art et Histoire*. P. 74.
- «...признаки невротического бездельника». — Ш. Бодлер. Цветы зла. Стихотворения в прозе. Дневники (М.: Высшая школа, 1993). С. 309.
- Жюль Берто (Jules Bertaut) *Le Boulevard*, цит. в: Marie-Claude Delahaye *L'Absinthe: Art et Histoire*. P. 86.
- «...поэзией, добродетелью, чем угодно». — Ш. Бодлер. Цветы зла. Стихотворения в прозе. Дневники (М.: Высшая школа, 1993). С. 239.
- «всегда гореть этим сильным, ярким, как драгоценный камень...» — русский перевод С.Г. Займовского. Уолтер Пейтер (Вальтер Патер). Ренессанс (М.: Проблемы эстетики, 1912). С. 191—192.
- «...К реке забвения летит она». — Русский перевод В. Левика. Ш. Бодлер. Цветы зла. Стихотворения в прозе. Дневники (М.: Высшая школа, 1993). С. 79.
- «Всякий человек носит в себе известную дозу природного опиума». — Русский перевод Л. Гуревич и С. Парнок. Ш. Бодлер. Стихотворения в прозе (СПб.: Посев, 1909). С. 49.
- «...Великолепным блеском разложения». — Eugene Lee-Hamilton, в: R.K.R. Thornton *Poetry of the Nineties*. P. 41.
- «...означал, что он пил абсент с сахаром». — Цит. в: Conrad. P. ix.
- «отвратительная гримаса...» — Antoine Adam, цит. в: Lanier. P. 50.
- «...орангутана, сбежавшего из клетки». — Lepelletier, цит. в: Lanier. P. 50.
- «...с большим трудом удавалось его увести». — Joanna Richardson *Verlaine*. P. 26.
- «...Абсент днем и ночью». — *A Poet's Confession* цит. в: Conrad. P. 25.

- «...благоухающий страшной радостью». — Richardson. P. 288.
 «...Мадемуазель, будьте добры, один абсент». — Ibid. P. 95.
 «...не мог вернуться в школу без посторонней помощи». — Lanier.
 P. 63.
 «...Прости за все ужасы». — Цит. в: Congrad. P. 33.
 «...в те же венчики абсента», — Edmund Gosse, «A First Sight of Verlaine» *The Savoy* (April. 1896. № 2). P. 113.
 «На китайца, если хотите...» — Ibid. P. 116.
 «...стоял стакан великолепного зелья». — Цит. в: Richardson. P. 247.
 «...все счастье, всю жизнь». — Bergen Applegate, цит. в: Lanier.
 P. 47.
 «вырождение ...волшебную печаль». — Max Nordau *Degeneration*.
 P. 119–127.
 «...давно считают полным чудовищем...» — Richardson. P. 292.
 «...у меня на это есть причины». — «A Francois Corpée», в: *Dedicaces*. P. 10.
 «...Абсент!» — *Paul Verlaine: Confessions of a Poet*. P. 105–107.
 «...либералы!» — Enid Starkie *Arthur Rimbaud*. P. 155.
 «...темным сном, который его окружает». — Бодлер, цит. в: Enid Starkie *Arthur Rimbaud*. P. 117.
 «Я это другой» [Je est un autre]. — Письмо 1871 года к Жоржу Изамбару. *Rimbaud: Complete Works, Selected Letters* ed. Wallace Fowlie. P. 305.
 «...выводя из равновесия все свои чувства». — Ibid. P. 307.
 «...Яды, которыми дышала Сивилла!» — Starkie. P. 132.
 «...лечь в дерьмо!» — *Rimbaud: Complete Works*. P. 315.
 «...Качая ив вершины». — Перевод М. Кудинова. А. Рембо. Пьяный корабль. Стихотворения (М.: ЭКСМО-Пресс, 2000). С. 202.
 «...ко дну утопленник идет». — Перевод В. Набокова. П. Верлен, А. Рембо, С. Малларме. Стихотворения, проза (М.: Рипол Классик, 1998). С. 369.
 «...Киммерии, родине мрака и вихрей». Перевод М. Кудинова. А. Рембо, Пьяный корабль. Стихотворения (М.: ЭКСМО-Пресс, 2000). С. 316–317, 319, 324.
 «аметистовые колонны, мраморных и деревянных ангелов...» — Starkie. P. 369.
 «...в самой жизни и во многом ином». — «Манифест сюрреализма» (1924), в: Называть вещи своими именами. Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века. М.: Прогресс, 1986. С. 57.

- Глава 5. Невознагражденный гений
 Иврит и санскрит: Richardson *Verlaine*. P. 18.
 Телеграф, фотография и общение с планетами. — Ibid.
 «пускать вхолостую мельницу стихотворного ритма». — А. Бретон. Антология черного юмора. М.: Carte Blanche, 1999. С. 169.
 искусственные рубины. — Ibid.
 «самой странной книгой...» — О. Уайльд. Портрет Дориана Грея в: О. Уайльд. Избранное (М.: Художественная литература, 1986). С. 136.
 Существуют и другие версии того, чем была эта Желтая книга у Уайльда.
 «...прохладно-шутливыми замечаниями». — Ж.-К. Гюисманс «Наоборот». Перевод Е.Л. Кассировой, в: Ж.-К. Гюисманс, «Наоборот», Р.М. Рильке, «Записки Мальте Лауридса Бригге», Дж. Джойс, «Портрет художника в юности» (М.: Республика, 1995). С. 126.
 «...страдания, бедности и одиночества». — Marie Corelli *Wormwood*. Vol. 1. P. 105.
 «Lendemain» и «сыграть роль в нескольких драмах». — *Wormwood*. Vol. 2. P. 7.
 «А не пойти ли нам всем и не стать ли богемными...» — Цит. в: Michael Meyer *Strindberg: A Biography*. P. 451.
 «Что же до абсента...» — Ibid. P. 372.
 «...Лондонский Мост, где толпа поистине таинственна и зловаща». — Ibid. P. 373.
 «воздушное электричество... без участия шелкопряда». — Ibid. P. 331.
 «...и черта, пригнувшегося к полу». — Ibid. P. 330.
 «Например, только что открыли рентгеновские лучи...» — Ibid.
 «...и жестокий мужеложец». — Goncourts. P. 399.
 «...произошел от тамплиеров через какого-то медиума». — Ibid. P. 100–101.
 «...довел до сумасшедшего дома». — Richardson *Verlaine*. P. 245.
 «священное писание». — Цит. в: Edmund Wilson *Axel's Castle*. P. 258.
 «...воспоминания о Востоке, которые ты носишь в сердце!» — Цит. в: *Axel's Castle*. P. 263.
 «ЖАРРИ — в абсенте». — «Манифест сюрреализма» в: Называть вещи своими именами. Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века. М.: Прогресс, 1986. С. 57.
 «...его собственный револьвер, и он мгновенно протрезвел». — Keith Beaumont *Alfred Jarry*. P. 125–126.

- «...делает ее мутной». — Roger Shattuck, *The Banquet Years*. P. 157.
 «...как очень милый продажный мужчина». — *Wilde Letters*. P. 1075.
 «...допился до белой горячки». — Shattuck. P. 164.
 «...никакие человеческие черты». — Ibid.
 «...и Зеленая Фея забрали их обоих». — David Sweetman *Toulouse-Lautrec and the Fin-de-Siecle*. P. 433.
 «...и просто абсолютно грубой». — Ibid. P. 425.
 «...и фашизм, и сталинизм». — А. Бретон. Антология черного юмора. С. 193.
 «...дикий бог». — Yeats *Autobiographies*. P. 349.
 «...отвергли в принципе». — Цит. в: Shattuck. P. 168.
 «...установить на крыше черный флаг». — А. Бретон. Антология черного юмора. С. 192.
 «...править своими снами». — Shattuck. P. 157.
 «...в некую абсолютную реальность, *сверх реальность*». — А. Бретон. «Манифест сюрреализма», в: Называть вещи своими именами. Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века. М.: Прогресс, 1986. С. 48.
 «преждевременного слабоумия». — Shattuck. P. 154.
 «...жизнь непрерывна». — Jarry *Days and Nights*. P. 103.
 «...о народе Леао и их "летающих головах"». — См.: Beaumont *Alfred Jarry*. P. 162–163.
 «...принять подчинение мира». — Jarry *Days and Nights*. P. 102.
 «...есть только камбалу». — Shattuck. P. 166.
 «...на пустой желудок полезнее». — Beaumont *Alfred Jarry*. P. 270.
 «...и только этим болен». — Ibid. P. 269.
 «...не всегда много ел». — Shattuck. P. 170.
 рассказ Альфонса Алле "Абсент": *The World of Alphonse Allais* ed. Miles Kington. P. 106–108.

Глава 6. С древности до Зеленого часа

- Эберс... Парацельс: все они часто упоминаются в более ранних книгах об абсенте, например, Lanier, глава 1.
 Кульпепер, «Полынь — трава Марса...» — Цит. в: Lanier. P. 6.
 «Возьмите сок полыни...» — Цит. в: Oxford English Dictionary (O.E.D.).

- «Бережливость» Тассера «Полынь — отрада сердцу и уму...» — Цит. в: Lanier. P. 4.
 «...он увидит во сне ту, кого любит». — Lady Wilkinson *Weeds and Wild Flowers* (1858). P. 353 (цит. в O.E.D.).
 «выросла в извивающемся следе змея...» — Цит. в: Lanier. P. 3.
 «Имя сей звезде "полынь"...» — «Откровение Иоанна Богослова», 8:11.
 Дальнейшие цитаты из пьес периода короля Иакова можно найти в O.E.D.
 История доктора Ординэра часто упоминается в более ранних работах об абсенте, например в: Zolotow (1971) и Congrad (глава 7) 16 — 408 — 20 000 литров: Congrad. P. 90–91.
 125 000 литров в день: Ibid. P. 93.
 «дыхание пьяницы». — Ibid. P. 94.
 История с верблюдом Рикара: некролог Рикара в газете «Telegraph», 15 ноября 1997 г.
 «до этих войн...» — Цит. в: Richardson *Verlaine*. P. 245.
 «Он выпивает первый абсент в одном кафе... Абсент выполняет свою работу быстрее». — Ibid. P. 245.
 «Когда наступает вечер, можно с изумлением увидеть...» — Ian Littlewood *Paris: a Literary Companion*. P. 194.
 «...в сумасшедшем доме, благотворительном приюте или морге». — Marie-Claude Delahaye *L'Absinthe: muse des poetes*. P. 42.
 «Эта смерть поразила меня как смерть богемы...» — Goncourts. P. 57.
 «Быть драматургом — не искусство...» — Ibid. P. 44.
 «...От него погибнет французская армия». — Флобер. Лексикон прописных истин. С. 378.
 гений для бездарностей, но гибель для истинного гения. — Аксиома доктора Г.Ж. Витковски, процитированная в: Delahaye *L'Absinthe: muse des poetes*. P. 11.
 «...Я выпил уже четыре абсента...» — Карикатура. Ibid. P. 87.
 Ниагарский водопад. — Карикатура. Ibid. P. 181.
 Карикатура «Декадент». — Ibid. P. 149.
 ...вдохновение приходит лишь после восьмого. — Карикатура. Ibid. P. 286.

Глава 7. Перед запретом

- «говорил о зеленой собаке...» — Goncourts. P. 253—254.
 «...ужасного абсента, окрашенного сульфатом цинка». — Ibid. P. 362.
 «...как тело, одержимое наваждением». — Ibid. P. 42.
 «женский абсент». — Congrad. P. 52.
 Ланье цитирует рекламу: Lanier. P. 28.
 «Женщины имеют особый вкус к абсенту...» — Congrad. P. 79.
 «абсент всегда подчеркивал определенные черты...» — Ibid. P. 131.
 «В женском алкоголизме врачей больше всего пугает...» — Lanier. P. 28.
 «...какие мужчины свиньи». — Эмиль Золя. Нана. С. 248.
 «Любитель абсента!...» — Эта история приводится в книге Джорджа Хирда Гамильтона (George Heard Hamilton) «Manet and His Critics». Пруст вспоминал ее немного по-другому: «Друг мой, здесь есть только один любитель абсента, и это художник, породивший это безумие». См.: Anne Coffin Hanson *Manet and the Modern Tradition*. P. 157.
 «...лучшая грудь в Европе». — Daniel Farson *Soho in the Fifties* (Michael Joseph, 1987). P. 54.
 «...мы до двух часов ночи говорили о красоте». — Littlewood *Paris: A Literary Companion*. P. 195.
 «совершенством уродства». — Цит. в: Ronald Pickvance, «L'Absinthe in England» (*Apollo* May 15th 1963. P. 396). Источником всех последующих подробностей о реакции на эту картину также является книга Пикванса.
 «...Дега меня просто уничтожил!» — Цит. в: Congrad. P. 53.
 «...Он пил абсент». — Золя. Западня. С. 418.
 «Я старый парижанин...» — Цит. в: Delahaye *Art et Histoire*. P. 104.
 «Наши отцы еще знали времена...» — Ibid. P. 105.
 «больше времени и денег, которые они могли потратить на выпивку». — Lanier. P. 44.
 «Абсент убивает, но помогает жить». — Карикатура в кн.: Delahaye *L'Absinthe: muse des poètes*. P. 264.
 «...Это мой абсент». — Goncourts. P. 132.
 «...Нана слушала, холодея». — Золя. Нана. С. 208.
 «человек из народа, рабочий...» — Congrad. P. 22.
 «...чем-либо отличается от хронического алкоголизма». — *The Lancet* March 6th 1869. P. 334.

- «...с 39 градусов до 42». — *The Lancet* Sept. 7th 1872. P. 341.
 риск безумия как минимум в 246 раз выше... — Lanier. P. 35.
 «безумием в бутылке». — Ibid.
 «...девять из десяти случаев безумия вызвало отравление абсентом». — Ibid. P. 38
 Лоуренс Эллоуэй вызывает дух «богемного чудовища» в своем «Обсуждении» («Discussion»), опубликованном после статьи У.Р. Бетта (W.R. Bett) «Винсент Ван Гог (1853—90), художник и наркоман» («Vincent Van Gogh (1853—90) Artist and Addict») в: *British Journal of Addiction*. 1954. Т. 51. № 1, 2. С. 13.
 «...целиком написаны абсентом». — Sweetman. P. 421.
 «...схожее с дьявольским искушением». — Julia Frey *Toulouse-Lautrec: A Life*. P. 145.
 «Тебе будет грустно узнать, что Тулуз-Лотрека вчера посадили в сумасшедший дом». — Dowson *Letters*. P. 406.
 «Старый дурак». — Sweetman. P. 500.
 «Живопись Матисса делает безумным!» — Delahaye *Muse des Peintres*. P. 141.
 «Я сидел в кафе, сказал Альфи...» — Цит. в: Brooks Adams, «Picasso's Absinthe Glasses: Six Drinks to the End of an Era» (*Artforum*. April 1980).
 «...символизирует конец эпохи». — Ibid.
 «... "memento mori"». — Ibid.
 «напоминает то сатанинское затишье...» — Ibid.
 о трех слоях изображения см.: Werner Spies *Picasso Sculpture With a Complete Catalogue*. P. 50.

Глава 8. После запрета

- «Дух бульваров мертв...» — Congrad. P. 135.
 «ядовитый зуб зеленой феи». — Джеймс Джойс. Улисс. М.: Республика, 1993. С. 47.
 «полынь цвета лягушки». — Ibid. С. 45.
 «Nos omnes biberimus viridum toxicum...» — Ibid. С. 448.
 «зеленоглазое чудовище». — Ibid. С. 552.
 «...свой парижский адрес». — James Joyce *Finnegans Wake* (Джеймс Джойс. Поминки по Финнегану), 464.17.
 «...питона, обвиняющегося вокруг своей жертвы». — Lanier. P. 154.
 «...Ты пьешь свой абсент». — Lanier. P. 123.

- «почти столь же опасен, как кокаин...» — Ibid.
 «...ослабел, и его уложили в постель». — Tom Dardis *The Thirsty Muse: Alcohol and the American Writer*. P. 215.
 «...есть, что сказать в защиту смерти». — Ibid. P. 253.
 «...для всех наших вечеринок». — Ibid. P. 42.
 «...в больших количествах». — Lanier. P. 139.
 «...все не столь уж благополучно». — Dardis. P. 164.
 «...пил практически перед каждым из них». — Ibid.
 полынь и древооточцы. — Conrad. P. 137.
 «...расстраивал рефлекс». — Цит. в: Conrad. P. 131.
 «а одна такая кружка заменяла все вечерние газеты...» — Эрнест Хемингуэй. По ком звонит колокол в: *Хемингуэй Э. Собрание сочинений*: В 4-х т. (М.: Художественная литература, 1981). Т. 3. С. 137.
 «...по несколько капель». — Ibid.
 «...Лучше абсента ничего нет». — Ibid. С. 290.
 «нежную анестезию». — Ibid. С. 137.
 «...усовершенствоваться и стать очень культурными людьми». — Victor Arwas *Alastair: Illustrator of Decadence*. P. 17.
 «Абсурдный, ароматный, безжалостный...» — Цит. в: Geoffrey Wolff *Black Sun*. P. 138.
 «...как черная жемчужина в бокале мертвенно-зеленого абсента». — Ibid. P. 140.
 «несообразным, утрированным, беспричинным унынием». — Ibid. P. 139.
 «...Цветами разложения, *Fleurs du Mal*». — Ibid. P. 139.
 «тени только что из ада». — Arwas *Alastair*. P. 18.
 «...и двумя бутылками абсента». — Conrad. P. 141.
 «...куда и перелил абсент...» — Ibid.
 «...попойку в честь Верлена...» — Wolff. P. 163.
 «...умереть вместе с возлюбленной». — Conrad. P. 143.
 «...вотум доверия космосу». — Ibid.
 «...задрожала, поднялась и снова упала». — Anne Rice *Interview with the Vampire*. P. 150.
 «...с наркотиков, которые вошли в моду благодаря их праотцам». — Цит. в: *The Times* 24 August 1994. P. 10.
 «викторианский грандж». — Ibid.

- «За сокровища и наслаждения могилы...» — Poppy Z. Brite *His Mouth Will Taste of Wormwood*. P. 1.
 «...? с ним или без него?» — то есть с абсентом или без абсента». — C.W.J. Brasher, «Absinthe and Absinthe Drinking in England» (*The Lancet* April 26 1930. P. 944).
 «...Но, должен сказать, сейчас он мне понравился бы». — Alec Waugh *In Praise of Wine*. P. 180.
 «...любопытным свойством удваивать воздействие любого напитка...» — H. Warner Allen, цит. в: Zolotow. P. 172.
 «глядящей в опаловые глубины своего абсент-франше...» — Ивлин Во. Упадок и разрушение. С. 142.
 «...свой стакан алого сиропа». — Evelyn Waugh *Scoop*. P. 129.
 «...заказал еще абсента». — Ibid.
 «*delowtyum tremens*» и другие сведения о Лоури из книги Гордона Боукера (Gordon Bowker) «*Pursued by Furies*», (Harper Collins, 1993) цит. по: P. Baker, «*Delowtyum tremens*» (*Times Literary Supplement*. Dec. 31st 1993).
 «...цветистый дьявол грозил ему вилами». — Malcolm Lowry *Under the Volcano*. P. 10.
 «...спрятанные в столах консульств...» — Ibid. P. 307.
 «От синих глаз дома пришли деньги...» — Samuel Beckett *A Dream of Fair to Middling Women*. P. 37.
 «...помогал раздувать грусть грустных вечеров». — Ibid. P. 143.
 «Старый представитель богемы, закаленный многолетним питьем абсента и посещениями монмартрских кафе». — Harriet Vyner *Groovy Bob*. P. 13.

Глава 9. Возрождение абсента

- «Как-то зимой, разглядывая бутылки в пражском баре...» — John Moore, «The Return of Absinthe» *The Idler Winter*. 1997. P. 39.
 «...для довольно похожих целей». — Ibid.
 «...сюрреалистичные и непристойные». — Ibid.
 «...звоните в редакцию нашего журнала». — Ibid. P. 41.
 «к ужасу активистов антиалкогольной пропаганды...» — Stuart Miller, «Green Fairy Fires Spirits After Long Absinthe» *Guardian* Dec. 1st 1998.

- «Такую рекламу не купишь ни за какие деньги». — Tom Hodgkinson, «Absinthe — that's the spirit» *Telegraph*. 3 Dec 1998.
- «...напитке декадентского fin-de-siecle». — Joanna Simon, «Absinthe Minded» *Sunday Times*. 17 Jan 1999.
- «Ужасно!...» — Ibid.
- «водку на стероидах...» — Ben Macintyre, «One green bottle makes fools of us all» *Times*. 5 Dec 98.
- «Мне не доводилось пить шампунь "Восэн"...» — Richard Neill, «Absinthe makes the head pound harder» *Telegraph*. 8 Feb 1997.
- «...затянуть его действие». — Ibid.
- «Он действует!» — Цит. в: T. Hodgkinson, «Wild Green Fairy Liquid» *Loaded*. Feb 1999.
- «Это отвратительная иностранная дрянь...» — Цит. в: Tony Allen-Mills, «French start bar brawl for 'real' absinthe» *Sun Times*. 18 April 1999.
- «...они бы перевернулись в своих гробах». — Ibid.
- «...de farniente, de douceur de vivre». — Delahaye *Histoire de la Fée Verte*. P. 94.
- «...только крепче и не желтый». — Dick Bradsell в: *Class: the magazine of bar culture*, перепечатано на сайте eabsinthe.com.
- Дэмиен Херст сообщил, что думает над созданием серии произведений, вдохновленных абсентом, в: «Peterborough» *Telegraph*. 8 Dec 1998.
- «...яд ...запретить ...дуреют». — Цит. в: Adam Helliker, «Lethal Tipper» *Sunday Telegraph*. 2 May 1999.
- «...явно обладает качествами, воздействующими на рассудок». — Цит. в: «Baron's son fight drinking ban after 'poison' absinthe» *Evening Standard*. 16 June 1999.
- «Он не более опасен, чем любое другое вещество...» — Цит. в: *The Publican* «Sales of absinthe are set to rise...». 11 Feb 1999, перепечатано на сайте eabsinthe.com.
- «мы будем очень внимательно следить за ним...» — Цит. в: Tom Baldwin, «Labour poised to ban absinthe» *Sunday Telegraph*. 27 Dec 1998.
- «...запретит его». — Michael Bywater, «Why Government is bad for you» *Telegraph*. 25 Feb 1999.

Глава 10. Ритуалы

- Источником первых трех цитат о притягательности ритуала является интернет: первая — с сайта интернет-магазина, автор второй — «Принцесса Ксанакс» с сайта egowid.com, а третьей — «Каллисти» с сайта sepulchitude.com.
- «...схожее с применением внутривенных наркотиков». — John Moore, «The Return of Absinthe». P. 39.
- «церемониалом и этикетом...» — Saintsbury. P. 144.
- Автор карикатуры конца XIX века со старым жителем французской колонии и мальчиком, сидящим на дереве, — Тествюид (Testevuide). Эта карикатура опубликована в кн.: Delahaye *Art et Histoire*. P. 49.
- «...превосходное пюре». — Цит. в: Delahaye *L'Absinthe: Muse des Poètes*. P. 20.
- «...одна лишняя капля могла мгновенно испортить священный напиток». — Marcel Pagnol, *The Time of Secrets*. P. 85–86.
- 30 мл в: Strang J, Arnold WN, Peters T., «Absinthe: what's your poison?» *British Medical Journal* [электронная версия]. 18th Dec. 1999; 319; P. 1590–1592.
- «...Сати или Равеля, чтобы войти в настроение». — Вагпaby Conrad в: *USA Today*. 18 August 1997.
- «профессора абсента уже были на своих позициях...» — Conrad *Absinthe*. P. 22.
- «Это серьезное испытание для любителя...» — Lanier. P. 16.
- «Какая минута для начинающего!...» — Lanier. P. 17.
- «В каждом кружке молодых мужчин найдется ветеран...» — Marie-Claude Delahaye *L'Absinthe: Histoire de la Fée Verte*. P. 89–90.
- Изобретение «полночного абсента» и «абсента мусорщика» приписывают Тулуз-Лотреку. Разнообразные названия и вариации рецептов можно найти в разделе «Словарь» книги Мари-Клод Делаэ «L'Absinthe: Art et Histoire» (С. 36–43).
- «...Лиловый туман...» — Stuart Mangrum, «Absinthe, the Potent Green Fairy» в: *Proust Said That* issue. № 7.
- «...выплесните побыстрее в окно». Юмористические карикатуры Валентина воспроизведены в: Delahaye *L'Absinthe: Muse des Poètes*. P. 22 и Delahaye *L'Absinthe: Muse des Peintres*. P. 21.

Глава 11. Что же делает абсент?

- «новыми идеями и уникальными ощущениями» W.N. Arnold «Absinthe» *Scientific American*. June 1989. P. 86.
- «за пределы стен». — Каллисти на сайте sepulchritude.com.
- «...ясность, которую они не порождают». — Lilith, цит. в: «Absinthe Devotees: The Green Fog» на сайте wired.com August 2000.
- «Он проясняет, собирает, фокусирует...» — «Принцесса Ксанакс» на сайте egowid.com.
- «Употребляющие абсент отмечали "двойное свойство"» — «Absinthe» *Clinical Toxicology Review*. Vol. 18. № 4. Jan 1996.
- «...Я хочу умереть!» — T. Hodgkinson, «Wild Green Fairy Liquid» *Loaded*, Feb 1999.
- «...лишь низменные разглагольствования». — Ibid.
- «...страдали манией преследования». — Lanceteaux цит. в: Brasher, 1930. P. 945.
- «Многие из тех, кто, пьет духи, — женщины...» — Ibid.
- «серьезное повреждение нервной системы». — Цит. в: Arnold, «Absinthe» *Scientific American*. June 1989. P. 90.
- «...напоминающей печь дьявола или светлую серу». — Цит. в: Lanier. P. 85.
- «Какой-то сатир, карлик...» — W.R. Bett, «Vincent Van Gogh: Artist and Addict» *British Journal of Addiction*. Vol. 51. № 1–2. P. 7.
- «...затылочную долю, контролирующую зрение». — D. Wilkins and S. Schultz *Art Past, Art Present* (New York, Abrams, 1990), цит. в: Lanier. P. 86.
- «...ни о чем в этом мире не заботясь». — Цит. в: Lanier. P. 88.
- «склонность». — W.N. Arnold, «Vincent Van Gogh and the thujone connection» *Journal of the American Medical Association*. Vol. 260. № 20 (Nov. 25 1988). P. 3042.
- «Я борюсь с бессонницей с помощью очень, очень сильной дозы камфары...» — Ibid. P. 3043.
- «...как мертвец не может сесть в поезд». — Цит. в: Lanier. P. 89.
- «как будто держали его в крепких объятиях». — U.F. Vandembroucke, цит. в: Arnold, «Vincent Van Gogh and the thujone connection». P. 3044.
- «...три дня слабости или сна». — Adam Gottlieb *Legal Highs*. P. 53.

- «...главным образом состоящее из туйона». — Ibid. P. 52.
- «Буду держать вас в курсе (если не забуду!)». — «Kurt» «Absinthe: My Dance with the Green Fairy» на сайте entheogen.com.
- «возбужден, дезориентирован и говорил бессвязно» и т.д. — S.D. Weisbord, J.B. Soule, P.L. Kimmel, «Poison on Line: Acute Renal Failure Caused by Oil of Wormwood Purchased Through the Internet» *New England Journal of Medicine*. Vol. 337. № 12. P. 825.
- «...Прошу простить меня за неудобства, которые я Вам причинил». — Письмо опубликовано на сайте gumborpages.com.
- «...Доходить до этой точки опасно». — Lilith, в: Frauenfelder, «Absinthe Devotees» на сайте wired.com.
- «жидким косяком». — Frauenfelder. Op. cit.
- «...когда-либо изобретенных людьми». — Zolotow, «Absinthe». P. 174.
- «...зловещую тягу». — Eric Newby *A Short Walk in the Hindu Kush*. P. 163.
- «...в сущности, афродизиак». — Ibid. P. 174.
- Мешлер и др. — Meschler J, Marsh C, Land B, Howlett, «Failure of the active component of absinthe to bind the cannabinoid receptor» International Cannabinoid Research Society paper (1997), цит. в: Matthew Baggot *Absinthe FAQ* [интернет].
- 260/350 мг. — Strang et al., «Absinthe: What's Your Poison?».
- «...Основываясь на этом личном опыте, я предполагаю, что в этой марке довольно много туйона». — Аноним на сайте sepulchritude.com, раздел «Absinthe Guide».
- «...Алкоголизм — враг искусства и проклятие западной цивилизации...» — Cyril Connolly, цит. в: Dardis. P. 9.
- «Во Франции никто не ждет многого от пьющего человека...» — Glenway Westcott, цит. в: Dardis. P. 11.
- «дает возможность примириться с дураками, оставлять в покое работу...» — Хемингуэй, цит. в: Dardis. P. 202.
- «...депрессант, чтобы обузывать умственное возбуждение, вызванное длительной трезвостью». — E. Exley *A Fan's Notes* (Penguin, 1990). P. 31.
- «...но не всегда уходит по твоему желанию». — Baudelaire *Intimate Journals*. P. 13.

«примерно во время этого второго стакана, щелкнул выключатель... нам никогда ее не хватит». — Caroline Knapp *Drinking*. P. 53.

«...приближение к пустоте должно быть постепенным и утонченным». — Patrick McGrath *The Grottesque* (Penguin, 1990). P. 133.

«On n'est pas presses». — Ralph Rumney *Le Consul* (Paris, Editions Allia, 1999). P. 27.

«...выпил намного больше, чем большинство пьяниц». — Guy Debord *Panegyric* trans. James Brook (Verso, 1991). P. 34.

«...настоящий вкус течения времени». — Ibid. P. 35.

БИБЛИОГРАФИЯ

Ackroyd Peter (introduction) *A Catalogue of Rare Books Offered for Sale from the collection of Giles Gordon: Oscar Wilde, Aubrey Beardsley and the 1890s* (Gekoski, 1994).

Adams, Brooks 'Six Drinks to the End of the Era' *Artforum* (April, 1980).

Adams, Jad *Madder Music, Stronger Wine: The Life of Ernest Douson, Poet and Decadent* (I.B. Tauris, 2000).

Allais, Alphonse «Absinthe» в: *The World of Alphonse Allais* ed. Miles Kington (Chatto and Windus, 1976).

Allen-Mills, Tony «French start bar brawl for "real" absinthe» *Sun Times* 18 April 1999.

Alloway, Lawrence [отвер W.R. Bett; см. Bett].

Applegate, Bergen *Verlaine: his absinthe-tinted song* (Chicago, Alderbrink Press, 1916).

Arnold, Wilfred Niels «Absinthe» *Scientific American* 260 (June 1989).

Arnold, Wilfred Niels «Vincent Van Gogh and the thujone connection» *Journal of the American Medical Association* 260:20 (Nov. 25 1988).

Arnold, WN, Loftus, LS «Vincent Van Gogh's Illness: Acute Intermittent Porphyria?» *British Medical Journal* 1991; 303; 1589–1591.

Arwas, Victor *Alastair: Illustrator of Decadence* (Thames and Hudson, 1979).

Asbury, Herbert *The French Quarter* (New York, Knopf, 1936).

Baldwin, Tom «Labour poised to ban absinthe» *Sunday Telegraph* 27 Dec 1998.

Balesta, Henri *Absinthe et Absintheurs* (Paris, Marpon, 1860).

Barthes, Roland *Roland Barthes by Roland Barthes* (NY, Hill and Wang, 1977).

- Baudelaire, Charles *Intimate Journals*, with a preface by Christopher Isherwood (Blach Spring Press, 1989).
- Baudelaire, Charles *Baudelaire: The Complete Verse* ed. Francis Scarfe (Anvill Press, 1986).
- Baudelaire, Charles *Petits Poemes en Prose: Le Spleen de Paris* ed. Henri Lemaitre (Paris, Garnier, 1974).
- Beaumont, Keith *Alfred Jarry: a critical and biographical study* (Leicester University Press, 1984).
- Beckett, Samuel *A Dream of Fair to Middling Women* (Dublin, Black Cat, 1992).
- Beerbohm, Max «Enoch Soames» в: *The Bodley Head Max Beerbohm* (Bodley Head, 1970).
- Bett, W.R. «Vincent Van Gogh (1853—1990): Artist and Addict» *British Journal of Addiction* 51. Nos. 1 and 2. April 1954.
- Brasher, C.W.J. «Absinthe and Absinthe Drinking in England» *The Lancet* April 26 1930.
- Brite, Poppy Z. *His Mouth Will Taste of Wormwood* (Penguin, 1995).
- Buchanan, Robert Williams *The Complete Poetical Works of Robert Williams Buchanan* (Chatto and Windus, 1901).
- Bywater, Michael «Why Government is bad for you» *Telegraph* 25 Feb 1999.
- Castillo, J del et al. «Marijuana, absinthe and the central nervous system» *Nature* Vol. 253 (January 31, 1975).
- Conklin, Don «Absinthe is making a comeback» *College Hill Independent* 17th April 1997.
- Conrad, Barnaby *Absinthe: History in a Bottle* (San Francisco, Chronicle Books, 1988).
- Corelli, Marie *Wormwood: A Drama of Paris* in 3 volumes (Richard Bentley and Son, 1890).
- Crosby, Harry *Shadows of the Sun. — The Diaries of Harry Crosby* ed. Edward Germain (Santa Barbara, Black Sparrow, 1977).
- Crowley, Aleister *The Confessions of Aleister Crowley* (Jonathan Cape, 1969).
- Crowley, Aleister (as 'Jeanne la Goulue') «La Légende de l'Absinthe» *The International* (New York, October 1917).
- Crowley, Aleister «The Green Goddess» *The International* (New York, February 1918).

- Dardis, Tom *The Thirsty Muse: Alcohol and the American Writer* (Abacus, 1990).
- Debord, Guy *Panegyric* trans. James Brook (Verso, 1991).
- Delahaye, Marie-Claude *L'Absinthe, histoire de la fée verte* (Paris, Berger-Levrault, 1987).
- Delayac, Marie-Claude *L'Absinthe: Art et Histoire* (Paris, Editions Trame Way, 1990).
- Delahaye, Marie-Claude, and Noel, Benoit *L'Absinthe: muse des peintres* (Paris, Editions de l'Amateur, 1999).
- Delahaye, Marie-Claude *L'Absinthe: muse des poètes* (Auvers-sur-Oise, Musée de l'Absinthe, 2000).
- Dobson, Roger 'A Palimpsest of Three Impostors' *Faunus* № 7 Spring 2001.
- Dowson, Ernest *The Letters of Ernest Dowson*, ed. Desmond Flower and Henry Maas (Cassell, 1967).
- Dubois, Claude *Apaches, Voyous et Gonzes Poilus* (Paris, editions Parigramme, 1996).
- Ellmann, Richard *Oscar Wilde* (New York, Knopf, 1988).
- Elms, Robert *Spain: A Portrait the General* (Heinemann, 1992).
- Fothergill, John *My Three Inns* (Chatto and Windus, 1949).
- Frauenfelder, Mark, «Absinthe Devotees: The Green Fog», August 2000. [wired.com].
- Frey, Julia *Toulouse-Lautrec: A Life* (Weidenfeld and Nicolson, 1994).
- Gilbert, W.S. *Lost Bab Ballads* ed. Townley Searle (Putnam, 1932).
- Goncourt, Edmond and Jules de *Pages From The Goncourt Journals* ed. Robert Baldick (O.U.P., 1962).
- Gosse, Edmund, «A First Sight of Verlaine» *The Savoy* № 2 (April, 1896).
- Gottlieb, Adam *Legal Highs* (Manhattan Beach Calif., 20th Century Alchemist, 1992 [1973]).
- Gross, John *The Rise and Fall of the Man of Letters* (Weidenfeld and Nicolson, 1969).
- Guyot, Yves *L'absinthe et le délire persecuteur* (Paris, 1907).
- Hamilton, George Heard, *Manet and His Critics* (Yale, 1986).
- Hanson, Anne Coffin, *Manet and the Modern Tradition* (Yale, 1977).
- Helliker, Adam, «Lethal Tipper» *Sunday Telegraph* (2 May 1999).
- Hemingway, Ernest *Death in the Afternoon* (Jonathan Cape, 1932).

- [Hichens, Robert] Anon. *The Green Carnation* (William Heinemann, 1894).
- Hodgkinson, Tom, «Absinthe – that's the spirit» *Telegraph* (3 Dec 1998).
- Hodgkinson, Tom, «Wild Green Fairy Liquid» *Loaded* (Feb 1999).
- Hold KM, Sirisoma NS, Ikeda T, Narahashi T, Casida JE «Alpha-thujone (the active component of absinthe): gamma-aminobutyric acid type A receptor modulation and metabolic detoxification» *Proceedings of the National Academy of Sciences* 97:8 (April 11, 2000).
- Hopkins, R. Thurston, «A London Phantom» printed as Appendix D of Ernest Dowson *Letters*.
- Hughes, Robert *Nothing If Not Critical: Selected Essays on Art and Artists* (Harvill, 1990).
- Hussey, Andrew *The Game of War: The Life and Death of Guy Debord* (Jonathan Cape, 2001).
- Huysmans, J.K. *Against Nature* (Penguin, 1976).
- Jackson, Holbrook, *The Eighteen Nineties* (Jonathan Cape, 1927).
- Jarry, Alfred *Days and Nights* (Atlas, 1989).
- James Joyce, *Finnegans Wake* (Faber, 1939).
- Jones, Thomas *The Art of Distilling Simple and Compound Waters on the Most Modern and Improved Principles* (London, n.d.c. 1840).
- Kernahan, Coulson, «Two Absinthe-Minded Beggars» *Chamber's Journal* (June 1930).
- Kington, Miles *The World of Alphonse Allais* (Chatto).
- Klein, Richard *Cigarettes Are Sublime* (Picador, 1995).
- «Kurt», «Absinthe: My Dance with the Green Fairy» [entheogen.com].
- Lancet*, The March 6th 1869 «Absinthe and Alcohol».
- Lancet*, The Sept 7th 1872 «New researches on the properties of absinthe».
- Lancet*, The [see also Brasher].
- Lanier, Doris *Absinthe: The Cocaine of the Nineteenth Century* (Jefferson, McFarland and Co., 1995).
- Le Gallienne, Richard *The Romantic '90s* (Putnams, 1925).
- Levien, D.J. *Wormwood* (Allison and Busby, 1998).
- Littlewood, Ian *Paris: A Literary Companion* (John Murray, 1987).
- Lowry, Malcolm *Under the Volcano* (Jonathan Cape, 1947).

- Machen, Arthur, *Arthur Machen: A Bibliography* by Henry Danielson, with Notes by Arthur Machen (Henry Danielson, 1923).
- Macintyre, Ben, «One green bottle makes fools of us all» *Times* (5 Dec 98).
- Mangrum, Stuart, «Absinthe, the Potent Green Fairy» в: *Proust Said That issue № 7* [proust.com].
- Maugham, W. Somerset *The Magician, together with a fragment of Autobiography* (Heinemann, 1956).
- Mew, J. and Ashton, J. *Drinks of the World* (Leadenhall Press, 1892).
- Meyer, Michael *Strindberg: A Biography* (Secker and Warburg, 1985).
- Miller, Stuart, «Green Fairy Fires Spirits After Long Absinthe» *Guardian* (Dec. 1st 1998).
- [Monson case] «Baron's son fight drinking ban after "poison" absinthe» *Evening Standard* (16 June 1999).
- Moore, John, «The Return of Absinthe» *The Idler* (Winter 1997).
- Morrow, William Chambers «Over an Absinthe Bottle» в: *The Ape, the Idiot, and the Other People* (Philadelphia, Lippincott, 1897).
- Nadelson, Regina, «The Sweet Taste of Decadence» *Metropolitan Home* (Nov 1982).
- Neill, Richard, «Absinthe makes the head pound harder» *Telegraph* (8 Feb 1997)
- Nelson, James G. *Publisher to the Decadents: Leonard Smisers in the Careers of Beardsley, Wilde, Dowson* (Pennsylvania, Pennsylvania State University Press, 2000).
- Newby, Eric *A Short Walk in the Hindu Kush* (Picador, 1981).
- Nordau, Max *Degeneration* (Heinemann, 1895).
- Olsen, Richard W., «Absinthe and gamma-aminobutyric receptors» *Proceedings of the National Academy of Sciences* 97:9 April 25, 2000.
- O'Sullivan, Vincent *Aspects of Wilde* (New York, Henry Holt, 1936).
- Pagnol, Marcel *The Time of Secrets* trans. Rita Barisse (Hamish Hamilton, 1962).
- Pater, Walter *The Renaissance* (Macmillan, 1910 [1873]).
- Pickvance, Ronald 'L'Absinthe in England' *Apollo* 77 (May 15th, 1963).
- Pinto-Scognamilio, W. 'Effetti del tujone sull'attivita spontanea e sul comportamento condizionato del ratto' *Bolletino Chimico Farmaceutico* № 107, 1968.
- Queneau, Raymond *The Flight of Icarus* trans. Barbara Wright (Calder and Boyars, 1973).

- Raby, Peter *Aubrey Beardsley and the Nineties* (Collins and Brown, 1998).
 Ricard, Paul, некролог в *Daily Telegraph* (15th Nov 1997).
 Rice, Anne *Interview with the Vampire* (Raven, 1976).
 Richardson, Joanna *Verlaine* (Weidenfeld and Nicolson, 1971).
 Rimbaud, Arthur *Rimbaud: Complete Works, Selected Letters* ed. Wallace Fowle (University of Chicago Press, 1966).
 Saintsbury, George *Notes on a Cellar-Book* (Macmillan, 1921).
 Seigel, Jerrold *Bohemian Paris: Culture, Politics and the Boundaries of Bourgeois Life, 1830–1930* (Viking, 1986).
 Shattuck, Roger *The Banquet Years* (Faber, 1959).
 Simon, Joanna, «Absinthe Minded» *Sunday Times* (17 Jan 1999).
 Spies, Werner *Picasso Sculpture With a Complete Catalogue* (Thames and Hudson, 1972).
 Starkie, Enid *Arthur Rimbaud* (Faber, 1938).
 Strang J, Arnold WN, Peters T., «Absinthe: what's your poison?» *British Medical Journal* 18th Dec. 1999 [версия в интернете]. Vol. 319. P. 1590–1592.
 Sweetman, David *Toulouse-Lautrec and the Fin-de-Siècle* (Hodder and Stoughton, 1999).
 Symons, Arthur, «A Literary Causerie: On a Book of Verses» *The Savoy* (№ 4 August, 1896).
 Symons, Arthur *Arthur Symons: Selected Writings* ed. Roger Holdsworth (Carcenet, 1974).
 Symons, Arthur *Arthur Symons: Selected Letters, 1880–1935* ed. Karl Beckson and John M. Munro (Macmillan, 1989).
 Tarling, W.J. *The Café Royal Cocktail Book* completed by W.J. Tarling, illus. Frederick Carter (Publications from Pall Mall, 1937).
 Thornton, R.K.R. (ed.) *Poetry of the Nineties* (Penguin, 1970).
 Verlaine, Paul *Confession of a Poet* trans. Joanna Richardson (Thames and Hudson, 1950).
 Verlaine, Paul, «A Francois Coppée», в: *Dedicaces* (Paris, Leon Vanier, 1894).
 Vogt, Donald D., «Absinthium; A 19thc drug of abuse» *Journal of Ethnopharmacology* (Vol. 4, 1981).
 Vyner, Harriet *Groovy Bob: The Life and Times of Robert Fraser* (Faber, 1999).
 Waugh, Alec *In Praise of Wine* (Cassell, 1959).

- Waugh, Evelyn *Scoop* (Penguin, 1973).
 Weber, Eugen *France: Fin-de-Siècle* (Harvard University Press, 1986).
 Weintraub, Stanley *The Savoy: Nineties Experiment* (Pennsylvania University Press, 1996).
 Weisbord SD, Soule JB, Kimmel PL, «Poison on line: acute renal failure caused by oil of wormwood purchased through the internet» *New England Journal of Medicine* 337. № 12. P. 825 (1997).
 Wilde, Oscar *The Complete Letters of Oscar Wilde* ed. Merlin Holland and Rupert Hart-Davis (Fourth Estate, 2000).
 Williams, F. Harald, *Confessions of a Poet* (Hutchinson, 1894).
 Wilson, Edmund *Axel's Castle* (Penguin, 1993).
 Wolff, Geoffrey *Black Sun* (New York, Random House, 1976).
 Wolf, Alan D., «Absinthe» *Clinical Toxicology Review* (Massachusetts, Massachusetts Poison Control System). Vol. 18. № 4 (January 1996).
 Wu, C., «Toxin in absinthe makes neurons run wild» *Science News* (April 1, 2000).
 Yeats, W.B. *Autobiographies* (Macmillan, 1955).
 Yeats, W.B. [intro] *The Oxford Book of Modern Verse 1892–1935* (Oxford, 1936).
 Zolotow, Maurice, «Absinthe» *Playboy* (June 1971).
- Бретон, Андре «Антология черного юмора». М.: Carte Blanche, 1999.
 Бретон, Андре, «Манифест сюрреализма» в: Называть вещи своими именами. Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века. М.: Прогресс, 1986. С. 40–72.
 Во, Ивлиин, «Упадок и разрушение. Рассказы». М.: Художественная литература, 1984.
 Джойс, Джеймс, «Улисс». М.: Республика, 1993.
 Жид, Андре, «Фальшивомонетчики. Тесные врата». М.: Прогресс, 1991.
 Золя, Эмиль, «Западня. Рассказы». М.: Правда, 1990.
 Золя, Эмиль, «Нана». Ростов/н/Д: Ростовское книжное издательство, 1957.
 Моэм, Уильям Сомерсет, «Бремя страстей человеческих». М.: Изд-во иностранной литературы, 1959.
 Уайльд, Оскар, «Портрет Дориана Грея», в: Уайльд О. «Избранное». М.: Художественная литература, 1986.

Фицджеральд, Ф. Скотт, «Прекрасные и проклятые». М.: Грантъ, 1999.

Флобер, Гюстав, «Лексикон прописных истин». В: Флобер, Гюстав, Собрание сочинений: В 3 т. М.: Художественная литература, 1983. Т. 3.

Хемингуэй, Эрнест, «По ком звонит колокол». В: Хемингуэй Э., Собрание сочинений: В 4 т. М.: Художественная литература, 1981. Т. 3.

Интернет

На слово "Абсент" в настоящее время (середина лета 2001) можно найти около 54 400 ссылок в интернете при использовании поисковой системы «Google». Большая часть этого — недолговечный или низкопробный материал, как следующий отрывок, автор которого предполагает, что «возможно, эти художники XIX века наткнулись на ключ, который позволит нам, в будущем, генетически изменять наших детей, чтобы делать из них художественных вундеркиндов». Однако из общей массы выделяются несколько сайтов, посвященных абсенту, особенно «La Fee Verte» американского готического сайта sepulchritude.com и блестящий раздел «Absinthe FAQ» («часто задаваемые вопросы об абсенте») Мэтью Бэгготта, в данный момент размещенный на разных сайтах. Есть и другие качественные электронные ресурсы, посвященные абсенту, но это главным образом коммерческие и маркетинговые сайты, стимулирующие продажу абсента. Захватывающий новоорлеанский сайт, gumborpages.com, содержит мало информации об абсенте, но будет интересен тем, кто хочет узнать подробнее об истории «передозировки польнью, купленной через интернет».

Музей абсента

Великолепный музей абсента Мари-Клод Делаэ (Le Musée de l'Absinthe) находится во французском городе Овер-сюр-Уаз, по адресу: 44 rue Calle, 95430 Auvers-sur-Oise.

БЛАГОДАРНОСТИ

Любой современный автор, пишущий об абсенте, находится в долгу перед Мари-Клод Делаэ, которой принадлежит большая заслуга в спасении французского абсента от культурного забвения. Ее книги об абсенте — незаменимый источник информации. Мне также очень понравилась книга Барнаби Конрада с ее серьезным исследованием и великолепными иллюстрациями, и многое я почерпнул из книги Дорис Ланье.

Многие уделили мне свое время и усилия и любезно откликнулись на мои просьбы о помощи или информации, среди них Лиз Брукс, Кэти Брюннер, Ниши Чэтурведи, Джеффри Элборн, Бен Ферни, Доктор Эдвард Фезерстоун, Ричард Хаттон, Джон Мур, Иан Пиндар, Рэй Расселл, Макс Разерстон и Гэвин Семпл.

В Приложении 1 отрывок из «Полета Икара» Рэймонда Кено перепечатан с разрешения издательства «Calder Publications» (Лондон). Отрывок из «Польни» Д. Дж. Левиена перепечатан с разрешения издательства «Allison and Busby» (Лондон). Отрывок из романа «Бремя страстей человеческих» Сомерсета Моэма, опубликованного на английском языке Уильямом Хайнеманном (William Heinemann), перепечатан с разрешения «Random House Group Ltd». Права на публикацию стихотворения Антонена Арто «Verlaine Boit» («Верлен пьет») принадлежат «Editions Gallimard», и здесь стихотворение печатается с разрешения издательства. Автор и издатель этой книги безуспешно пытались найти обладателя авторских прав на произведение Р. Терстона Хопкинса и были бы рады, если бы правопреемники связались с ними.